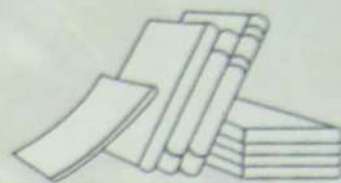
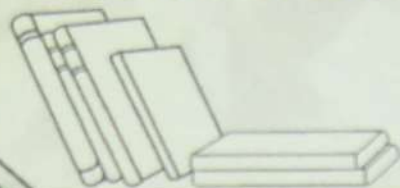

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЕТЕРАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ
Серия 18. Сыны Отечества

*Бойцам и командирам
96-й добровольческой
танковой бригады имени Челябинского
комсомола посвящается*

Нас в бой послал родной Урал
Живыми не уйдут фашисты
На запад! – Сталин приказал
Вперед челябинцы танкисты!

(Слова из гимна челябинской Бригады.
Муз.М.Черняка слова В. Фейгуса.)

СБЕРБА.Ю

Дорогие друзья!

Разрешите от имени Сбербанка приветствовать всех читателей серии книг «Бойцы вспоминают»! Вы держите в руках уникальный архив воспоминаний Ветеранов. Это наша с вами история, память и гордость.

К сожалению, время неумолимо идет вперед, Ветеранов становится с каждым годом все меньше и меньше, и наша задача состоит в том, чтобы успеть оказать им внимание, сохранить и увековечить, передав подрастающему поколению, память о героическом подвиге Народа-Победителя.

Мы искренне благодарны всем тем, кто принял участие в реализации данного проекта, это нелёгкий и кропотливый труд достойный самых высоких слов восхищения, уважения и поддержки!

С уважением, управляющий

Челябинским отделением

ОАО «Сбербанк России» А.О. Александров.

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

Бойцы вспоминают

Серия 18. Сыны Отечества

**НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Челябинск 2013г

Данная серия книг подготовлена к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. при содействии Челябинского отделения ОАО «Сбербанк России»

Консультант:

Козлов Евгений Николаевич,
участник штурма Берлина,

почетный председатель городского комитета ветеранов войны, военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович,
председатель Челябинской областной писательской организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 18. Сыны Отечества/ Л.А. Попов – Челябинск, 2013.- 124с.

На обложке: рис. худ. Н. Жукова
Текст дан в авторской редакции.

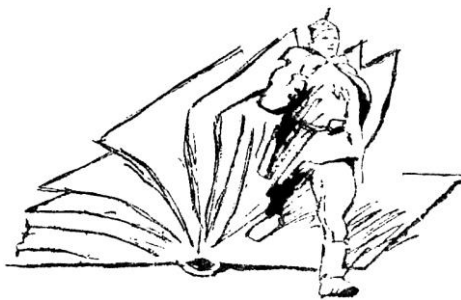
Подписано в печать 11.04.2013 г. Формат 30х42/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 120 экз.
Заказ № 162

Отпечатано в типографии «Сити Принт» (ПБОЮЛ Мякотин И.В.)
454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61А. тел.: (351) 230-34-34; факс: (351) 230-25-26
ИНН 744 700 373 602

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая в стране добровольческая 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола является одним из великого множества примеров проявления массового героизма советских людей в годы Великой Отечественной войны.

Ее создатели и ее солдаты – молодые патриоты Южного Урала, воспитанные при Советской власти, свободные от частнособственнических устремлений, считали СССР своей единой, неделимой Родиной и готовы были защищать ее до последнего дыхания. Об их подвигах рассказывается в этом очерке, написанном путем обобщения устных и письменных воспоминаний бойцов, командиров и политработников 96-й танковой бригады: С.В. Казанцева, Б.П. Гредюшко, П.И. Мокрака, И.И. Тюренкова, Ф.М. Фомина, Г.Е. Бергера, Н.И. Цыганова, А.А. Колюпанова, А.В. Пашиной (Бухряковой), Е.А. Скрипника, Р.М. Консергенова, Л.Е. Воронковой, А.Г. Баканова, А.Е. Каланова, Д. И. Киреевой (Сметанкиной), И.А. Домашева, Г.Д. Решетова, Н.Х. Тухватшина, А.Ф. Мажеева, В.А. Кулибабенко. А также воспоминаний, собранных Белой Пенчевой из Софии, и воспоминаний активистов Челябинской комсомольской организации военного времени Валентины Петровны Казаковой, Татьяны Степановны Пермяковой и других представителей уходящего поколения, участвовавшего в построении первого в мире рабоче-крестьянского социалистического государства, поколения, проявившего невиданные в истории человечества стойкость, сплоченность и героизм в защите своего государства и с честью вышедшего из гигантской битвы народов победителем.

РОЖДЕНИЕ БРИГАДЫ

Городской парк культуры и отдыха Челябинска, ныне парк имени Ю.А. Гагарина, до войны был одним из самых любимых мест отдыха молодежи. В воскресенье, 22 июня 1941 года, как всегда, в нем проводились плановые культмассовые мероприятия, работали карусели, качели, комната смеха, пляж на водной станции был переполнен купающимися и загорающими челябинцами, играла музыка, в киосках продавали прохладный морс и мороженое. Всюду раздавались веселые голоса, смех и песни. «Но после полудня, – вспоминала бывшая секретарь Советского райкома комсомола Валентина Казакова, – возвращаясь из парка, мы обратили внимание на необычную тишину, которая царила на улицах города.

- Так война же, – сказали нам прохожие.
- Какая война?
- Немцы напали на СССР.

Мы сразу же побежали в райком. Это война началась внезапно, а у нас-то, у комсомольского актива, на случай чрезвычайного положения все было заранее расписано и спланировано. Каждый из райкомовцев знал, кого он должен оповещать и что делать при объявлении тревоги. В эту ночь в райкоме никто не спал, приводили в порядок санитарные дружины, боевые пожарные расчеты. Только под утро собрал нас секретарь горкома комсомола Сергей Чурляев и поставил перед всеми первоочередные задачи.

Все мы работали в те дни в одном направлении, в боевом темпе, самоотверженно. Тогда не было слов «нет», «не могу», «я подумаю». Никто ни на что не жаловался. Работали под девизом: «Все для фронта, все для победы». Комсомольцы с предприятий приходили с заявлениями направить их добровольцами на фронт.

Но на многих из них распространялась бронь, они нужны были на оборонных предприятиях. Поэтому райком удовлетворял просьбы далеко не всех желающих сражаться с врагом в открытом бою.

20 сентября 1941 года позвонила в райком секретарь комсомольской организации абразивного завода Унгвицкая и сообщила, что на заводе они проводят митинг и хотят обсудить вопрос о сборе средств на строительство танковой колонны. Мы поддержали это предложение. На митинге было решено обратиться с призывом к молодежи всех заводов, предприятий, колхозов и совхозов Челябинской области включиться в сбор средств путем отчисления однодневного заработка, сюда же включить средства, заработанные на воскресниках, и добровольные взносы. На эти средства построить танковую колонну и дать ей имя Челябинского комсомола. Обращение митинга подписали 20 человек, секретарь комитета ВЛКСМ Унгвицкая, комсорг механического цеха Артюшевский, комсорг заводоуправления Симеина, комсомолец-двухсотник Платонов, сменный мастер Сычев и другие.

Призыв митинга заводской молодежи дружно поддержали комсомольские организации области, и начался сбор средств. Деньги молодых патриотов поступали на особый счет в банке. Ежедневно из банка приходили в ГК ВЛКСМ сводки о поступлении на этот счет средств. К 16 января 1942 года на счету танковой колонны значилось 7 млн 903 тыс. рублей, в этот день вопрос строительства танковой колонны обсуждался на заседании бюро обкома ВКП(б) и было принято решение:

«1. Одобрить инициативу Челябинского ОК ВЛКСМ о строительстве танковой колонны имени Челябинского комсомола.

2. Принять к сведению заявление директора завода о том, что им заказ оформлен.

3. Работы по строительству колонны производить сверх установленного правительственного задания и во внеурочное время.

Срок исполнения работ установить 20 февраля 1942 года».

Напряженный график производства работ в цехах ЧТЗ стал с этого момента еще напряженней. Рабочие часто ночевали в цехах. От переутомления электросварщиков сборочного цеха нередко на носилках выносили на свежий воздух, отдохнув, они вновь возвращались на рабочие места. Сумма же на особом счету возрастала и достигла 11,5 млн рублей. В рапорте комсомольцев Кировского завода второму антифашистскому митингу говорилось о начале

строительства танков для Красной армии, и отмечалась самоотверженная работа рабочих-сборщиков Евсеева, Пупляева, Селезнева, Петрова, Григорьева, Зингина и их комсорга Николая Козлова, которые по несколько суток не уходили из цеха и во внеурочное время собрали семь танков. А слесари Гороховский, Булдаков, Кашеев, наладчицы Грещенок и Смирнова еженедельно выполняли по 3–4 нормы. Газета «Челябинский рабочий» 17 февраля 1942 года с удовлетворением сообщала, что средства, собранные комсомольцами и молодежью, превращаются в грозные машины. С конвейера ЧТЗ сошли первые тяжелые танки «КВ» с надписью «Челябинский комсомолец». А через неделю, 23 февраля, газета сообщала о готовности к бою уже 20 танков со значками «КИМ» на башнях.

Танк «КВ» для своей бригады челябинцы избрали не случайно. «КВ-1» был первым танком, который безбоязненно шел на выстрелы 76-миллиметровых орудий. Толщина брони его составляла 95 мм и не пробивалась фашистской артиллерией. Были случаи, когда после боя танкисты насчитывали по несколько попаданий снарядов, но ни один из них не проник внутрь. Иногда снаряды застревали и торчали из брони, как иглы ежа. При весе 47,5 тонны танк развивал скорость до 40 км/час. Вооружение его составляло 76-миллиметровое орудие и три пулемета. Экипаж состоял из 5 человек».

В феврале 1942 года, когда еще строились боевые машины, директор средней школы № 2 ЮУЖД получил распоряжение, не прерывая учебного процесса, в течение 24 часов перебазировать классы в соседние школы. А в освободившихся помещениях школы № 2 быстро соорудили двухъярусные нары для прибывающих танкистов, формируемой комсомольской танковой бригады.

Одним из первых прибыл в освободившуюся школу Виктор Григорьевич Лебедев, полковник, кавалер ордена Красного Знамени. Он родился 19 ноября 1901 года в Москве. В мае 1919 года добровольцем вступил в Красную армию. В 1922–1923 годах участвовал в боях с басмачами на Туркестанском фронте. В 1939–1940 годах, командуя танковым батальоном, сражался с белофиннами. С первых дней Великой Отечественной войны находился на фронте, командовал танковым полком, оборонял Лугу, был в окружении, вывел полк на Павловск-Пушкин. Затем во главе 107-го отдельного танкового полка вел бои за Ленинград, откуда его нап-

равили в Челябинск, где ему предстояло возглавить вновь формируемую танковую бригаду.

Вслед за комбригом прибыли младшие политруки Алексей Кожевников и Иван Дульцев, старший лейтенант Михаил Родионов, батальонный комиссар Н. Г. Балковцев и другие командиры. Позднее из госпиталя, оправившись после ранения, полученного в боях под Москвой, прибыл комиссар бригады Илья Федорович Захаренко, ставший ближайшим советником В. Г. Лебедева, наставником и старшим товарищем командиров и красноармейцев.

Командный состав бригады комплектовался из опытных, побывавших в боях танкистов и политработников, а бойцы формировались из числа добровольцев Южного Урала. Бригада рождалась в Челябинске под девизом: «На свои деньги построим танки и сами пойдем на них воевать!». В горкомы и райкомы комсомола поступало множество заявлений от молодых патриотов с просьбой зачислить их в танковую колонну. «Их было так много, – вспоминали работники горкома комсомола того времени Т. С. Пермякова и В.П. Казакова, – что невозможно было удовлетворить все просьбы». Среди первых добровольцев оказались моторист Альберт Бреннер и токарь Елисеев с ЧТЗ, они пришли в ОК ВЛКСМ после 12 - часовой ночной рабочей смены и попросили зачислить их в комсомольскую танковую колонну. А из Троицка поступило групповое заявление следующего содержания: «Мы, рабочие: В.И. Тепикин, 1914 года рождения, имеющий военную специальность командира и водителя танка, в РККА служил с 1936 по 1940 год, Н.П. Скриба, 1918 года рождения, в РККА не служил, но с вооружением знаком, Л.И. Солодухин, 1914 года рождения, старший механик и водитель танка, в РККА служил с 1936 по 1940 год, участвовал в боях на озере Хасан и награжден орденом Красного Знамени, – просим ОК ВЛКСМ зачислить нас в танковую колонну имени Челябинского комсомола и создать из нас танковый экипаж».

В формировании бригады принимал активное участие секретарь Кировского РК ВЛКСМ Челябинска Владимир Колсанов, бывший ранее секретарем комсомольской организации завода имени Коллющенко, а в завершении формирования он сам записался добровольцем и стал политруком-танкистом.

В феврале 1942 года ко 2-й железнодорожной школе подошли первые два танка формируемой бригады, из Чебаркульского гарнизона прибыл со всеми вспомогательными подразделениями мотострелковый батальон Г. Руссола. Помещения школы заполни-

лись молодыми бойцами. Здесь будущие танкисты, артиллеристы и мотострелки проходили курс теоретической подготовки, а на практические занятия выезжали за город. И в школе, и возле школы стало необычайно оживленно. «Городские комсомольские организации, – вспоминала В.П. Казакова, – в те дни не только участвовали в формировании бригады, но и проводили в ее расположении организационные, политмассовые и воспитательные мероприятия, устраивали вечера отдыха, беседы, спортивные соревнования, в них вместе с танкистами участвовали их друзья, знакомые и родные. Комсомольские вожаки от имени молодежи вручали бойцам и командирам специальные пакеты-подарки, в которые входили подворотнички, носовые платки, кисеты, табак, мыло, нитки, почтовые конверты и другие необходимые вещи.»

Случалось и так, что добровольцами в бригаду попадали юноши, минуя комсомольские комитеты. Петр Машкин, например, увидел на улице своего друга Крашенинникова и не сразу узнал его, так как одет друг был в шинель, подпоясанную ремнем, широкоплечий, стройный, выглядел он убедительно.

– Где ты такую шинель взял? – спросил с удивлением Петр.

– Так разве ты не знаешь, что в городе формируется танковая часть? Я вступил в нее добровольцем.

– А как бы и мне вступить?

– Иди на вокзал, там во 2-й школе располагаются танкисты и их командиры.

В этот же день Петр Машкин стоял перед полковником Лебедевым.

– А ты хорошо подумал? Ты понимаешь, что такое война? – спросил его комбриг.

– Да, понимаю. Я не хуже других, не подведу, – ответил Петр.

Ему дали несколько часов для того, чтобы рассчитаться на работе, и зачислили в минометную роту. А вот Б. П. Гредюшко четыре раза подавал заявление с просьбой зачислить добровольцем, но получал отказ, так как завод «Станкомаш», где он работал, выпускал продукцию для фронта, и Гредюшко был нужен на заводе. «Но однажды в воскресенье, – вспоминал Бонадий Павлович, – прихожу домой после работы в ночную смену усталый и вижу – на столе лежит повестка на фронт, оказывается, в 96-й танковой

бригаде перед ее отбытием из Челябинска выявился недобор, и про меня вспомнили.»

Гредюшко Б. П., оставшись в 7 лет без родителей, приехал в Челябинск, рассчитывая устроиться в детский дом. Но его взяла на воспитание к себе работник милиции Анна Константиновна Логинова. «У меня уже есть один сын, Юрий, пусть теперь будет два сына», – рассудила она.

Бонадий и Юрий жили душа в душу, как родные братья, рано, в 14 с половиной лет, начали трудиться на заводе. Оба ушли на фронт. Обрато вернулся только Бонадий. Юрий погиб под Сталинградом.

В 96-й танковой бригаде имени Челябинского комсомола все было челябинское, даже инструмент для походной танкоремонтной мастерской: тиски, гаечные ключи, молотки, напильники, зубила и т. д. Комсомольцы укомплектовали путем сбора его у населения города. Боевая учеба танкистов длилась в Челябинске два с половиной месяца, и к моменту отправки на фронт бригада была хорошо подготовленной.

В конце мая за городом, среди зеленых берез, на поляне, ставшей танковым полигоном, состоялся митинг, на котором перед строем бойцов и командиров выступил секретарь ОК ВЛКСМ Л. Петров и вручил бригаде от имени челябинцев наказ и боевое Красное знамя. В наказе говорилось: «Дорогие товарищи бойцы, командиры и политработники танковой колонны имени Челябинского комсомола... сегодня вы отправляетесь на фронт Великой Отечественной войны... На великую священную мечь посылает вас Родина. Беспощадно бейте врага... Вы поведете в бой наши славные танки, созданные здесь, на родном Урале... Средства на постройку танков по инициативе челябинских комсомольцев любовно собирали все трудящиеся нашей области...

Сегодня танковую колонну комсомольцы области вручают вам... Пусть наши боевые машины в ваших руках будут грозой для ненавистного врага.

Смелость и еще раз смелость должны стать вашим боевым девизом. Поддержите слабых, утвердите колеблющихся, своим примером вдохновите уставших. Презирайте смерть во имя жизни и победы...

Пусть знамя, врученное вам Челябинским комсомолом, зовет вас на боевые подвиги во имя Родины, во славу Урала!

Смерть немецким оккупантам!

Челябинский областной комитет ВЛКСМ».

Танкистов-добровольцев напутствовали также руководители города, области, известный писатель Лев Никулин, артисты Малого театра И.В. Ильинский, Л.А. Яблочкина, а композитор М. Черняк и красноармеец В. Фейгус написали и подарили бригаде марш «Вперед, челябинцы-танкисты!», в котором были такие строки:

Нас в бой послал родной Урал.
Живыми не уйдут фашисты.
На запад! – Сталин приказал.
Вперед, челябинцы-танкисты!

Приняв знамя, полковник Лебедев передал его первому знаменосцу бригады младшему политруку А. Кожевникову, который в сопровождении ассистентов, чеканя шаг, пронес знамя вдоль строя застывших по стойке «Смирно» танкистов, артиллеристов и автоматчиков. Поднялся на головной танк. Взревели моторы тяжелых «КВ», и колонна двинулась по направлению к городу.

24 мая 1942 года в ресторане «Южный Урал» состоялся обед в честь уходящих на фронт челябинских добровольцев. Кроме танкистов, на обеде присутствовали родственники, друзья уходящих на фронт красноармейцев и командиров, а также комсомольские активисты, среди них Валентина Казакова, ставшая к этому времени секретарем горкома комсомола. В центре внимания находился бывший секретарь Кировского РК ВЛКСМ Владимир Колсанов теперь уже в форме политрука. Девушки не сводили с него глаз. Играл духовой оркестр. Желаящие могли потанцевать. Встреча проходила трогательно, по-семейному и завершилась прощальным вальсом.

На следующий день, 25 мая 1942 года, челябинцы провожали танкистов на фронт. Отправка их эшелонов была намечена на утро. Но где-то произошла заминка. У вагонов толпились провожающие, они обнимали, целовали танкистов, восторгались ими и хором пели марш челябинских танкистов. Только в два часа дня раздалась команда: «По вагонам!». Вначале отошли эшелоны с танками и артиллерией, а затем – с людьми. Стало тихо и грустно в районе школы № 2. Несмотря на конец мая, погода в тот день

стояла прохладная. Ветер трепал оторвавшиеся от забора афиши, извещавшие о том, что в парке культуры и отдыха, в горсаду и в саду имени Челюскинцев 24 мая – открытие сезона – начинаются ежедневные «большие гулянья», открываются аттракционы, танцевальные площадки. А на стадионе уже состоялся футбольный матч между командами «Трактор» и завода имени Орджоникидзе, проходили соревнования по волейболу, баскетболу и шведской эстафете, которую выиграла среди мужчин команда воинской части, а среди женщин – команда спортивного общества «Рекорд».

Несмотря на тревожные сводки Информбюро с фронта, челябинцы продолжали жить полнокровной жизнью. Все были при деле, видели перед собой цель, знали что делать, и никто не сомневался в том, что победа над вторгшимся в пределы СССР врагом будет неизбежна.

ДОРОГА НА ФРОНТ

Эшелоны с добровольцами 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола уходили из Челябинска на фронт по маршруту «Свердловск – Москва – Тула». Всюду железнодорожники давали им «зеленую улицу». На станции Петушки, получив положенные по штату автотранспортные средства, минометы и другое вооружение, бригада продолжила путь через Москву на юг. И в первых числах июня ночью, строго соблюдая правила светомаскировки, прибыла на небольшую железнодорожную станцию недалеко от города Тулы. С помощью шпал, уложенных в эстакаду, танкисты разгружали танки с платформ и отводили их к лесу под прикрытие деревьев. Фронт находился близко. Немецкие самолеты постоянно наносили бомбовые удары. Шедшие впереди эшелоны 97-й бригады попали под их бомбы и понесли большие потери. Где-то за деревьями полыхало зарево пожара. Пахло гарью.

Разгрузка 96-й бригады проходила организованно и быстро. Но вдруг под одним великаном – «КВ», со знаком КИМ на башне, ведомом механиком-водителем Ульяновым, шпалы не выдержали, затрещали, и танк свалился на бок. Оказавшийся рядом генерал Рыбалко крепко выругался и произнес обидные слова: «Да как же я с вами воевать-то буду?!» Но в первых же боях старшина Ульянов показал себя непревзойденным мастером вождения боевых

машин. Он геройски воевал, вырос до старшего лейтенанта и был удостоен многих орденов.

После разгрузки бригада сосредоточилась восточнее Тулы в нескольких десятках километров от линии фронта и продолжала совершенствоваться боевое мастерство более месяца. Бывший разведчик бригады Б.П. Гредюшко, вспоминая о том периоде, рассказывал: «В лесу под Тулой мне тогда еще обмундирование-то не выдали, а вручив винтовку со штыком, послали в караул. И вот стою я на посту, кругом деревья шумят листвой, между ними техника замаскированная, палатки. Дождь усиливается. Спать сильно хочется. Я встал спиной к раскидистому дубу, прижался к нему и задремал. Вдруг слышу окрик начальника разведки Завьялова: «Кто спит на посту? Застрелю!». От неожиданности я отпрянул назад, вскинул винтовку и не своим голосом закричал: «Не шевелись! Запорю!».

Потом товарищи мне этот случай часто припоминали, смеялись и приводили в качестве примера, как не надо нести караульную службу. Нужно сказать, что танковые экипажи в нашей бригаде были хорошо обученными, опытными, многие из них уже обстрелянные, не раз бывавшие в боях, а мы – значительная часть мотострелков и минометчиков – секреты воинского мастерства познавали уже на фронте, на ходу.

Здесь же, в лесу, под Тулой, произошло перевооружение нашей бригады. По приказу командования все 29 танков «КВ» передавались 97-й бригаде для прорыва фронта, с «КВ» спилили кимовские знаки и спрятали их, закопав в землю... В нашу же бригаду к оставшимся трем танкам «Т-60» поступили танки «Т-34». Артиллерийская батарея осталась в прежнем составе. Нам, разведчикам, выделили английский БТР на гусеничном ходу, который часто ломался, причем в самые неподходящие моменты. Однажды на марше комбриг Лебедев, ехавший впереди на «виллисе», дал команду: «Не отставать!». БТР набрал приличную скорость, а при спуске на мост через небольшую речушку необходимо было сделать левый поворот. И вдруг у БТР вылетел палец из гусеницы, и его стало заносить вправо. Водитель же у нас был тоже из числа обстрелянных, он не растерялся и пустил машину на мост напрямую. Перемахнув через пригорок, как с трамплина, БТР пролетел метров пятнадцать по воздуху, переломал перила моста и плюхнулся на противоположный песчаный берег. К счастью, все оста-

лись живы. К началу июля 1942 года в бригаде значились два танковых батальона, подразделение малых танков, противотанковая артиллерийская батарея, зенитные установки, мотострелковый батальон, рота управления, в которую входили взвод разведки, взвод связи, саперный, комендантский, снабженческий взводы и медсанчасть».

В июле 1942 года бригаду перебросили в район севернее Воронежа, где стояла в обороне 38-я армия. Здесь, на стыке Воронежской, Курской и Липецкой областей, у селений Озерки, Каменка и Перекоповка, 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола приняла боевое крещение.

АВГУСТОВСКИЕ БОИ 1942 ГОДА

Когда мы глубокой ночью прибыли в Каменку, – продолжал рассказ Б.П. Гредюшко, – то сразу получили задание всей бригадой двигаться вдоль линии фронта и шуметь как можно сильнее. Мы тогда включили все вспомогательные движки и моторы, какие только имелись в бригаде. Цель маневра заключалась в том, чтобы создать у немцев впечатление, что сюда прибыло крупное механизированное соединение, и тем самым отвлечь как можно больше противника от сталинградского направления. Наутро прилетела «рама» – немецкий самолет-разведчик с целью ведения аэрофото съемки. Приказа стрелять не было. Но мы, разведчики, открыли по нему огонь из пулемета. Не знаю, может быть, кроме нас, еще кто-то стрелял, самолет вдруг как-то странно покачнулся и быстро, теряя высоту, скрылся за верхушками деревьев.

Весь июль и начало августа бригада занимала на этом участке фронта активную оборону. И не только отбивала попытки немцев перейти в наступление, но и сама атаковала противника. Разведка в это время изучала передний край немцев, засекала огневые точки, наносила их на полевые карты. В одном из боев местного значения батальон мотострелков выбил немцев из окопов и закрепился в них. Взвод разведки получил задание выдвинуться вперед для изучения новых позиций отошедшего противника. У пшеничного поля разведчики остановились, выставили охранение. Командир взвода Нечепуренко приказал рядовому Губе забраться на растущую поблизости березу и вести наблюдение. Лазить по де-

ревьям было с детства любимым занятием Губы. Он легко, как кошка, поднялся на дерево. Осмотрелся. И тут же подал сигнал:

– Вижу немцев, они копают окопы за пшеничным полем.

«Соблазн взять языка был велик, – вспоминал разведчик Н. И. Цыганов, – мы, дождавшись темноты, незаметно приблизились к противнику. Но в самый неподходящий момент кто-то из разведчиков обнаружил себя. Завязался рукопашный бой, замелькали кинжалы, штыки и приклады, а когда группа прикрытия, сменив позиции, пришла к нам на помощь и почти в упор открыла огонь из автоматов, немцы бежали. Но не прошло и десяти минут, как они нас накрыли артиллерийским огнем. Мы возвратились обратно, неся в руках тяжело раненого Нечепуренко. Его отправили в госпиталь. С этого момента командиром разведвзвода стал лейтенант Куц».

11 августа поступил приказ о наступлении, в котором бригаде ставилась задача прорвать линию обороны противника, взять высоту 214,6 и двигаться в направлении села Спасское и далее – на Землянск. Ночью, проведя все подготовительные мероприятия, танки выдвинулись к передовой линии и изготовились к бою. Наступила напряженная тишина. На стороне противника изредка взлетали осветительные ракеты, просматривались вспышки одиночных выстрелов. Любой, даже самый незначительный, шорох в ночи заставлял солдат насторожиться, изготовиться к бою. В эту ночь бойцы челябинской бригады сдавали свой первый экзамен на зрелость.

Под утро 12 августа взлетела вверх зеленая ракета, следом за ней – красная. Это сигнал к атаке. Взревели моторы, и танки один за другим рванулись вперед, ведя на ходу огонь из пушек. Начался бой, который длился несколько дней. Немцы встретили челябинцев артиллерийским и минометным огнем. В один из моментов вся прилегающая к высоте 214,6 территория буквально утонула в пороховом дыму и заполнилась грохотом разрывающихся снарядов и мин.

Танк лейтенанта Осипова, прорвав оборону противника, прикрываясь складками местности, заходил в тыл вражеской батареи. Среди густого кустарника Осипов увидел хорошо оборудованный и замаскированный дзот, в амбразуре его лихорадочно работал пулемет. Развернув башню и дав прицельный выстрел из своей пушки, Осипов для верности проутюжил дзот гусеницами и, проско-

чив облако дыма, неожиданно выкатился на батарею противника. Удар был настолько сильным, что одно колесо вражеского орудия, отлетев в сторону, покатилося под уклон. Танк сильно тряхнуло, раздался скрежет попавшего под гусеницы второго орудия. Артиллерийская прислуга, охваченная паникой, разбежалась в разные стороны, спасаясь от огня танкового пулемета. Раздавлив какую-то повозку, Осипов увидел обезумевшего от страха немецкого офицера с поднятыми руками.

– Не стрелять! – скомандовал командир, открыл люк, позвал офицера.

– Комен зи (иди сюда), – немца разоружили и привезли в штаб бригады.

Точно так же стремительно действовал экипаж танка «Т-34» в составе старшего лейтенанта Петрова, старшего сержанта Гагарина и сержанта Русецкого, он уничтожил четыре противотанковые пушки, четыре дзота, два наблюдательных пункта, подавил огонь минометной батареи и истребил большое количество живой силы, остановился в расположении противника и прямой наводкой обстреливал из пушки врага, окопавшегося на высоте 214,6. В это время танк механика-водителя старшины Ульянова утюжил оборону гитлеровцев. В ходе боя старшина увидел совсем рядом вражеское пулеметное гнездо. Танком его не взять. Ульянов быстро открыл люк и автоматной очередью уничтожил расчет противника. Ситуация на поле боя менялась ежесекундно. К концу первого дня сражений сержант Самодуров остался один живым в подбитом танке, но не покинул его. Двое суток отстреливался, не подпуская близко врага, пока не подошла помощь.

Три танка во главе с Виктором Моториным уничтожили артиллерийскую батарею противника, обошли высоту 214,6 и углубились в оборону врага. На подходе к деревне Спасское, где располагался штаб немецкого командования, их встретили сильным артиллерийским огнем. Один танк замер на месте и загорелся. Второй танк выходил из огня, двигаясь задним ходом, его механик-водитель не заметил, что за кустарником начинался обрывистый высокий берег реки, и танк рухнул вниз. По одним данным, весь экипаж погиб, по другим данным, танкисты остались живы и попали в плен.

Третий танк, тщательно обрабатывая гнезда противника пулеметным и орудийным огнем, ворвался в Спасское. Но метров в пя-

тидесяти от штаба брошенная из-за угла противотанковая граната перебила ему гусеницу. Танкисты отстреливались до последнего патрона. Убедившись, что русские больше им ничем не угрожают, немцы обложили танк сеном, хворостом, принесли канистру с бензином и через переводчика предупредили: «Сдавайтесь, а то сожжем».

В тот день ярко светило солнце. Броня накалилась. В танке и без того было душно и жарко. Люки танка открылись, и танкисты поднялись на броню. Они стояли все вместе, мокрые от пота, с измазанными копотью лицами. Один из них был без шлема, его русые волосы трепал ветерок. Оккупанты, предвкушая легкую добычу, со всех сторон заспешили к танку, ведь взять в плен живым советского танкиста недавно появившейся, неизвестной им какой-то молодежной танковой бригады обеспечивало им железные кресты. Но танкисты вдруг по команде В. Моторина разом выхватили гранаты и метнули их под ноги фашистов, подарив им вместо железных крестов кресты деревянные. Погибли и танкисты. Немцы долго глумились над их телами, расстреливая уже мертвых. Об этом рассказал старый житель села Спасское Т.Д. Буковшин, когда после войны Челябинский областной совет ветеранов партии, комсомола, воин и труда при ОК ВЛКСМ организовал экспедицию следопытов по местам боев 96-й танковой бригады, где челябинцы и узнали о печальных подробностях гибели своих земляков-героев.

Бои за высоту 214,6 продолжались несколько дней. Отдельные танки прорывали укрепления врага и уходили в глубь обороны, но перед ними вставляли новые укрепления. Танки подвергались бомбовым ударам авиации, подрывались на минах, горели от огня противотанковой артиллерии. К вечеру бои затихали, а утром возобновлялись с новой силой. Когда же наступала ночь, под прикрытием темноты разведчики выходили на поле боя и с помощью тягача вытаскивали подбитые машины в относительно безопасное место, где их восстанавливали, часто под огнем противника. Отремонтированные танки вновь шли в атаку, перемалывая живую силу противника и уничтожая его укрепления.

Однажды, после возвращения из-за линии фронта, разведчики доложили комбригу, что на нейтральной полосе ими обнаружен исправный танк «КВ», провалившийся в ров. Комбриг вызвал к себе 15 ремонтников во главе с помощником командира роты по тех-

ническому обеспечению С.И. Суренковым и поручил им во что бы то ни стало доставить танк в расположение бригады. Дождавшись темноты, ремонтники в сопровождении разведчиков двинулись на нейтральную полосу. С немецкой стороны то и дело взлетали вверх осветительные ракеты, лучи прожектора прощупывали горизонт. Танк лежал в глубоком рву гусеницами вверх. Осмотрели машину. Горючее и масло из танка вытекли, аккумуляторы повреждены. Стенки рва отвесные. Грунт внизу сильно насыщен водой. Прежде всего требовалось перевернуть машину в нормальное положение, но для этого нужно было разработать вручную около ста кубометров влажного глинистого грунта. Сложность заключалась в том, что работы приходилось вести на виду у немцев. Поэтому перед рассветом ремонтники уходили в свое расположение, а вечером вновь возвращались. На восьмые сутки удалось подготовить площадку и съезд в ров. Подогнали трактор, а чтобы не было слышно гула моторов, минометчики открыли шквальный огонь по позициям врага. С первой попытки перевернуть танк не удалось. Пришлось принести бревна, изрядно потрудиться, и только к утру танк встал в походное положение. Его баки заправили горючим. Заработал двигатель. Спасенный «КВ» вначале медленно двинулся вперед, а потом буквально выскочил из ямы почти под носом у немцев. В бригаде ему сразу же придумали имя, написав белой краской на башне: «Найденыш».

Впоследствии для ремонтников стало обычным делом извлекать с поля боя поврежденные танки и восстанавливать их боеспособность. По итогам августовских боев 37 ремонтников были удостоены орденов и медалей, среди них Суренков, Дукошин, Магазинер и другие.

Вскоре немцы перебросили в район атак челябинцев подкрепление, сняв воинские части со сталинградского направления. Это было главным итогом августовских боев. К 18 августа атаки прекратились, бои стали иметь местное значение. Бригада приковала к себе значительные силы противника. Но при этом и сама понесла большие потери. Среди погибших значились командир 331-го танкового батальона и офицеры: Н. Остряков, М. Родионов, Панкратов, В. Моторин и другие. Состав бригады существенно сократился. По воспоминаниям Б. П. Гредюшко, к концу боев оставалось на ходу всего 3–4 танка.

В конце сентября 1942 года комбриг полковник В. Г. Лебедев вызвал к себе политрука Г. Бергера и приказал ему подготовиться к поездке в Москву, в ЦК ВЛКСМ, с отчетом о проведенных боях.

– Вполне возможно, из Москвы вы поедете в Челябинск за пополнением, – сказал комбриг и, вручая Г. Бергеру папку с документами, добавил: – Главные бои у нас еще впереди.

НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ

Летом 1941 года, после нападения фашистской Германии на СССР, С. В. Казанцев в числе ста комсомольцев-добровольцев работал на строительстве оборонительных укреплений под Ельней. «Работали мы тогда только ночью, а днем спали, – рассказывал он, – но однажды утром пришел приказ работы прекратить и отступить в сторону Рославля. Когда мы вышли на шоссе, оно уже было запружено отступающими частями 39-й стрелковой дивизии и множеством беженцев, которые, изнывая от жары, тащили за собой разный скарб, вели за руки детей, толкали перед собой тележки. Все спешили. Внезапно над колонной появились четыре «лапотника», так называли немецкие самолеты «Юнкерс-87», за то что в полете у них шасси не убирались и торчали, как лапти. Самолеты немного снизились, развернулись вдоль шоссе, от них отделились черные точки падающих бомб, и загрелись, загрохотали взрывы. Люди бросились врассыпную. Охваченные паникой, они бежали по полю, падали от настигающих их пуль. Самолеты добивали колонну из пулеметов. От разбитой повозки катились по полю колеса. Лошадь с перебитыми ногами пыталась встать с земли, но вновь падала. Сильный удар получил и я в ногу. Но только тогда, когда самолеты улетели, появилась возможность перевязать рану. А перевязав, увидел возле лежащей в траве убитой женщины совсем маленькую девочку, она плакала, тормозила женщину и приговаривала: «Мама, мама!». Я взял девочку на руки и понес ее до очередного привала, где разыскал санитарную повозку и передал девочку врачам. К повозке подошел какой-то весь в пыли военачальник с двумя ромбами в петлицах.

– А это кто такой? – спросил он, указывая на меня и мою забинтованную ногу.

– Да вот он девочку принес.

– И долго он тут собирается находиться?

– А мне некуда уходить, – пояснил я.

– Дай ему оружие и сапоги, только один сапог размером побольше, и голенище обрежь. Да что ты ему винтовку-то даешь? Он же ростом меньше ее. Выдай карабин! – распорядился военачальник и ушел.

Так в шестнадцать лет я оказался в Красной армии. Шел в солдатском строю. Когда все окапывались, и я окапывался. Когда все стреляли, и я стрелял. Но рана моя не заживала, нога распухла, поэтому из Рославля меня отправили на Урал, в кыштымский военный госпиталь «Дальние Дачи». После лечения, имея на руках справку о ранении, я обратился в Кыштымский райвоенкомат и, как положено по уставу, доложил:

– Товарищ военком, рядовой Казанцев для прохождения воинской службы прибыл.

– Какой службы? – удивился военком, – тебя ветром не сдуло, когда ты сюда шел?

Потом поинтересовался, что у меня с ногой, снял телефонную трубку и кому-то сказал: «Зайди ко мне». В кабинет вошел майор с двумя «шпалами» в петлицах.

– Вот, – кивнул в мою сторону военком, – солдат сам пришел. Отведи его, да смотри, чтоб он не убежал.

Майор проводил меня и сдал в Кыштымское ремесленное училище № 12, где я начал учиться на токаря. Но с мыслью о фронте не расставался и однажды написал письмо не куда-нибудь, а лично И. В. Сталину с просьбой призвать досрочно в армию. Дней через десять приглашают меня в ГК ВЛКСМ и спрашивают:

– Ты товарищу Сталину писал?

– Писал.

– Ну что ж, в Челябинске формируется пополнение для 96-й добровольческой танковой бригады имени Челябинского комсомола, желаешь в ней служить?

– Да, желаю, – ответил я и на миг представил себя в башне тяжелого танка.

А затем последовали медицинская комиссия и решение Кыштымского РК ВЛКСМ от 20 октября 1942 года: «Казанцева С. В. считать пригодным для службы в танковой колонне имени Челябинского комсомола».

Кроме него, в этот день РК ВЛКСМ утвердил танкодесантниками четырех учащихся РУ № 12: Александра Толщина, Константина Зубова, Михаила Гонеева и Николая Куренкова. Секре-

тарь РК ВЛКСМ В. Шарова, напутствуя ребят, говорила им: «Будьте всегда вместе, помогайте друг другу. Бейте фашистов, как велит нам товарищ Сталин». После чего призывников поместили в бывший особняк Демидовых, прозванный в Кыштыме Белым домом, где они пребывали несколько дней.

Отправка в Челябинск происходила ночью. На железнодорожном вокзале было темно и пусто, лишь на старинном, чугунном фонарном столбе висела единственная электролампочка, освещающая вокруг столба небольшой пятючок. Здесь и собирались новобранцы и провожающие их родственники, друзья, подруги и просто знакомые. Ребят обнимали, целовали, отдавали им все, что могли, в дорогу. Станислав Казанцев стоял, прислонившись спиной к столбу, слушал, как совсем рядом, за зданием вокзала, пыхтит паровоз, смотрел на небо, усыпанное яркими звездами, и думал: «А как там сейчас чувствуют себя его родные и знакомые на Орловщине?». К нему подошла незнакомая женщина и спросила:

– Сынок, ты что здесь стоишь?

– На фронт еду.

– А почему же тебя никто не провожает?

– А у меня никого нет, я из ремесленного училища. Мать воюет. Отец не знаю где.

– Да милый ты мой, – вдруг заплакала, запричитала женщина и стала рыться в своей котомке, чтоб хоть чем-нибудь угостить будущего солдата.

В Челябинск приехали под утро. На вокзале кыштымцев встречали представители ОК ВЛКСМ. Они проводили призывников в здание обкома на третий этаж, сказали: «Вот здесь вы, сдвинув столы и постелив матрацы на полу, будете ночевать». Второй секретарь обкома ВЛКСМ Батманов пояснил, что комсомольцами и молодежью области собрано большое количество подарков для бойцов и командиров 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола, сражающейся сейчас на фронте. Подарки доставлены в Челябинск и хранятся на товарном дворе железнодорожной станции. «Вам поручается до погрузки в вагоны охранять их круглосуточно. А пока посидите здесь, отдохните», – предложил Батманов и вышел из кабинета. На столе лежала подшивка газет «Челябинский рабочий». Газеты пестрели заголовками: «Бои в районе Сталинграда», «Враг рвется к Волге», «Шахтер, помни о Сталинграде!», «Все для фронта, все для победы!». Сооб-

щало об установлении с 9 октября 1942 года полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров в Красной армии и на Военно-морском флоте. Красовались фотопортреты фронтовиков: командира танкодесантной роты старшего лейтенанта А.А. Дерюгина из Шатровского района, командира отделения саперов Ф.М. Вохминцева из Курганского района, бравого старшины Ф. В. Амбарникова, участвовавшего в тридцати танковых боях и награжденного орденом Красной Звезды.

В газете за 21 октября привлекало внимание фото обоза из 13 подвод, груженных подарками, в комплект которых входили; гуси, куры, мед, сухари, яйца, табак и т. д., – собранными для танкистов танковой бригады имени Челябинского комсомола. Над повозками развивался транспарант «Бейте фашистов!». А возглавляла обоз верхом на коне и с красным флагом в руках Катя Кудреватых, помощница начальника политотдела Полетаевской МТС Сосновского района. И совсем как-то непривычно было читать сообщение о проведенных в городе субботниках, об обязательствах строителей к 7 ноября 1942 года сдать в эксплуатацию троллейбусную линию от ЧТЗ до парка культуры и о том, что 15 девушек уже окончили курсы водителей троллейбусов в Москве и готовят свои машины к эксплуатации в Челябинске.

Примерно через час в кабинет вновь вошел Батманов и сказал: «Поскольку среди вас только один Казанцев уже бывал в боях, поэтому поручаем ему сходить в комендатуру, получить винтовку одну на пятерых, после пойдем принимать объект».

Кыштымцы охраняли на складе подарки несколько дней. Обедали по очереди в столовой по талонам. Меню было очень скромное: тарелка воды, в которой плавал лист капусты, и каша. А по соседству с управлением ЮУЖД на элеваторном рынке продавали много мелкой рыбы, гольянов. Ребята покупали ее, на объекте ставили треногу, варили рыбу и получалось у них что-то вроде дополнительного диетического питания. В свободное время знакомились с городом. «Больше всего удивило меня, – вспоминал С. В. Казанцев, – то, что вся улица Кирова в вечернее время была хорошо освещена, а напротив здания ОК ВЛКСМ, возле кинотеатра МЮД, как в мирное довоенное время, играла музыка и толпилось много людей. В кинотеатре демонстрировались фильмы: «Оборона Царицына» и «Семеро смелых». Но в кино сходить мы не успели. После того, как подарки погрузили в вагоны, нас с поста

сняли и отправили в железнодорожную школу № 2, в ту самую школу, где в феврале 1942 года начала формироваться 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола.» Сейчас же в здании школы было тихо, в классах пустовали сколоченные из досок двухъярусные нары. Из школьного окна открывался вид на при вокзальную площадь с небольшим базарчиком и пассажирами, штурмующими вагон трамвая. Во дворе школы стояла неказистая деревянная церковь. А рядом с ней в двухэтажном доме располагался учебный пункт формировавшейся в Челябинской области казачьей дивизии. Казаки в папахах и башлыках свысока поглядывали на танкистов. «Мы-то ведь еще пацанами были, – вспоминал С. В. Казанцев, – а казаки все в возрасте, каждому лет за двадцать пять».

На фронте же в эти дни исход сражений предопределяла техника, армии все больше требовалось механизированных соединений. Поэтому формирование казачьей дивизии было приостановлено, а многие казаки-добровольцы выехали на фронт и пополнили уже существующие казачьи части.

В октябре 1942 года в Челябинск с фронта прибыла группа командиров во главе с капитаном Г. Е. Бергером для получения пополнения в 96-ю танковую бригаду. И вновь комсомольские комитеты объявили призыв добровольцев. В школу № 2 ЮУЖД, где располагалась к тому времени группа Станислава Казанцева, стали прибывать из различных районов области молодые патриоты, крепкие, решительные, готовые постоять за поруганную честь своей Родины. Среди них выделялись Порфирий Бабкин, Н. Сосновский, Н. Жиров, Иван Тоцкий – всем им пришлось встать в строй бойцов, проявив определенную настойчивость, ведь они работали на оборонных предприятиях и в интересах производства были освобождены от призыва в армию. Но они сумели убедить комсомольские и партийные органы, что их место на фронте. А вот у их товарищей, молодых формовщиков чугунолитейного цеха ЧТЗ, Анания Колюпанова, братьев Аркадия и Николая Кондратенко, а также Оврицкого и Матанова складывалось все сложнее. Несколько раз они подавали в обком комсомола заявления о зачислении их добровольцами. И наконец они получили письмо из ОК ВЛКСМ на имя директора ЧТЗ И. М. Зальцмана с просьбой считать их на заводе как призванных на фронт. С нескрываемой гордостью они пришли на завод. Но в приемной директора референты письмо

демонстративно порвали, бросили в корзину, а ребятам scomандовали: «Марш на рабочее место!».

На другой день А. Колюпанов вновь явился в обком и со слезами на глазах рассказал о том, как на заводе поступили с письмом, адресованным директору. И тогда представитель бригады капитан Скороходов, положив свою широкую ладонь на плечо Анания, сказал:

– Если очень желаете воевать, подходите к эшелону с танками перед его отправкой, и мы вас зачислим в красноармейцы без всяких писем.

Ребята так и сделали. Заранее пришли на станцию Чурилово, помогли погрузить в вагон подарки для танкистов, собранные челябинцами, и как полноправные добровольцы заняли места в вагоне. Только в пути, где-то за Златоустом, они написали письмо домой родителям и сообщили, что едут на фронт.

А на заводе ребят искали. Мастер приезжал в село Лебяжье, откуда они были родом. Их родители показали письма с сообщением об отправке на фронт, но поскольку на письмах обратного адреса не было, никто точно не мог ничего сказать. На заводе состоялся показательный суд. Формовщиков, как самовольно оставивших производство, судили заочно и приговорили к 5 годам тюремного заключения. Но подробности об этом судебном процессе Ананий Колюпанов и Аркадий Кондратенко узнали лишь только после войны, они вернулись домой инвалидами, но живыми. А Николаю Кондратенко, Оврицкому и Матанову об оценке их поступка не было суждено узнать. Они погибли в бою за Родину героями.

Октябрьское пополнение бригады двигалось на фронт двумя эшелонами. На платформах, по воспоминаниям С. В. Казанцева, располагались 49 танков «Т-34», а в вагонах-теплушках ехали 103 добровольца, среди которых были и девушки: Аня Орловская, Лида Воронкова, работавшие ранее телефонистками, учительница, комсорг педучилища Клара Коваль, медсестра Шура Букрянова, Нина Тарелкина, Лиза Толстых, Зина Фролова, Зина Шмакова, Зина Терехова, Дуся Луканина, Саша Пашнина и другие. Под Тулой бригада получила колесную технику и три 76-миллиметровые пушки. Здесь же к эшелону присоединились экипажи танков. Вновь, как и в мае, танкисты были хорошо подготовлены, а мото-стрелки учились воевать на ходу.

День прибытия пополнения в бригаду стал большим праздником для всех бойцов и командиров, они наперебой расспрашивали приехавших земляков о челябинских новостях, о своих родных и знакомых. Особенно были рады подаркам. Ведь почти каждый боец бригады получил подарочный пакет, содержащий гостинцы, теплые вещи и письма от девушек. «Лежало такое письмо и в моем пакете, – вспоминал Б. П. Гредюшко, – от Маши Рудаковой, в Челябинске мы жили с ней по соседству. Она писала мне теплые добрые строки, желала фронтового счастья и скорейшего возвращения с победой и еще о том, что она очень рада будет встрече со мной. Но в 1945 году тетя сообщила мне, что Маша вышла замуж. Не дождалась».

Необычный подарок получил доктор Г. Решетов. Еще во время пребывания в Челябинске он неожиданно встретил в фойе ки-нотеатра МЮД девушку с большими синими глазами, Надю Гончарову, и про себя подумал: «Какая прелестная девушка, это чудо природы, она непременно должна стать моею». Но при каждой попытке объясниться с ней brave командир почему-то терял дар речи или начинал говорить какие-то глупости. Так, уехав на фронт, он не сказал ей самого главного. И все время ругал и проклинал себя за это.

Одно было утешение, что кончится война и он обязательно найдет Надю в Челябинске. И вдруг Решетову передают пакет из Челябинска, а в нем – коробка махорки и вырванный из школьной тетрадки листок бумаги, исписанный ровным, аккуратным почерком: «Дорогой Гоша! Ты помнишь, как перед отправкой вас на фронт, горком комсомола устроил концерт художественной само-деятельности и ты, читая со сцены стихи, все время смотрел на меня. Скажи мне правду, не обманывай меня, мне ли было посвящено это стихотворение? Как ты смотрел тогда на меня, милый! Я тебя жду и буду тебе верной женой, а ты мне верным мужем. Бей фашистов!

Твоя Наденька Гончарова».

Трудно описать, что творилось в тот миг в душе Решетова. Он был по-настоящему счастлив.

Делегацию, сопровождающую подарки, танкисты окружили особым вниманием. На избушке, где разместилась делегация, кто-то прикрепил многозначительную вывеску «Гостиница “Южный Урал”».

Центром противостояния бригады с противником к тому времени по-прежнему оставалась высота 214,6. Наступила зима. Выпало много снега. Ежедневная боевая учеба незаметно сменилась подготовкой к новому наступлению. А перед наступлением командованию всегда требуется «язык». Разведчикам дали задание во что бы то ни стало добыть пленного. Несколько раз ходили они к «немцу», сами гибли, а выполнить приказ не удавалось. Наконец темной декабрьской ночью под прикрытием начавшейся пурги разведчики всем взводом, разбившись на четыре группы, в белых

маскировочных халатах поползли к немецким траншеям, где чуть левее, на пригорке, зловеще чернел амбразурой дзот врага. Немцы периодически стреляли осветительными ракетами. «И заметили нас, – вспоминал Б.П. Гредюшко, – когда мы были уже у цели. Ударил их пулемет. Разведчики, обозленные предыдущими неудачами, рванулись вперед, забрасывая траншею гранатами. Каждый метал по несколько гранат. Бросал гранаты и я. А когда, спрыгнув в траншею, мы двинулись вдоль нее, то оказалось, что в траншее уже никого нет. Немцы бежали. Раздался еще один взрыв, это Николай Цыганов швырнул гранату в амбразуру дзота, мы поспешили на помощь Цыганову. Весь пулеметный расчет, находившийся в дзоте, уже был уничтожен. Но один здоровенный детина с погонами фельдфебеля подавал признаки жизни. Разведчики уложили его на плащ-палатку и вшестером потащили к своим. Красноармеец Сотников удалил из спины пленного мелкие осколки, перевязал его раны. Лейтенант Куш дал ему немного спирта. Все страшно беспокоились за верзилу, оберегали его. Ведь столько было неудач и вот наконец «язык» добыт. Первые слова его были такие: «Пук? Пук?», что означало: «Вы меня растреляете?». Старший лейтенант Бойленко, знавший немецкий язык, объяснил ему: «Если все чистосердечно расскажешь командованию, то не растреляем». Немец одобрительно кивнул головой, показал фотокарточку, где он изображен со своими детьми, и пожаловался, что ему холодно. Оказывается, он вечером делал обход огневых точек. Задержался. А поскольку дзот был добротным сооружением, решил в нем заночевать. Когда же началась стрельба, он успел надеть сапоги только на босу ногу. То есть они, не как мы, ночью спали раздеваясь. Красноармеец Крашенинников раздобыл и принес ему валенки самого большого размера, а они на него не лезут. Пришлось разрезать голенище и только тогда удалось обуть «гостя». Младший сержант Мережников с помощью сантиметровой линейки измерил рост верзилы, он оказался равным 2 метрам 8 сантиметрам. Такова была наша добыча.»

Во время этой операции не то осколком, не то пулей оторвало у красноармейца Левитана мизинец на левой руке. Разведчики долго смеялись по этому поводу: «Обменяли двухметрового верзилу на палец Левитана».

ОСТРОГОЖСКО-РОССОШАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В середине декабря 1942 года командир бригады полковник В. Г. Лебедев получил приказ о передислокации в район села Щучье, южнее Воронежа. Откуда, с плацдарма на правом берегу Дона, планировалось нанести удар с целью окружения группировки противника в среднем течении Дона. В это же время бригада переименовывалась в Отдельную бригаду имени Челябинского комсомола и передавалась в распоряжение 18-го стрелкового корпуса генерал-майора Зыкова. Челябинцы должны были действовать вместе с 219-й стрелковой дивизией полковника Котельникова.

Характерной чертой комбрига В.Г. Лебедева было стремление перед предстоящим наступлением тщательно взвешивать все за и против, уделяя при этом особое внимание разведке, а иногда он сам выдвигался за передовую линию с целью изучения расположения противника. И в ту ночь, под новый 1943 год, он со своими помощниками прошел по траншее более километра. В предутренние сумерки пожелал успеха возвращающемуся на позицию снайперу. А затем, взобравшись на бруствер, пополз к высоте 177, расположенной на довольно большом расстоянии от нашей передней линии обороны. В следующую ночь Лебедев вновь был на этом наблюдательном пункте, но уже с командирами батальонов.

5 января полковник В.Г. Лебедев уехал в штаб фронта вместе с политкомиссаром бригады И.Ф. Захаренко. А что произошло потом, рассказывает офицер штаба бригады И. И. Тюренков:

«В штабе фронта в это время находились представители ставки Верховного главнокомандующего Г.К. Жуков и А.М. Василевский. Выслушав доклад комбрига В.Г. Лебедева, Г.К. Жуков вопросительно посмотрел на него, затем на разложенную на столе карту и спросил:

– Вы не ошибаетесь, полковник? По данным штаба фронта, пункт 177 находится в расположении противника. Как вы смогли попасть туда?

И не дожидаясь его ответа, сказал:

– Завтра рано утром отведете нас на это место. В 4 часа 30 минут будьте на окраине Николаевки.

Лебедев вернулся в бригаду, обеспокоенный той огромной ответственностью, которая возлагается на него при сопровождении первых военачальников в пункт 177. На следующее утро еще до рассвета Лебедев, Захаренко и я были в указанном месте. Вскоре приехали Г. К. Жуков и А. М. Василевский.

– Пора, – приказал Г. К. Жуков и показал рукой на Лебедева, чтобы тот вел группу.

Забрезжил рассвет. Прошли мимо пахнувших дымом дивизионных блиндажей, мимо землянок полка. Прошли по траншее.

– Лебедев, ползите вперед! – распорядился Г. К. Жуков, – я за вами, за мной Василевский, последним пойдет начальник штаба бригады.

В.Г. Лебедев взобрался на бруствер и пополз вперед, не оглядываясь, так как знал, что за ним идут. Стометровая тропа оказалась намного длиннее.

Жуков спокойно разглядывал расположение врага. И как бы между прочим бросил:

– Нас заметили.

И пока он складывал перед собой планшет, донесся свист мины, раздался взрыв, второй, третий.

Жуков Г. К. еще раз рассматривает раскрывшуюся перед ним панораму и дает команду:

– Ползти обратно нет времени. Назад будем бежать. Лебедев, вперед!

Комбриг, слегка пригнувшись, побежал, вслед за ним – Г. К. Жуков, А.М. Василевский, начальник штаба Зырянов. Осколки разорвавшейся мины достали Зырянова. Он упал.

– Заберите раненого! – распорядился Г. К. Жуков.

Но к раненому уже бежали два санитаря».

Как выяснилось позднее, посещение Г. К. Жуковым и А. М. Василевским пункта 177 имело большое значение в подготовке Острогожско-Россошанской операции, в основе которой были внезапность, расчленение и уничтожение противника с одновременным окружением вражеской группировки, состоящей из 2-й венгерской армии, 24-го немецкого танкового корпуса и итальянского альпийского корпуса. В рамках этой операции один танковый батальон челябинской бригады оставался в районе села Щучье, другой танковый батальон, возглавляемый после гибели капитана В. Моторина 27-летним лейтенантом А.С. Богомолковым, должен был скрытно, без шума спуститься к Дону и по мосту переправиться на западный берег реки. Переброска его танков производилась ночью. Для удобства через лес, прямо к мосту, прорубили просеку. Танки спускали с горы при помощи тормозящих лебедок. В это

время к мосту подъехал командующий фронтом генерал-лейтенант Ф.И. Голиков. Он остался довольным работой танкистов.

– Молодцы! – похвалил он А. С. Богомолова. – Вы не только умеете управлять танками, но, когда нужно, носите их на руках, – и добавил: – Основная задача танкистов сегодня – перебросить боевую технику через Дон, но сделать это так, чтобы враг не догадался о готовящемся наступлении.

12 января в 22 часа батальон А.С. Богомолова вышел на исходную позицию, где для каждого танка заранее был подготовлен капонир с маскировочной сеткой. За ночь выпал снег и закрыл все следы от гусениц танков. Танкисты зря время не теряли, еще и еще раз проверяли перед предстоящим боем свои машины. Ночь была тихая и звездная. Время от времени ввысь взлетали, прорезая темноту, разноцветные ракеты и на некоторое время освещали всю округу. В эту ночь парторг батальона В. Бойко получил от бойцов одиннадцать заявлений о приеме в партию, решили не отставать от товарищей Станислав Казанцев и Рамазан Копсергенов, расстелив на броне танка желтые листки бумаги от папирос, они старательно выводили химическим карандашом каждое слово заявления. Парторг пожал им руки и положил их заявления в планшет. До рассвета оставалось совсем немного времени.

13 января первыми пошли в наступление войска 40-й армии в районе Сторожевское. Немцы оказали отчаянное сопротивление, но к исходу дня танки, действующие на главном направлении удара, прорвали оборону противника.

14 января в 7 часов утра грянула оглушительная артиллерийская канонада со Щучьенского плацдарма. Огонь вели орудия всех калибров. Создавалось впечатление, что качается под ногами земля. В 9 часов артиллеристы перенесли огонь в глубь обороны противника. Взлетели вверх три сигнальные ракеты, означавшие, что настало время подниматься в атаку войскам 18-го стрелкового корпуса. Приданные ему танковые бригады пошли вперед, а за ними с криком «Ура!» – пехота. Главный удар наносился в направлении села Карпенково. Разгромив 19-й и 23-й пехотные полки венгерской дивизии, танки прорвали передний рубеж обороны противника. Дальнейшее развитие прорыва здесь осложнилось. Противник, оказывая упорное сопротивление, не раз переходил в контратаку. Пехота залегла. Инстинкт самосохранения заставил бойцов закопаться в снег, под свистящими пулями и осколками

прижаться к земле. И неизвестно, какая сила могла заставить подняться их вновь в атаку. Но вдруг над клокочущем взрывами полем поднялась во весь рост фигурка девушки в полушубке, с санитарной сумкой на боку. Это была Лиза Толстых.

– Ребята, да что же вы?! Комсомольцы, челябинцы, вперед! – закричала она.

Появление девушки и упоминание родного города Челябинска оказалось той силой, которая побудила бойцов перебороть страх. Короткими перебежками они вновь пошли вперед.

Танкисты, уничтожая вражеские укрепления, приближались к району сел Екатериновка – Верхние Марки.

Накануне боя механик-водитель Рамазан Копсергенов, увидев среди танкодесантников санинструктора Аню Орловскую – маленькую, в большом маскхалате девушку, и предложил ей:

– Залезай в танк, здесь нет ветра.

– Аня, иди к нам, – приглашали ее другие члены экипажа, – покатаемся вместе, ведь скоро 8 Марта.

– До праздника нужно еще дожить, – возразила им девушка, – я, как и все, должна быть на броне.

Передовые позиции противника танк Андрея Щеглова, механиком-водителем у которого был Копсергенов, преодолел без особого сопротивления. Но через некоторое время вражеская оборона стала оживать. Огонь противника становился все сильнее. Рамазан на большой скорости бросал свой танк то на одну огневую точку, то на другую.

– Андрей, по нам стреляют из орудий, – крикнул он Щеглову.

– Вижу, – ответил командир и произвел два выстрела из пушки.

Запахло порохом, зазвенело в ушах. Для лучшего обзора Щеглов никогда не закрывал верхний люк. Танк, не сбавляя скорости, приближался к заросшему деревьями холму, другие машины немного отстали.

– Андрей, смотри налево, они бегут, – вновь кричит Рамазан.

Щеглов переносит огонь на убегающих гитлеровцев. Вдали показалась Екатериновка. И вдруг танк сильно трянуло. Замаскированная батарея била по танкам прямой наводкой.

– Первая, первая, – командует своей роте Щеглов, – огонь по батарее!

Сверху по танку стучала шрапнель. Эфир переполнялся криками и командами, среди которых отчетливо выделялся голос Бого-

молова, он хладнокровно отдавал приказания экипажам. И вдруг отчаянный голос Щеглова:

– Аня, Аня убита! Аня Орловская упала с танка, ребята!..

Танки, ведомые механиками-водителями старшинами Филатовым и Файфером, словно подстегнутые известием о гибели Ани, стреляя на ходу, ворвались в расположение батареи противника, уничтожили пять орудий, с остервенением добивали пехоту и, развивая успех, направили свой удар на Сагуны–Подгорное.

На подступах к Екатериновке танк комбрига Лебедева подорвался на противотанковой mine, у него была повреждена правая гусеница. Танк Ульянова пришел ему на помощь и встал рядом, закрыв его броней. Усилиями двух экипажей гусеница была восстановлена. В это время комбат Богомоллов с двумя танками ворвался в деревню, расстреливая из пушки и пулеметов вражескую пехоту, подавил огонь батареи, внес в ряды противника панику и вдруг в разгар боя обнаружил, что его танк стоит на чьем-то погребке.

– Миша! – закричал Богомоллов механику-водителю, – сдай назад, здесь люди.

В 1965 году члены военно-исторической экспедиции из Челябинска побывали в Екатериновке и встретились с одним из местных жителей, который сидел тогда, спрятавшись, в том погребке. Он рассказал подробности того боя и гибели старшего лейтенанта А. С. Богомоллова.

После подавления огня батарей Богомоллов поджег два склада с боеприпасами. Затем его танк продвинулся через улицу к лощине и открыл огонь по отходящей самоходке, но и сам попал под огонь врага. Снаряд перебил гусеницу. Второй снаряд попал в моторную часть. Танк загорелся, получив четыре пробоины. А. С. Богомоллов и заряжающий из его экипажа погибли. После боя жители похоронили танкистов в центре села.

Не менее дерзко и решительно действовали при освобождении Екатериновки танкисты: И. И. Дмитриев, М. П. Татаринцев, В. И. Гагарин, В. А. Кононов, П. Д. Новструев, Н. И. Ульянов, Г. А. Пышняк, К. П. Ткаченко, И. Л. Пилипенко, Н. И. Кульков, М. И. Минский, П. И. Кокорин и другие. Преследуя противника, экипаж командира танковой роты И. Погодина в районе колхоза «Заветы Ильича», израсходовав боеприпасы, давил огневые точки гусени-

цами, открыв люк, забрасывал гитлеровцев гранатами, вел огонь из автомата, двигался вперед, увлекая за собой пехоту.

Зима в этих местах была снежная. Чтоб обеспечить движение по дорогам, немцы заставляли местных жителей очищать проезжую часть от снега, в результате чего по обеим сторонам дорог образовались высокие сугробы, которые лишали танкистов кругового обзора, поэтому комбат Кульков решил пересечь поле напрямую по снегу. Но только его танки вырвались на снежные просторы и из-под гусениц полетела вверх снежная пороша, как неожиданно вокруг стали рваться снаряды противотанковой батареи. Определив место ее расположения, Кульков рассудил так: если обходить батарею с флангов, значит, подставлять борта своих машин под огонь противника, и отдал приказ атаковать батарею в лоб. Во время стремительной атаки он заметил, как танк механика-водителя Ткаченко вначале свернул вправо, а потом начал делать странные движения по кругу.

– Что у тебя произошло? – спросил Кульков Ткаченко, когда с вражеской батареей уже все было кончено, лишь чернели на снегу превращенные в груды металлолома только что изрыгающие смертоносный огонь орудия и не успевшие еще замерзнуть трупы артиллеристов.

– У меня перестал включаться левый бортовой фрикцион, и я давил фрицев, как мог, одним бортом, – ответил Ткаченко.

После ударов по врагу, нанесенных танкистами, веселее пошли дела и у пехоты. Вениамин Олехович из своего ПТР уничтожил две огневые точки, гранатами забросал итальянских солдат, получил серьезное ранение, но не покинул поля боя. Во время очередной атаки 3-й взвод второй роты мотострелков, попав под пулеметный огонь, залег, бойцы закапывались в снег. Ефрейтор Борис Воронин скрытно пробрался к пулеметному гнезду с тыла и автоматной очередью уничтожил гитлеровцев. Пока противник разбирался в обстановке, Воронин перенес огонь на вторую огневую точку. Взвод поднялся в атаку с криком «Ура!». Немцы начали отход в глубь села, пятеро из них бежали прямо на Воронина. Он подпустил их на несколько метров, а потом крикнул:

– Хальт! Хэндэ хох! (Стой! Руки вверх!).

Все пятеро подняли руки. Воронин за этот бой получил свой первый орден.

Несколько дней и ночей бригада находилась в непрерывных боях. Многие бойцы потеряли счет времени. Мороз усиливался. Автоматчики взвода Сапожникова, прижавшись к нагретой от мотора броне танка, держали на изготовку свое оружие. Где-то впереди должна быть деревня Крестики. Быстро темнело. Наконец в сумерках показались первые бревенчатые домики. Внезапно ударила вражеская пушка. Застрочил пулемет. Засада. Механик-водитель, не сбавляя скорость, свернул с дороги и направил танк под прикрытие деревьев. Перед командирами встал вопрос, что делать. Договорились, Сапожников незаметно зайдет со своим взводом автоматчиков в село и отвлечет внимание артиллеристов. А какие принимать действия потом, обстановка покажет. Автоматчики по глубокому снегу, вначале короткими перебежками, а потом ползком, зашли в тыл батареи и завязали бой. Едва услышав первые автоматные очереди, танк рванулся вперед. Кто-то из артобслуги побежал к орудию, но сраженный метким выстрелом неестественно изогнулся, поднял руки и упал на спину. Танк атаковал батарею под углом градусов 45. От удара первая пушка осталась без обеих колес, танк протащил ее за собою метров десять, раздавил второе орудие, а затем третье и остановился. На снегу остались лежать два убитых гитлеровца. А где же остальные? Они бежали, воспользовавшись темнотой.

Продолжая развивать наступление, двигаясь по дороге, ведущей на Подгорное, комбат Кульков отправил вперед дозорным танковый взвод лейтенанта Дмитриева. Вскоре Дмитриев доложил по радиации, что настиг моторизованную колонну противника,двигающуюся по дороге, с обеих сторон которой высятся снежные насыпи, и что противник начал обстрел танков из своих орудий. Кульков отдает короткие распоряжения окружить и уничтожить колонну, и все танки батальона устремляются вперед.

Появление «тридцатьчетверок» для противника оказалось настолько неожиданным, что он не успел оказать организованного сопротивления. Замполит командира батальона Г. Е. Бергер вспоминал об этом эпизоде: «Я наблюдал в бинокль, как наши танки окружили колонну, и обратил внимание, что в колонне не немцы, а итальянцы. В это время командир танка Пилипенко спросил меня:

- Что, комиссар, много немцев?
- Похоже, что это итальянцы, – ответил я.

– Ну что ж, значит, будем давить итальянцев».

От первых же залпов танковых орудий воспламенились автомашины, бронетранспортеры, цистерны с горючим. Итальянцы разбегались в разные стороны, но из-за глубокого снега и сугробов вдоль дороги далеко уйти они не могли. Танки сразу же прекратили огонь, когда увидели группу офицеров противника, стоявших с поднятыми руками. К комбату Кулькову подошел итальянский полковник и, с трудом говоря по-русски, доложил, что он командир 8-го итальянского полка, и в качестве подтверждения своих слов указал на альпийский значок на своем кителе. Затем рассказал, что у них много потерь, что солдаты и офицеры упали духом и долго ждали того часа, чтобы сдаться в плен русским.

– А почему же вы открыли артиллерийский огонь по нашим танкам? – спросил его Г. Е. Бергер.

– Потому, что нашу колонну сопровождали немецкие танки и бронетранспортеры, многие мои солдаты и офицеры были расстреляны за желание выйти из войны, – ответил итальянец.

Комбат Кульков отдал приказ собрать все трофейное оружие, сложить его в трофейные автомашины, шоферов-итальянцев оставить за рулем, а остальным пленным построиться в колонну и походным маршем двигаться в Екатериновку. Для безопасности итальянцы принесли белые простыни, одну из них подняли, как флаг, а другую разорвали на белые ленты и повязали себе на рукава. Итальянский полковник попросил разрешение взять с собой свои продукты. Кульков, посоветовавшись с Бергером, отдал им их. Итальянцы в количестве 500 человек, под белым флагом, через белые заснеженные поля, стуча зубами от холода, потянулись в тыл к русским. Батальон же Кулькова двинулся в ближайшее село на дозаправку горючим и боеприпасами, где его уже ждали батальонные тыловые автомашины.

Здесь же, вкусно пообедав, после краткого отдыха танкисты двинулись на Сагуны и Подгорное. Замполит Бергер и парторг батальона В. Бойко остались ночевать в селе, так как к утру должен был приехать секретарь партийной комиссии майор Столетов, чтобы вручить партбилеты вновь принятым в партию коммунистам. Сюда же должен прибыть и комсорг батальона лейтенант Дульцов.

«В селе возле большого, старого дома остался также танк Ткаченко для ремонта левого фрикциона, – вспоминал Г. Е. Бергер, –

на этом танке мы должны были утром догонять свой батальон. Добродушная хозяйка пригласила нас в дом. Нам показалось в нем очень тепло и уютно, может быть, потому, что уже почти целый месяц ночевали, в лучшем случае, в землянках или под танком, обогреваясь от его мотора, или с помощью химических танковых горелок, порой просто под открытым зимним небом. И уже привыкли к такому образу жизни. Танкисты, закончив ремонт, тоже присоединились к нам и, поужинав, все уснули хорошим здоровым сном.

Я вышел на улицу, посмотрел, как тыловики охраняют наш маленький гарнизон, в селе, кроме нас, разместились также части 219-й стрелковой дивизии. Затем вернулся в дом, лег на пол на соломенную подстилку рядом с танкистами и быстро уснул. Утром по-фронтовому вымылись снегом, оделись. Ткаченко включил на танке радиостанцию, настроив ее на Москву. Около танка остановилась телега, с нее соскочил кавалерист в казацкой бурке, подошел к нам, поздоровался и попросил разрешение послушать новости из Москвы. А в это время как раз передавалось сообщение об успешном наступлении Красной армии под Воронежем. На крыльцо дома вышла хозяйка и пригласила всех к столу. Под буркой пришельца я заметил синие петлицы с тремя шпалами, значит, это был подполковник кавалерии. В армии всегда с уважением относились к кавалеристам, ведь весь командный состав, в том числе и танковых войск, в прошлом были конниками. Мы пригласили подполковника вместе пообедать. Он отказывался, говорил, что ему нужно найти свою часть, куда он назначен командиром полка. Но мы настояли на своем. Вошли в дом. Стол уже был накрыт белой скатертью, посреди стола лежала только что сваренная картошка, от нее струился аппетитный пар. Мы открыли консервы, достали полагающиеся по норме «фронтовые сто граммов», сели вокруг стола. Разговор начал кавалерист. Он рассказал о жизни в Москве, о больших переменах на фронте. Выпили за нашу доблестную Красную армию, за советский народ. Наполнили чарки повторно. Вдруг дверь в соседней комнате распахнулась, к нам вбежала молодая очаровательная женщина и с криком «Вася!» упала. Подполковник кинулся к ней. Поднял ее на руки, и они стали обнимать и целовать друг друга. Из комнаты выбежала маленькая девочка, лет семи, увидев, что мать ее в объятиях военного, громко заплакала. Мы молча наблюдали эту картину – неожиданную счастливую встречу двух любящих сердец. Подполковник посмотрел на меня,

в его глазах блестели слезы. Он подошел и с благодарностью обнял меня. Мы быстро оделись, вскочили в свой танк и помчались по направлению Подгорного.

Больше получаса в танке все молчали, вспоминая своих близких, родных, казалось, что мы оставили в селе что-то самое дорогое. Я попросил Ткаченко остановиться, спрыгнул с танка и стал всматриваться в оставленное нами село.

– Товарищ капитан, вы что-то там забыли?

– Мы не спросили, как зовут подполковника. Какая встреча, а!..

– Васей его зовут, Васей, так звала его жена, – разъяснил мне Ткаченко».

В боях под Щучьем принимали участие все новички, прибывшие в бригаду в октябре 1942 года.

«Мы тщательно готовились к боям за высоту 214,6 метра, - вспоминал С.В. Казанцев, - но вдруг в начале января 1943 года нас подняли по тревоге, привезли под Воронеж, выгрузили близ селения Щучье и поставили задачу скрытно и быстро соорудить переправу через реку Дон. Мы рубили деревья, укладывали их на лед, засыпали снегом, обливали водой, а все остальное делал мороз. Он намертво сковывал конструкцию переправы, по которой прошли танки на плацдарм, занятый на противоположном берегу. С последним танком переправились на плацдарм мотострелки и продвинулись в глубину на 6 километров. Фронт к этому времени уже был прорван и никто не мог сказать, где сейчас немцы, а где наши. Мы расположились в блиндаже, захваченном у немецких артиллеристов. В нем было тепло, уютно, топились печь, имелись скамейки и нары, а в углу лежали какие-то мешочки, никто тогда на них не обратил внимания. Очень не хотелось покидать теплое местечко, когда лейтенант Полупан определил меня и еще несколько человек для усиления 2-го взвода лейтенанта Баглая, отправляющегося на разведку. Но служба есть служба, и мы вышли на свежий воздух.

Часть пути мы с разведчиками проехали на машине, затем, надев белые халаты, двинулись пешком вдоль предполагаемой линии фронта. Шли молча, цепочкой, один за другим. Километра три впереди то и дело взлетали осветительные ракеты. Никто не разговаривал, никто не подавал команды, объяснялись между собой жестами. В абсолютной ночной тиши приблизились к Екатерिनновке и остановились. В селе – ни души. Осмотревшись, осторож-

но двинулись вдоль улицы и за первым же углом заметили слабый свет в окне одного из домов. Залегли. Часовые у входа в дом отсутствовали. Следовательно, в доме могли быть мирные жители. Но почему в прифронтовой полосе ночью они осмелились зажечь свет?

Лейтенант Баглай подполз к нам и жестами приказал окружить дом. А потом шепнул мне:

– Возьми двух человек, войди в дом. Если там есть немцы, одного вывести на улицу, а остальных прикончить.

Мы, осторожно ступая, поднялись на крыльцо, и я почувствовал, что у меня на спине выступил холодный пот. Боком протиснулся в коридор. Одним прыжком толкнул дверь и оказался в комнате. Передо мною за большим столом сидели несколько немцев, еще сколько-то лежали на полу. Держа палец на спусковом крючке автомата, я смотрел на немцев, а немцы – на меня. От неожиданности и страха они словно приросли к своим местам. Заметив среди них офицера, я левой рукой показал ему на дверь, едва выговаривая от волнения слово «Ком!».

Наши быстро схватили офицера и вывели на улицу.

– Много их там? – раздался властный голос Баглая.

– Человек восемь, – ответил я.

– Кончай их! – донеслась до меня, словно сквозь сон, команда командира.

Онемевшей рукой, буквально не видя, в кого стреляю, я нажал спусковой крючок. И, двигая стволом автомата, стрелял, пока не кончились в диске патроны. Потом попятился к двери. Я вышел на улицу, не видя ничего перед собою, в ушах шумело, и я не мог выговорить ни одного слова.

Мы вновь двинулись с автоматами на груди, пересекли улицу, вышли за село, вернулись к своей автомашине и на ней вместе с «языком» – пленным офицером, который оказался не немец, а мадьяр, вернулись в батальон.

Подхожу я к своему блиндажу и вижу ошеломляющую картину: вместо блиндажа зияет яма и повсюду следы большого пожара. Оказывается, мешочки, лежавшие в блиндаже, были с дополнительным для оружейных зарядов порохом. По какой-то причине они воспламенились. Вытащить из блиндажа удалось только шесть человек, 18 человек, включая моего первого взводного, погибли.

Утром все батальоны бригады вновь пошли в наступление. Жители освобожденных сел встречали нас с нескрываемой радостью, особенно в деревне Верхние Марки, где мы стояли дня три. Там находились брошенные немцами продовольственные склады. И пока командир у складов не поставил часового, селяне растаскивали продукты по домам. Колбасу несли, как поленья дров, шнапс тащили ведрами. И этими продуктами щедро угощали нас. Одна женщина с большой русой косой с удивлением рассматривала меня и спрашивала:

– Да как же так, все пьют, а ты не пьешь шнапс?

– А мне мама не разрешает пить, – отшучивался я.

В соседнем селении находился небольшой гарнизон итальянцев, человек 30, все они сдались практически без боя. Их построили во дворе дома, вид они имели жалкий. Стояли на морозе в летнем обмундировании, закутав голову и плечи одеялом, на ногах – соломенные чуни. У одного из итальянцев я увидел висевшую на поясе обыкновенную мышеловку. Поинтересовался, для чего она ему. Оказалось, что мышеловками итальянцы ловили в деревне воробышек и употребляли их в пищу. Мы долго смеялись над ним. Во! Вооружены были! Даже мышеловки имели».

За дни боев с 14 по 20 января 1943 года бригада прошла с боями более 70 километров от села Щучье до села Подгорное, освободила свыше 30 населенных пунктов, включая железнодорожную станцию Сагуны. Комбригу В.Г. Лебедеву после завершения этой операции было присвоено звание генерал-майора танковых войск. В его характеристике, подписанной командующим бронетанковыми и механизированными войсками Воронежского фронта генералом Родкевичем, отмечалось, что «за время боев бригада уничтожила 3574 солдата и офицера противника, 375 пулеметов, 90 орудий разных калибров, 5 танков, один бронетранспортер, 14 танкеток, 226 автомашин, 455 повозок, 12 радиостанций, 83 миномета. Захватила пленных и трофеи: солдат и офицеров 5295, лошадей 1564, винтовок и автоматов 595, пулеметов 1105, орудий разных калибров 142, один шестиствольный миномет, 908 автомашин, 6 тракторов, 149 мотоциклов, 612 повозок, 7 радиостанций, несколько разных складов».

Бывший гитлеровский генерал фон Бутлад, вспоминая об итогах Острогожско-Россошанской операции, писал: «Итог, который немецкому командованию пришлось подвести на этом участке фронта в конце января 1943 года, был поистине ужасным. За 14

дней русского наступления группа армии «Б» была полностью разгромлена».

После ликвидации этой группы в обороне противника образовалась брешь, создались условия для проведения Воронежско-Касторненской операции и наступления на белгородском и харьковском направлениях. Многие бойцы и командиры челябинской бригады были удостоены высоких правительственных наград, в их числе Николай Ульянов, Лиза Толстых, старший сержант Коврига, которого накануне приняли в партию, но он не успел получить ни свой орден Красного Знамени, ни партийный билет, в последующем бою погиб смертью героя.

ВОРОНЕЖСКО-КАСТОРНЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Январские бои принесли челябинцам не только торжество и радость победы, но и значительные потери в технике и живой силе. Оставалось в строю менее десяти танков, да и те нуждались в ремонте. А обстановка требовала готовиться к новым боям.

24 января 1943 года, несмотря на морозы, глубокий снег и сильные метели, началась Воронежско-Касторненская наступательная операция Воронежского и Брянского фронтов, в результате которой к исходу 28 января вражеская группировка численностью 125 тысяч человек, солдат и офицеров оказалась в кольце. Но дальнейшее уничтожение противника, попавшего в окружение, затянулось, и создалась угроза его прорыва на запад.

7 февраля 1943 года комбриг В.Г. Лебедев вызвал в штаб командиров частей и объявил, что из окружения под Воронежем вырвалась 13-тысячная фашистская группировка, которая продвигается в направлении Солнцева. Бригаде приказано к 8 часам 8 февраля выйти к Верхней Стуженке (западнее Старого Оскола) и вместе со стрелковой дивизией перерезать дорогу Старый Оскол – Тим, перекрыв пути отхода отступающему противнику. И любой ценой сдерживать врага, уничтожая его живую силу и технику.

В головную походную заставу В.Г. Лебедев назначил несколько танков с десантом на броне и батарею 76-миллиметровых противотанковых пушек, которой командовал высокий, рыжеволосый красавец капитан Панов. На каждое орудие выделялось до двух комплектов снарядов. Шесть автомашин были полностью загружены боеприпасами. В темную морозную ночь, преодолевая снеж-

ные заносы, колонна двинулась в направлении Старого Оскола. Впереди лежала водная преграда, а мост через реку Оскол оказался взорванным. Решили переправляться по льду. Но первая автомашина с пушкой и снарядами провалилась под лед задними колесами. Водители сержант Василий Максимов и ефрейтор Никита Шевченко разгрузили свои машины и порожняком на большой скорости попытались по льду достичь противоположного берега. Им это сделать удалось. Остальные автомашины и орудия перетасили за собой с помощью тросов. Ящики со снарядами артиллеристы перенесли на своих плечах, вновь погрузили в кузова и продолжили марш. Танки же остались ждать наведения переправы.

Впереди за пригорком полыхало зарево пожара. Это горел хутор Красный. Посоветовавшись, заместитель командира батареи лейтенант Комков и командир взвода лейтенант Галин с командиром взвода разведчиков решили осмотреть село. Заглянули в один дом – никого нет. Заглянули в другой – тоже нет. Наконец, в одном из полуразвалившихся домиков увидели седого старика. Старик обрадовался, увидев красные звездочки на шапках.

– А где же народ? – спросил его Комков.

– Попрятались, кто где, ведь всего минут 20 назад здесь злодействовали немцы, они и подожгли хаты.

– А почему же ты не спрятался?

– Мне некуда бежать, – усмехнулся старик, – я в этом селе родился, здесь прошла вся моя жизнь, конечно, неохота умирать, не дождавшись своих. Теперь же, когда вы вернулись, мне и вовсе нет желания уходить в мир иной.

– Зачем же умирать, дед? Живи еще столько же, – пожелали ему здоровья батарейцы.

Старик проводил гостей до выхода. Комков взглянул на его морщинистое, заросшее щетиной лицо и понял, что хозяин едва-едва сдерживает слезы.

Опасаясь вражеской засады, артиллеристы решили подождать подхода основных сил бригады. Заняли круговую оборону. На рассвете 8 февраля показался бронетранспортер с разведчиками лейтенанта Войленко. Получив информацию от Комкова, разведчики уехали вперед. Вскоре подошли танки комбата Янкевича с десанниками. Батарея присоединилась к головной колонне танков и двинулась в направлении Мантурово. Кругом простирались заснеженные поля, слева, в километре от дороги, чернел лес.

– Смотрите, лошади! – крикнул один из десантников, показывая рукой в сторону избышки, где стояли оседланные кони.

Комбриг послал к избышке отделение автоматчиков. Вскоре оттуда раздались беспорядочные выстрелы и показались танкодесантники, ведущие перед собой группу пленных немцев. При подходе к хутору Крутому опять обнаружили немцев и опять комбриг послал вперед автоматчиков. Когда же на хуторе застрочили автоматы и стали рваться гранаты, Лебедев послал на помощь «тридцатьчетверку». В это время из леса вышел по направлению хутора взвод немецких солдат. Увидев, что на хуторе идет бой, взвод повернул обратно в лес. Но командир батареи Панов уже установил свои пушки и открыл по неприятелю беглый огонь. На хуторе с помощью танка тоже быстро разделались с противником и привели с собой еще десятка два пленных.

Продолжая марш, примерно в километре от селения Лобовые Дворы, головная машина неожиданно наскочила на хвост колонны противника численностью человек 300,двигающихся в пешем строю, верхом на лошадях и на санях. Увидев танки, немцы в панике бросились в разные стороны. Мотострелки открыли по ним огонь. Танки преследовали гитлеровцев недолго, гоняться за каждым солдатом у них не было возможности, поэтому часть гитлеровцев бежала в сторону села Останино. Дорога впереди вновь стала свободной.

Со стороны Знаменки на трех грузовиках подъехала рота мотострелков капитана Руссола. На одном грузовике находился С. В. Казанцев, вспоминая об этом эпизоде, он рассказывал: «Я сидел с пулеметом у борта кузова, с края, и наблюдал, как к комбригу В. Г. Лебедеву, одетому в белый полушубок с поднятым воротником, подвели человек пятнадцать пленных власовцев, съезжившихся от страха. Единожды, проявив малодушие и трусость, они сдались в плен и согласились служить врагу, теперь же умоляли сохранить им жизнь, некоторые из них плакали.

– Где находится ваша часть? – спросил пленных В. Г. Лебедев.

– Вон там, – пленные указали на ближайшее село.

– И много там таких, как вы?

– Много.

– И вот здесь, как мне кажется, наш комбриг допустил ошибку. Он приказал им идти в свое подразделение, провести там разъяснительную работу и возвращаться вместе со всеми советс-

кими гражданами, оказавшимися на службе во вражеской армии, пообещав им прощение. Они ушли, и с головой...

Жители Лобовых Дворов встретили челябинскую бригаду, как встречают освободителей, но с тревогой рассказывали о том, что возле села Пузачи скопилось огромное количество немцев. Медлить было нельзя. Произведя перестроение, комбриг оставил в Лобовых Дворах роту Руссола, а остальным подразделениям отдал приказ двигаться в сторону Пузачей.

Около полудня передовые подразделения бригады, поднявшись на пригорок, увидели в низине среди казавшихся бескрайними снежных полей колонну автомашин с солдатами противника, растянувшуюся от Пузачей почти до самой развилки дорог на Мантурово. Артиллеристы Панова открыли огонь и поразили головную автомашину. Следовавший за ней грузовик попытался ее объехать и застрял в снегу. Образовалась пробка. Артиллеристы перенесли огонь в хвост колонны. Танк Щеглова и Копсергенова с надписью на башне «За Родину» устремился в середину колонны, преследуя цель рассеять ее на две половины. От первого его удара вражеская крытая автомашина отлетела метров на шесть и легла боком в сугроб, из-под ее капота вырвалось пламя, и она загорелась. Развернувшись вдоль дороги, танк, расталкивая технику, подминая ее гусеницами, крушил вражескую колонну. Немцы попытались развернуть свою батарею на конной тяге и встретить танк артиллерийским огнем. Но батарейцы Панова опередили врага, буквально засыпав его своими снарядами, так как новые 76-миллиметровые пушки челябинской бригады марки «ЗИС-3» образца 1942 года имели полуавтоматические клиновые затворы, которые позволяли доводить скорострельность орудий до 30 выстрелов в минуту. Поэтому у противника сложилось впечатление, что его обстреливает не одна, а несколько батарей. Бой длился около трех часов. Потеряв более двух тысяч убитыми, враг сдался в плен. На месте боя остались стоять около 500 автомашин, 30 БТР и разбитые орудия. Некоторые гитлеровцы пытались спрятаться в машинах, надеясь там дождаться темноты и удрать. Несколько вражеских солдат забрались к раненым в санитарный автобус. Мотострелки извлекли их оттуда и, подгоняя прикладами, строили в колонну, достигшую несколько сот человек. Конвоиров для сопровождения пленных комбриг выделить не имел возможности, так как каждый человек был на счету. Поэтому конвоирами назначили

мужиков, находившихся в колонне немцев в качестве рабочей силы, и поручили им сопроводить пленных в тыл.

Все бойцы и командиры не сомневались в том, что это только первая схватка с врагом и что главные силы врага где-то совсем близко. Комбриг приказал Панову вывести батарею на развилку дорог перед Пузачами и, заняв круговую оборону, держать под обстрелом дороги, ведущие из Тима и Кузькино. «Это самое опасное направление, – пояснил он, – немцы из Мантурово не пойдут, они туда стремятся. Из Старого Оскола мы пришли. А вот через Тим и через Кузькино они могут попытаться вырваться из кольца». Остальные подразделения бригады располагались на ночлег в Пузачах. Танки маскировались во дворах, возле сараев. В одном из сельских домов расположился штаб, в других избах – танкодесантники. Около батареи оставались лишь огневые расчеты. Командиру взвода М. Галину и заместителю командира батареи Комкову поручили на захваченных у немцев лошадях проехать до Мантурово и выяснить, что там делается. По итогам их разведки батарея Панова произвела артналет по скопившемуся в Мантурово противнику, заставив его поторопиться с эвакуацией.

К исходу 8 февраля 2-й танковый батальон и другие подразделения бригады ожидали подхода к Пузачам колонны тыла мотострелкового батальона. Первый танковый батальон Кулькова в это время действовал в районе Ольховатки и продолжал бои за Алексеевку.

День заканчивался. Быстро темнело. Бойцы и командиры, возбужденные прошедшим боем, настраивались до утра отдохнуть в хорошо натопленных сельских избах. Но вдруг наблюдатель доложил, что по дороге из Кузькино приближаются немцы. Как выяснилось позднее, разбитая накануне колонна являлась лишь головной группой противника, а за ней двигались основные его силы, более многочисленные и хорошо вооруженные.

Рота старшего лейтенанта Руссола, окопавшаяся у Лобовых Дворов, получила приказ срочно выдвинуться в Пузачи. Но только мотострелки поднялись на пригорок, как раздались автоматные очереди, упал сраженный наповал пулеметчик Шестеркин, а его второй номер Овруцкий получил тяжелое ранение. У Пузачей уже разгорелся бой, который усиливался с каждым часом. Немцам терять было нечего, они шли напролом. Участник этих боев С. В. Казанцев вспоминал: «Мороз в ту ночь был такой, что воздух, ка-

залось, мерцал в лунном свете. Немцы шли, как черные призраки, по расчищенной от снега дороге, вдоль которой с обеих сторон тянулись снеговые насыпи высотой до двух метров. Мы установили свой пулемет на окраине села возле торчащего из-под снега пня. У нас были 4 коробки по три диска в каждой. Я прижал плотнее к плечу приклад пулемета, по команде нажал спусковой крючок и уже через прорезь прицела увидел, как заметались по дороге черные фигурки, как поползли они по снежным насыпям, зарываясь в снег. Колонна мигом рассеялась. Но отступить немцам было некуда. Собравшись группами, они бросились в атаку.

Немного левее меня работал пулемет И.С. Поскребышева, второй номер его уже был убит. И.С. Поскребышев один, выдвинувшись вперед, продолжал разить врага. Вскоре и у меня забрали помощника. Я тоже остался один. Израсходовал уже четыре диска. Повернулся, чтобы взять пятый, и в это время почувствовал сильный удар в спину. Он меня, как пушинку, развернул набок. Увидел на своей шинели полосы от следов прошедших вскользь пуль. Из рта пошла кровь, и я упал.

Очнулся на носилках, меня несли по селу. Утепленный конный двор, где лежали наши раненые, уже горел. Появилась санитарная машина. Меня, Овруцкого, Кузьминского и других раненых погрузили и отправили в какое-то село, где в школе размещался лазарет. Он был переполнен ранеными. Нас положили на брезент, разостланный на полу.

Пуля мне попала под левую лопатку, прошла через легкие и застряла в мягких тканях возле ключицы. Удалили ее лишь в 1976 году в Челябинске».

А в Пузачах продолжался бой, и обстановка становилась все более неопределенной. В полночь разведчики доложили, что в тылу бригады со стороны Лобовых Дворов движутся какие-то автомобили с включенными подфарниками. Это могла быть колонна с тыловыми службами мотострелкового батальона. Панов приказал сделать несколько выстрелов, предупреждающих, что между автомобилями и бригадой – немцы. Автомобили вначале остановились, потом вновь двинулись вперед. С их стороны послышалась беспорядочная стрельба. Автомобили опять остановились, подфарники погасли. В.Г. Лебедев направил в сторону колонны автомобилей танк Вершинина с десантниками. Но танк немцы подожгли, экипаж и десантники вернулись. Пробившиеся к штабу брига-

ды несколько солдат рассказали, что тыловые подразделения мотострелкового батальона вместе с помхозом Басом и санитарной машиной попали в засаду. Медсестры Зинаида Терехова и Варвара Крюкина – добровольцы из Кургана, погибли. Комбриг послал на выручку колонны танки Моисеенко.

Автомашины с тыловыми службами по заснеженной дороге двигались медленно, часто буксуя в заледенелых колеях. Военврач Решетов посмотрел на часы. По времени скоро должны быть в Пузачах. Сильно хотелось спать. Закрыв глаза, он представил себе заснеженный трудовой Челябинск, кинотеатр МЮД, где впервые встретил Надю Гончарову, подумал, как нелегко ей сейчас там и почему она так долго не отвечает на письма. Решетов еще не знал о том, что Надя Гончарова записалась на курсы медицинских сестер, окончила их и подала заявление в ГК ВЛКСМ, чтобы ее добровольцем направили в 96-ю танковую бригаду имени Челябинского комсомола. Ее просьбу удовлетворили. Провожая, напутствовали добрыми словами, передавали приветы, наказы землякам добровольцам-танкистам. Но Надя попала не в 96-ю танковую бригаду, а на Ленинградский фронт и там, вытаскивая с поля боя раненого бойца, погибла.

Неожиданно водитель нажал на тормоза и успел шепнуть: «Немцы!». Он увидел их совсем близко от автомобиля и как-то странно, задрожав, свалился набок. У Решетова сразу пропал сон. Он распахнул дверцу, и в этот миг очередь пуль ударила в стекла кабины. Решетову показалось, что его голова рассыпалась на тысячи кусочков. По лицу на ворот шинели потекли теплые ручейки. Кровь застилала глаза. Вывалившись из машины, он сделал несколько шагов и упал. Последняя осознанная мысль его была: «Попали в засаду. Я убит в районе Белгорода». Он не видел, как погиб, защищаясь пистолетом, командир роты Бас, как оставшиеся в живых бойцы отстреливались до последнего патрона.

Немцы стали хозяевами на дороге. Они приступили к осмотру автомашин. В кузове одной из них находилась медсестра Шура Бухрякова (Пашнина), родом из Полетаево, прибывшая в бригаду со вторым набором добровольцев. Когда началась стрельба и колонна остановилась, Шура проснулась.

– Приехали, – невесело пошутил сидевший с ней рядом боец.

Было понятно, куда приехали. Решили машину не покидать и притаиться в кузове. У Шуры на поясе висел пистолет.

– Сумеешь стрелять? – спросил ее боец.

Шуре никогда не приходилось стрелять в людей.

– Пожалуй, нет, – с дрожью в голосе ответила она.

– Давай сюда пистолет, – скомандовал боец, – и спрячься за ящики.

Кто-то схватился за кузов руками и подтянулся. Над машиной появилась голова гитлеровца. Боец выстрелил. Через некоторое время появилась любопытная голова с другого борта. Боец выстрелил второй раз. Голова исчезла. На почерневшем небе как ни в чем не бывало светились звезды.

– Ну сейчас полезут со всех сторон, – не без страха подумала Шура.

Кругом гремели выстрелы. И немцам, вероятно, было трудно понять, почему, от чьей пули трупы падают с машины. Но вот слышались чужие голоса. В кузов полез третий, в капюшоне, из под которого торчала кокарда на пилотке. Шура увидела страшное, заросшее, обмороженное лицо фашиста. Боец выстрелил в упор. И почти сразу же кто-то бросил в кузов гранату. Перед глазами Шуры образовалась черная стена. Очнулась она только в санчасти.

Постепенно бой на дороге затихал. Ярким пламенем горели автомашины. Стонали раненые. Немцы хладнокровно добивали их. Именно от этих выстрелов Г.Д. Решетов пришел в сознание. Увидел приближающихся к нему двух гитлеровцев и притворился убитым. Он лежат в неудобной позе, поджав под себя руки. Сердце стучало так, что перехватывало дыхание. Один из немцев пнул Решетова ногой, выругался на своем языке, снял с него валенки и тут же обул их на себя. «А вдруг он перевернет меня на спину, – думал Г.Д. Решетов, – успею ли я выхватить спрятанный за пазухой пистолет». Но немец достал из бокового кармана его шинели табакерку и зашагал дальше. Выждав некоторое время, Г. Д. Решетов натянул на ноги рукавицы. Скатился в сторону от дороги и пополз.

Утром часовой в конце села Лобовые Дворы заметил едва двигающуюся фигуру в снегу. Шофер «санитарки» Дина Сметанкина (Киреева) подобрала Г.Д. Решетова окровавленного, босого, обмороженного и отправила его на машине в санчасть.

У Пузачей всю ночь не смолкали бои. А утром на рассвете взору челябинцев предстали вражеские колонны, сплошным потокомдвигающиеся по дороге на Кузькино. Артиллеристы и танки бригады встретили их огнем. Вначале удача сопутствовала челябинцам. Снаряды рвались прямо в колоннах врага, нанося ему большой урон. Но враг смыкал свои ряды и, поливая свинцом защитников Пузачей, шел напролом. Получил ранение и вышел из боя командир танкового батальона Янкевич. Командование батальоном принял на себя Щеглов. Заклинило башни вначале у одного танка, затем у другого. Заканчивалось горючее. Танкисты Алексей Коврига и Павел Рябчик, командир отделения связи старшина Шангин, старший сержант Василий Кряжев, красноармеец Мефодий Матковский перетаскивали оставшиеся в танках снаряды к батарее и вместе с артиллеристами продолжали бой.

Первым погиб командир орудия Павел Шпак. За ним упали сраженные автоматной очередью заряжающий Федор Худушин и санинструктор Николай Филиппов. К орудию встали сам командир батареи капитан Панов и лейтенант А. Комков. Подносчики подавали снаряды с пулевой и стержневой картечью. Эти снаряды при помощи дистанционного устройства взрывались на заданном расстоянии и буквально косили противника. Немцы же, вероятно, решив сковать силы бригады в районе Пузачей, чтоб вывести основные силы к железной дороге, усиливали свой натиск. Замполит батареи Олимпиев, перебегая от одного орудия к другому, попал под огонь и был перерезан пулеметной очередью.

– Напишите родным! – только и успел он крикнуть товарищам.

Командира взвода Якова Полтораднева тяжелораненым успели отправить в Пузачанские дворики. Другой командир взвода лейтенант Павел Кичев, получив ранение в грудь, отправиться в санчасть отказался.

– Умирать буду вместе с вами, ребята, – решил он.

Экономя снаряды, сержант Гомырев старательно, не торопясь, наводил свое орудие по скоплениям противника и бил наверняка. Но и его достала вражеская пуля. Упал, как подкошенный, Алексей Комков, чем-то тяжелым его ударило по ногам. Перевязать раны ему было нечем, все бинты уже давно использовали. Перевязали ему левую ногу полотенцем, чтоб хотя бы как-то остановить кровотечение. Кто-то из танкистов и шофер второго орудия пота-

щили его на плащ-палатке, но уже через несколько десятков метров шофер тоже получил ранение. Тащить А. Комкова стало не под силу. И тогда танкист решил вначале сопроводить шофера в Лобовые Дворы и вернуться обратно с салазками. Село же это оказалось занято немцами, и оба солдата погибли. А. Комков лежал в снегу и медленно замерзал. Ночью нашел его санинструктор минометной роты, перетащил в овраг, сходил в Лобовые Дворы, которые вновь были освобождены, и вернулся с помощниками. Обмороженного, потерявшего много крови, А. Комкова доставили в полевой госпиталь села Дмитровка, где его вернули к жизни, но ногу ему пришлось ампутировать.

Положение в районе Пузачей осложнялось. Горели крайние хаты, где вчера располагались танкисты и автоматчики. Горели танки. Немцы обходили батарею с флангов. К концу дня в батарее осталось исправным лишь одно орудие. Кончились снаряды. Артиллеристы капитана Панова и старшего лейтенанта Кабанова отбивались от нападающего противника стрелковым оружием, и все погибли в неравном бою.

На окраине села целые сутки сдерживали наступление врага разведчики лейтенанта Куща и тоже несли потери. Один за другим погибли Сотников, Крашенинников, Бренер, погиб и лейтенант Кущ.

Немцы, захватившие один из домов, установили в окне пулемет и вели из него губительный огонь. Уничтожить пулемет поручили лейтенанту Уткину – бывшему жожаку кусинской комсомолки, он взял с собой пять бойцов, через глубокий снег провел свою группу по оврагу и зашел во фланг дома, где засели немцы. Сам, пробравшись через ограду палисадника, метнул в окно гранату. Одновременно бойцы открыли огонь по этому и близлежащим домам. Из соседней избы с поднятыми руками вышли пятеро закутанных в теплые женские платки солдат противника. Уткин проверил место, где стоял пулемет, убедился, что расчет уничтожен, пулемет поврежден.

На противоположной окраине Пузачей немцы, перебегая от дома к дому, продвигались в направлении центра села. Их пулемет, установленный возле колодца, держал под обстрелом всю улицу. Сержант Сергей Киселев со своим отделением огородами зашел немцам в тыл. Уничтожил пулеметный расчет, захватил пулемет и открыл из него огонь по противнику.

Там, где находился лазарет, размещавшийся в конюшнях, теперь тлели последние головешки, черный дым столбом поднимался над селением. Обороняли лазарет санитары и политработники. Спасти раненых не удалось. От разорвавшихся мин загорелась соломенная кровля конюшни. Помощник начальника политотдела по комсомолу И.А. Бабкин и политрук взвода разведки Казинец поднялась на крышу и с помощью длинных жердей пытались столкнуть вниз горящую солому, но были оба поражены противником. Казинец раненым скатился вниз и упал в снег, а И. А. Бабкин дополз до сарая и на руках товарищей умер. Спасая раненых, погибли Аня Суханова, девушка из авиагородка, и Варя Карюкина. Пытался прийти на помощь раненым парторг мотострелкового батальона старший лейтенант Владимир Колсанов. Но пуля пробила его грудь. Он упал, вытащил из кобуры пистолет, пополз вперед. Вторая пуля попала ему в голову. После войны жители села Пузачи вносили предложение переименовать свое село в село Бабкино. А в Челябинске возле Дворца культуры имени Коллющенко В. Колсанову был поставлен памятный монумент.

Единственный оставшийся на ходу танк Щеглова с надписью на башне «За Родину» носился по Пузачам, помогая своим огнем сдерживать противника на более напряженных участках обороны. Боезапас экипаж пополнял путем перегрузки снарядов из подбитых танков, сливал из их баков горючее и снова шел в бой, пока не бросил кто-то из фашистов под его гусеницу гранату. Механик-водитель Р. Копсергенов через нижний люк выбрался наружу, под огнем противника сумел устранить неисправность, удалив разбитый каток, и вновь бросил свой танк на врага. Но поскольку левая гусеница стала короче, танк двигался теперь по кругу. Товарищи называли его маршрут «огненными кругами». Лишь когда закончилось горючее, танк Щеглова остановился, но продолжал обстреливать врага из пулемета с места.

Более суток находился в окружении дом, в котором располагался штаб бригады. Комбриг В.Г. Лебедев, замполит И. Ф. Захаренко, начальник политотдела В.В. Кропотов, помощник комбрига по технической части Н.Н. Соловьев, начальник связи Галактионов, то есть весь комсостав бригады, с автоматами и винтовками залегли вместе с бойцами в цепь.

Ночью комбриг принял решение, спасая знамя части, пробиваться к своим. Прикрываемые танком Щеглова, уходили в громы-

хающую ночь командиры и бойцы. Упал смертельно раненный полковник Н.Н. Соловьев, погиб отважный разведчик Михаил Мережников, погибли раненые, погибли многие добровольцы бригады, но знамя части было спасено.

Разведчик Н. И. Цыганов, вспоминая об этом бое, свидетельствовал: «Стреляя на ходу из автоматов, мы бросились в последнюю атаку на врага. Многие челябинские комсомольцы погибли в ту ночь, а нашей группе в количестве 34 человек удалось вырваться к своим».

Вместе с Н.И. Цыгановым в бою участвовал воспитанник бригады 12-летний Сережа Батищев. Он пристал к бригаде, когда челябинцы вели бои в районе села Каменки Воронежской области. Немцы разрушили его хату, убили мать и отца. Он был полон решимости отомстить за них. Бабушка вначале не хотела его отпускать к танкистам. Но, учитывая настойчивость Сережи и узнав, что танковая бригада-то комсомольская, сама привела внука к комиссару И.Ф. Захаренко. Из Сережи получился замечательный разведчик. Он легко проникал в села, занятые оккупантами, под предлогом поиска теленка или обмена картошки на хлеб и собирал ценные сведения о противнике. В бою под Пузачами, когда гибли люди, его опекал Н.И. Цыганов. Вместе они отстреливались, спасая знамя, вместе вышли к своим и вместе были награждены орденами Красной Звезды.

Позднее, после освобождения Белгорода, согласно приказу И. В. Сталина Н.И. Цыганов как железнодорожник по гражданской специальности подлежал отправке в тыл, в город Троицк, для работы на железной дороге. Уезжая, он взял мальчика с собой. В Троицке Сергей Батищев выучился на авиамеханика. После войны работал в Воронеже на авиационном заводе. Стал кавалером ордена Ленина.

Ну а в Пузачах в ту решающую ночь он показал себя настоящим, уже сформировавшимся солдатом. После прорыва знаменной группы утром к танку Щеглова подошли части стрелковой дивизии.

– Где здесь 96-я танковая бригада? – спросил командир пехоты.

– А мы вот и есть девяносто шестая, – ответил Щеглов, – дайте нам горючее, и мы пойдем с вами.

Вскоре из тыла прибыли два танка и автоцистерна с горючим. Заправив баки соляркой, восстановив поврежденную гусеницу, танк Щеглова вновь двинулся в бой.

Оставшийся в живых комсорг танкового батальона Александр Каланов вспоминал: «После боев под Пузачами, когда стало возможным полностью разобраться в обстановке, выяснилось, что немцы окружили нашу бригаду в районе села, а подошедшая стрелковая дивизия окружила немцев, и получился огненный слойный пирог, в котором, по подсчетам председателя местного колхоза, производившего уборку и захоронение трупов, только в Пузачах нашли свой конец 5328 гитлеровцев, еще 3251 – сдались в плен».

О храбрости и стойкости, проявленных в бою танкистами и мотострелками 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола, отмечалось в приказе № 5 по 38-й армии 13 февраля 1943 года: «Личный состав 96-й танковой бригады в боях 9, 10, 11 февраля в районе Мантурово – Пузачи показал мужество, отвагу и героизм. Красноармейцы, командиры и политработники били врага, как истинные русские люди, как верные сыны великого советского народа.

Приказываю

1. Объявить благодарность красноармейцам, командирам и политработникам 96-й танковой бригады.

2. Командиру бригады генерал-майору Лебедеву В. Г. отличившихся в боях наградить правительственными наградами.

Командующий 38-й армии генерал-лейтенант Чибисов, член военного совета генерал-майор Воронин».

Окончательные итоги Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций были подведены в приказе И. В. Сталина, № 95 23 февраля 1943 года, в котором Верховный главнокомандующий констатировал: «Нельзя считать случайностью тот факт, что командование Красной армии не только освобождает от врага советскую землю, но и не выпускает врага живым с нашей земли, осуществляя такие серьезные операции по окружению и ликвидации вражеских армий, которые могут послужить образцом военного искусства».

В результате Воронежско-Касторненской операции советские войска разгромили крупную группировку немецко-фашистских войск, ликвидировали так называемый Воронежский выступ врага и получили возможность развивать наступление на белго-

родско-харьковском направлении, которое завершилось освобождением Белгорода 9 февраля и Харькова 16 февраля 1943 года.

НА ХАРЬКОВСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола после тяжелых боев в районе Мантурово–Пузачи залечивала раны, получив взамен выбитых новые танки вместе с экипажами. Командиром батареи комбриг назначил молодого, смелого и энергичного лейтенанта Мансура Галина. На место павших прибывали новые бойцы. Вернулся из госпиталя с рукой на перевязи и с пулей, застрявшей где-то под ключицей, С.В. Казанцев. «Я боялся, что бригада уйдет вперед и меня определят в другую часть, – вспоминал он, – поэтому выпросился досрочно. В Обояни нашел свой батальон. Врач осмотрел мою рану и говорит комбату:

– Пусть он у вас в штабе недели две дурака поваляет.

И я дежурил у телефона, выполнял мелкие поручения».

В начале весны под Харьковом создавалась напряженная обстановка, поэтому 12 марта бригаду срочно перебросили в село Красное восточнее Белгорода. 14 марта немцы вновь захватили Харьков и повели наступление на Белгород. Два танковых батальона челябинской бригады вечером атаковали противника в районе села Борисовка. Всю ночь длился бой. Горели дома, танки, земля. Поднимался густой едкий дым. Танк командира роты И. Е. Беленицкого, преодолев зону сплошного огня и дыма, оказался прямо перед немецкой самоходкой. Выстрел! И самоходка, словно споткнувшись, остановилась, в борту ее зачернело отверстие. Заряжающий дослал очередной бронебойный снаряд и прокричал: «Готово!». В это время через телескопический прицел И. Е. Беленицкий увидел, как ствол пушки немецкого танка словно подкрадывается к его машине. Почти интуитивно он установил новый прицел. Действовал молниеносно. Но вражеский ствол уже смотрел на него. Успеть бы... От волнения перехватило дыхание. Наконец угольник прицела установился под башню танка противника. Нажата педаль спуска. И башня с белым крестом отлетает в сторону, а на ее месте поднимается шлейф черного дыма. Снаряды рвутся на броне и вблизи машины Беленицкого. «По нам бьют прицельно. Но откуда?» – мгновенно промелькнула мысль командира.

– Слева между подбитой самоходкой и сараем немецкий танк,
– кричит механик-водитель.

– Вижу! Вперед, на сближение!

Но в это время танк сильно трянуло и он завертелся на месте. Перебита гусеница. И. Е. Беленицкий ловит в прицел притаившийся в засаде «Т-III», нажимает педаль спуска. По броне вражеского танка белой молнией просверкала полоса искр.

– Снаряд! – командует командир.

Второй выстрел, и «Т-III» окутывается буро-рыжим пламенем. «Теперь как-то нужно исправить гусеницу», – успел подумать И. Е. Беленицкий. Но второй удар потряс машину, затем третий. Из моторной части вырвались языки пламени.

На помощь командиру пытался прорваться танк лейтенанта Ф. П. Бобкова. Он действовал решительно и дерзко, поразил в этом бою три немецких танка и до взвода пехоты, но был тоже подожжен. Сняв пулемет, экипаж Ф. П. Бобкова под прикрытием темноты сумел пробиться к своим.

«Здесь, на харьковском направлении, – вспоминал С. В. Казанцев, – мне пришлось стать свидетелем паники, охватившей солдат, которые выходили из окружения. Мы подошли к ним уже в погонах, а у них еще многие носили в петлицах кубики, шпалы и т.д. Люди от страха потеряли над собой контроль, лихорадочно срывали с обмундирования свои знаки различия, командиры сжигали документы.

– Да какая тебе оборона? – возразил мне уже немолодой солдат.

– Кто вздумает отступать, расстреляю, как последнюю сволочь! – вдруг услышал я зычный голос появившегося откуда-то солидного роста генерала.

– Вероятно, чтобы прикрыть отход войск и бросили сюда нашу бригаду, – подумал я. Комбриг Лебедев послал вперед первый танковый батальон. А немцы встретили его, применив здесь новые тяжелые танки типа «тигр». Их пушки поражали «тридцатьчетверки» с дистанции 2000 метров¹, а пушка «Т-34» брала броню «тигра» только с расстояния менее 800 метров. Немецкие танки, заняв позиции на возвышенности, подпускали «тридцатьчетверки» на дистанцию 900 метров и спокойно, как в тире, расстреливали их. Лебедев бросил в атаку второй батальон. Результат оказался таким же. Все поле покрылось разбитыми и горящими машинами.

Гибель танкистов, конечно же, была не напрасной, они задержали врага и тем самым спасли жизни тысячам солдат и командиров пехоты и других родов войск, вышедших из окружения. И все же много лет спустя, когда стали мы все пенсионерами, я спросил Лебедева:

– Виктор Григорьевич, почему вы в том бою посылали батальоны на верную смерть? Разве не было другого пути?

На что он мне ответил:

– Если бы я этого тогда не сделал, меня немедленно отдали бы под трибунал».

После тяжелых боев на харьковском направлении бригада сосредоточилась на южной окраине села Короча. Оставшиеся неповрежденными танки «Т-34» и более половины мотострелков были переданы вновь прибывшим в район боев воинским частям. Остальные подразделения бригады отбыли в указанном направлении и рассредоточились в районе села Бехтеевка для отдыха, пополнения и боевой подготовки. И только в конце апреля бригада вновь была выведена на рубежи обороны в район Дальней Игуменки, совхоза «Главплодоовощ», хутора Постникова и для удобства управления и маскировки разделена на четыре эшелона. Первый эшелон возглавил командир танкового батальона майор А. Ф. Щеглов, второй эшелон – командир танкового батальона капитан Н.И. Кульков, третий эшелон – капитан Волков, четвертый эшелон – капитан В. К. Склянский. Артиллерийская батарея М. Галина укрылась среди деревьев зеленого сада близ небольшого, заросшего осокой озера. Вдали виднелась голубая извилистая лента реки, а за ней – разрушенный фашистами Белгород, оказавшийся с 18 марта вновь под пятой врага.

Весь май танкисты, мотострелки и артиллеристы занимались боевой учебой. На переднем крае в то время лишь изредка наблюдалась перестрелка, усиленно проводилась с обеих сторон разведка. 4 июня рота старшего лейтенанта Летавина в составе пяти танков «Т-34», при взаимодействии с двумя ротами 1241-го стрелкового полка, атаковала противника, сосредоточившегося в роще Круглая и, успешно проведя разведку боем, уничтожила самоходную пушку, до взвода солдат, захватила пленных. Через сутки, 5 июня, группа разведчиков, возвращаясь ночью с задания, обнаружила у переднего края три немецких танка и человек десять солдат, которые остановились и проделывали проход в заминированном ограждении из колючей проволоки. Понаблюдали немного за

ними. Поняли, что это вражеские разведчики идут к нам в тыл. Комвзвода приказал сержанту Б.П. Гредюшко предупредить об этом командира пехотной роты, располагавшейся на высоте.

«Я добрался до траншеи на высоте, – вспоминал Б.П. Гредюшко, – нашел командира роты, доложил, что идут немецкие танки.

– Где танки?

Я ему показал. Командир роты сам взял противотанковое ружье. Прицелился. Но вдруг глухой удар, напоминавший звук удара по футбольному мячу, и тело командира с оторванной головой рухнуло на дно окопа. Я побежал по траншее к расчету ПТР с криком: «Идут немецкие танки!». Расчеты ПТР, услышав мое сообщение, хватают свои ружья и бегут прочь.

– Назад! – уже командую им я.

Пришлось покривить душой сказать им, что меня послал начальник штаба бронетанковой дивизии и что наши танки уже идут сюда. Пэтээровцы вернулись. А танки уже возле траншей. Я осмелел, увидел в окопе нишу с припасенными в ней бутылками с горючей смесью, схватил одну бутылку. Выглянул из окопа. Танки совсем близко, верхний люк одного из них открыт. Почему? Не знаю, может быть, немцы хотели пострелять из автоматов, а может быть, по какой-то другой причине. Я с расстояния метров 14 швырнул бутылку, целясь в люк. Когда, отбежав по траншее в сторону, я выглянул из окопа вновь, то увидел, что танк стоит, а из его открытого люка поднимается столб дыма. Слева и справа хлопали ПТР. На высоте заработал «максим». Вылазка вражеской разведки была отбита. А потом до конца июня установилось относительное затишье. Затишье перед сражением, вошедшем в историю Великой Отечественной войны под названием битвы на Орловско-Курской дуге, на южном фланге которой встала на пути врага 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола».

БИТВА НА ОРЛОВСКО-КУРСКОЙ ДУГЕ

К наступательной операции на Курском выступе под условным названием «Цитадель» германское командование начало готовиться еще весной 1943 года, уделяло особое внимание сосредоточению танковых соединений и авиации. «Ни одно наступление не было так тщательно подготовлено, как это», – признавал быв-

ший начальник штаба 48-го немецкого танкового корпуса генерал Ф. Меллентин.

О том, какое значение придавала Германия предстоящему наступлению, видно из приказа Гитлера по офицерскому составу:

«Мои командиры! Я отдал приказ о первой наступательной операции этого года... На вас и подчиненных вам солдат возложена задача добиться во что бы то ни стало ее успешного проведения... Армии, предназначенные для наступления, оснащены всеми видами вооружения, которые оказались в состоянии создать немецкий изобретательный дух и немецкая техника. Численность личного состава поднята до высшего возможного у нас предела... Однако вы сами должны знать, что именно успех этой первой великой битвы 1943 года решит больше, чем какая-либо обыкновенная победа.

Адольф Гитлер

Этот приказ уничтожить после оглашения в штабах дивизий».

Готовя наступление, гитлеровцы возлагали большие надежды на применение новых тяжелых танков типа «тигр» и «пантера», рассчитывая мощью новой техники деморализовать советского солдата, подавить в нем волю к сопротивлению.

Вражеские машины были впечатляющими, «тигр» (Т-VI), например, весил 56 тонн, имел лобовую броню более 100 мм, бортовую – 80 мм, был вооружен 88-миллиметровой пушкой, способной поражать советские танки «Т-34» с расстояния до двух километров. Помимо пушки, имелись два пулемета. Экипаж составляли пять человек. Но большой вес «тигра» ограничивал его подвижность и маневренность, особенно в условиях бездорожья. На ровном гладком шоссе его скорость не превышала 40 км/час. «Броня, хотя и толстая, по качеству значительно уступала советской. Не вполне надежной была и ходовая часть».

Учитывая все это, советское командование готовилось встретить врага, предполагая вначале измотать его в оборонительных боях, а затем перейти в наступление. Исходя из этого замысла, строилась оборона. Во втором эшелоне, в 30–50 километрах от переднего края, занимали исходные позиции крупные войсковые соединения и объединения, танковые армии и отдельные танковые корпуса, в них сосредоточивалась половина танков, которые имел фронт. Другая половина танков находилась в первом эшелоне в виде отдельных танковых полков, полков самоходной артиллерии

и отдельных танковых бригад, приданных общевойсковым армиям, корпусам, дивизиям и являвшихся их подвижным резервом. Одной из таких бригад на белгородском направлении была 96-я бригада имени Челябинского комсомола.

На рассвете 5 июля передовая линия фронта огласилась грохотом артиллерийской канонады. Вдали, за лесом засверкали вспышки множества разрывов, сливаясь в сплошное багровое зарево. Это был упреждающий удар советской артиллерии по изготовившемуся к наступлению врагу. Лишь через полтора – два часа после него противник ответил своей артподготовкой. В воздухе появились армады его самолетов. Немцы пошли в наступление. Танковые корпуса врага наступали по трем направлениям: из района северо-западнее Томаровки на Черкасское–Обоянь, из района севернее Томаровки на Грезное и из района Белгорода на Корочу, где держала оборону рота челябинцев лейтенанта Моисеева, укомплектованная молодыми танкистами, еще ни разу не бывавшими в боях. Новички комсомольской бригады, отбив несколько следовавших одна за другой атак немецких танков и пехоты, проявили не только мужество, но и завидное умение разумно вести бой, прикрываясь складками местности, маневрируя, стреляя на ходу и с места, они поразили три танка, до взвода пехоты и отбросили противника. Убедившись, что у села Беломестное ему не пройти, враг перенес свой удар в направлении сел Вислое и Терновка. Рота же Моисеева в этом бою потерь не имела.

«Насколько я помню, – рассказывал С.В. Казанцев, – 96-я танковая бригада накануне Курской битвы насчитывала в своем составе более 1000 человек. Это два танковых батальона (228-й и 331-й), противотанковая батарея, мотострелковый батальон, состоявший из танкодесантной роты, стрелковой роты, пулеметной роты, минометной роты, роты ПТР. Кроме того, в бригаде имелись: взвод связи, взвод разведки, взвод саперов, санчасть и хозвзвод, в центре внимания которого всегда были дядя Миша-сапожник и повариха, любовно именуемая бойцами Клавкой. Располагались мы за рощей Круглая, в районе Дальней Игуменки, здесь же находился штаб бригады. Позади окопов на опушке, среди густого кустарника, стояла батарея гаубиц дореволюционного образца с короткими стволами, на деревянных колесах, обитых металлическими ободами. Но калибр у них был здоровый, миллиметров 150, стреляли они километров на шесть. В роще, замаскировавшись, стояли танков пятьдесят, готовых к бою.

По соседству с нами размещался тяжелый полк самоходной артиллерии. Вечером заместитель по политической части этого полка собрал своих самоходчиков, пригласил подойти нашу роту и произнес такие слова: «Ребята, завтра половина нас не будет в живых, но учтите, что позади нас никого нет. На подходе части шестой гвардейской армии, но где они сейчас, я не знаю».

Рано утром 5 июля, когда еще не показалось из-за горизонта солнце, всем раздали дополнительные боекомплекты и ударила наша артиллерия. Она била по всему фронту. Как говорили нам командиры, на каждый километр фронта приходилось по 150 орудий. Упреждающий артналет длился минут 30. А потом наступила тишина, да такая, что было слышно, как шумит листва на деревьях. Со стороны противника – ни одного выстрела. В этот день мне исполнилось 18 лет. Ребята знали, что у меня день рождения, и шутили:

– Ну что, Славка, как ты думаешь, немцы сделают тебе подарок, пойдут сегодня в атаку или нет?

И они пошли. Заговорила их артиллерия. Налетело множество самолетов. И двинулись танки. Впереди тяжелые, за ними средние, а за танками – пехота из дивизии «Мертвая голова». Гитлеровцы, вооруженные до зубов, подбодренные водкой, одетые в отутюженные мундиры, в пилотках набекрень. Они шли во весь рост и были уверены, что «тигры», идущие впереди, сметут все на своем пути, уничтожат красноармейцев психологически и обратят их в бегство. Но оккупантов встретили наши «тридцатьчетверки» и столкнулись с ними на подступах к Екатериновке. Я в этом бою находился с напарником на танке, где за башней были размещены ящики со снарядами, три ящика по три снаряда в каждом и еще один снаряд, десятый по счету, лежал сверху. Наша задача заключалась в том, чтобы подавать эти 45-килограммовые снаряды через люк экипажу.

На земле и в воздухе все перемешалось. Танки носились по полю, пытались зайти друг другу сбоку и бить противника наверняка. Грохот, дым, смрад и не понять, где наши, а где немцы. На земле валялись не то трупы, не то раненые, кто-то из них шевелился, танки давили их. Я удивляюсь, что мне удалось тогда уцелеть. Оглянулся, вижу идут «тридцатьчетверки» 6-й армии. Сквозь гул в ушах слышу кричат нам через открытые люки: «Спасибо, братишки!». Где они добились немцев, – не знаю. Мы же вышли из боя и

двинулись в направлении хутора Казачий. Но его уже взяли немцы. Свернули вправо. Здесь, на склоне наши саперы устроили противотанковый ров и «огненный вал», представлявший собой полосу примерно длиною с километр наваленных деревьев, а между деревьев были установлены ящики с зажигательной смесью в бутылках. Когда вал подожгли, образовалась сплошная стена огня, пройти которую было невозможно. Мы находились от вала в метрах ста. Когда ветер поворачивал в нашу сторону, от жары становилось трудно дышать».

В официальных публикациях о первом дне Орловско-Курской битвы говорилось: «В районе Быковки в атаках приняли участие одновременно от 100 до 300 танков и штурмовых орудий. Удары врага стойко отражали части 52-й гвардейской и 375-й стрелковой дивизий, а также 230-й танковый полк и 96-я танковая бригада. Огнем с места и контратаками они наносили противнику большой урон в живой силе и боевой технике. Только 96-я танковая бригада уничтожила 17 танков, 9 орудий, до двух батальонов пехоты и 6 автомашин»

Вспоминая о первых днях Курской битвы, Б.П. Гредюшко рассказывал: «Наступление противника было стремительным. Ценой больших потерь удавалось сдерживать его. Но на отдельных участках враг все же вклинился в нашу оборону. Комбриг приказал комвзвода Туманову и мне пробраться в расположение сражающейся в окружении стрелковой дивизии и согласовать с командирами место и время прорыва вражеского кольца с целью оказания поддержки пехоты танками бригады.

Мы стали думать, как выполнить приказ и при этом самим уцелеть. Обратили внимание на проходящий по низине овраг, в котором находились склады боеприпасов. Теперь же боеприпасы с оглушительным треском и грохотом взрывались, но не одновременно, а с некоторым интервалом. Подползли к оврагу ближе. Убедились, что овраг достаточно глубокий, отвесные стенки его не позволяют осколкам разлетаться в разные стороны. Следовательно, решили мы, по кромке оврага, пригнувшись, можно пройти. Так мы и сделали. И этим же путем обратно вывели за собой пехотные подразделения – все те, что остались от стрелковой дивизии. Комбриг оценил наш поступок орденами Красной Звезды».

Особой дерзостью в бою с оккупантами на Курской дуге отличался командир танковой роты старший лейтенант Н. И. Ульянов.

Воспитанник детского дома, он одним из первых прибыл в добровольческую бригаду бравым старшиной и уже в Челябинске зарекомендовал себя непревзойденным мастером вождения тяжелых машин. На марше, при появлении впереди танка препятствий в виде рва, оврага, речушки в правила Н.И. Ульянова не входили поиски объезда. Наоборот, он увеличивал скорость своей машины до предела и как лыжник с трамплина перелетал по воздуху препятствие. Этим приемам он обучал своих подчиненных и требовал исполнения их, подавая по радиации приказ: «Делай, как я!». Однажды ночью, находясь в разведке в районе Александровки, он пристроился в хвост колонны немецких танков и некоторое время сопровождал их, а потом с близкого расстояния расстрелял три последних в колонне танка, свернул с дороги и на предельной скорости скрылся в ночи, за что ему был вручен третий орден Красного Знамени.

А Казанцев С.В. в те дни стал невольным свидетелем необыкновенной ночной встречи. «Во время дневного боя, – рассказывал он, – наша бригада углубилась во вражескую оборону и теперь, опасаясь оказаться в окружении, отходила на исходные позиции. Танки с мотострелками на броне двигались с потушенными фарами по неширокой дороге, на которой с трудом мог разъехаться встречный транспорт. Ночь была темной, как говорят в народе: «Хоть глаза выколи, ничего не видно». Мы сидели за башней и, пряча в рукаве огонек папироски, курили. Неожиданно навстречу нам, словно вынырнула из темноты, примерно такая же по численности танков колонна. И когда ее головной танк поравнялся с нашим, мы так и обомлели. Танки-то оказались немецкие, и на их броне тоже располагалась пехота. Буквально в двух метрах от себя я увидел фашиста. Оцепенев от страха, он смотрел в мою сторону, облокотившись локтем о башню. Я смотрел на него, застыв с папироской в руке. Оба мы, и он и я, боялись шевельнуться и вызвать подозрение друг у друга.

– Продолжай движение как ни в чем не бывало, – услышал я отданную тихим голосом через открытый люк команду командира механику-водителю.

В темноте силуэты немецких танков похожи на «Т-34». Экипажи головных машин приняли их за своих. А когда поняли, что танки-то немецкие, растерялись. Если это немцы, то почему они не стреляют? А может быть, в танках наши экипажи? Немцы, ве-

роятно, рассуждали точно так же. Один выстрел или подозрительное действие с любой стороны могли стать причиной невиданного ночного побоища. Но вот мирно разошлись последние двигающиеся в хвосте колонны танки. Отъехав с километр, наша колонна встала. Подкатил какой-то мотоциклист и сообщил, что немцы тоже остановились.

Горизонт на востоке обозначился светлой полосой, засеребрились первые облака. Начинался новый день Курской битвы».

Двое суток челябинская бригада перебрасывалась с обоянского направления на Корочанское шоссе, преграждая путь танковым клиньям врага. Совершающие планомерный отход войска Красной армии перекатывались через позиции, занятые бригадой, и закреплялись на новых, заранее подготовленных рубежах. Бригада же после непродолжительных огневых столкновений снималась и тоже отходила на новые позиции, которые с каждым разом оказывались все дальше в глубине обороны.

Возвратившийся на батарею от комбрига М. Галин, стоя на подножке тягача, прокричал:

– В Дальнюю Игуменку всем марш! Задача на месте.

На марше выяснилось, что немцы двигаются в направлении Мелихова. Их танки скопились у заминированного противотанкового рва. М. Галин расставил свои четыре пушки вдоль дороги и открыл по танкам огонь. Противник ответил огнем танковых орудий. От каждого выстрела пушки Галина, упиравшиеся станинами в земляной откос, словно подпрыгивали, поднимая клубы пыли. И пока пыль рассеивалась, артиллеристы перекатывали орудия на новые позиции.

Задымился один танк, у другого возникли проблемы с ходовой частью. И только «тигры» стояли на месте. 76-миллиметровые бронебойные снаряды рикошетом отскакивали от их лобовой брони, оставляя за собой лишь огненный след. Но вот танки начали пятиться назад к узкому проходу, подставляя под огонь свои борта. Батарейцы не замедлили этим воспользоваться. После яркой вспышки разорвавшегося снаряда по середине гусеницы один «тигр» остановился, задымил, открылись его верхние люки, танкисты быстро покидали машину.

Враг тоже не снижал интенсивность огня. Батарея М. Галина несла потери. Появились раненые. У одного орудия снесло пано-

раму, искорежило щит. Сержант Золотин, забравшись под тягач, пытался отремонтировать перебитый передний карданный вал, готовясь на случай отступления. И в это время с лязгом и грохотом появились танки бригады. Комбат Кульков, откинув люк и высунувшись по пояс, прокричал М. Галину:

– Миша! Где они?

Артиллеристы с облегчением вздохнули. Танки без труда преодолели бруствер и, ведя огонь, устремились на врага. «Тигры» отходили задом, прикрываясь лобовой броней. В расположении батареи появился комбриг Лебедев. Возле еще не остывших от прошедшего боя орудий он вручил ордена Красной Звезды М. Галину, командиру 3-го орудия Бодакову и наводчику Ерофееву.

На землю опустились сумерки. В воздух взлетела одна осветительная ракета, за ней – другая. Где-то далеко на флангах полыхали пожары. Затихал шум боя. На рассвете 96-я танковая бригада получила приказ без промедления выйти к шоссе Белгород–Обоянь и задержать продвижение по нему противника. Положение там сильно осложнилось. Вражеская танковая колонна, прорвавшись через огонь 76-миллиметровых орудий, неожиданно изменила направление и взяла курс на Ломово. Ей навстречу выдвинулась батарея 120-миллиметровых пушек. Но артиллеристы даже не успели изготовиться к стрельбе, как были смяты лавиной танков. Противник выходил на оперативный простор, когда путь ему преградила 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола. Вспоминая об этом периоде боев, Б. П. Гредюшко рассказывал: «Мы, группа разведчиков, находились на возвышенности. С высоты хорошо были видны дорога и прилегающая к ней березовая роща. Мы знали, что в роще находится другая наша группа разведчиков в составе сержантов Харламова, Холодилова, Благовещенского, Антонюка во главе со старшим сержантом Андреем Брюховецким.

Показались немецкие танки. Они быстро продвигались по дороге. Мы насчитали их 20 штук. По радиации передали: «Встречайте 20 гостей». Танки прошли мимо рощи, миновали село Ломово. За танками по извилистой, то поднимающейся в гору, то опускающейся вниз дороге шла пехота противника. Между танками и пехотой немецкая лошадка-тяжеловоз тянула телегу, груженную минометом и двумя ящиками мин к нему. Когда лошадка поравнялась с рощей, то мы увидели, как из рощи выскочили наши развед-

чики и захватили повозку. Игорь Благовещенский, ранее служивший в минометной батарее, быстро снял с повозки миномет, установил его для стрельбы, и разведчики открыли минометный огонь по пехоте. В ее рядах началось замешательство. Дорога сразу опустела, слышались выстрелы, в результате чего у вражеской пехоты произошла на дороге незапланированная задержка. А в это время батальоны нашей бригады и противотанкисты других частей встретили «гостей» и уничтожили прорвавшиеся немецкие танки.

В этот же день рота челябинских танков выбила противника из села Вислое и заняла оборону. Подошедшие сюда артиллеристы установили свои орудия повзводно на возвышенности за селом. М. Галин оборудовал свой наблюдательный пункт в куполе церкви. Немцы себя долго ждать не заставили. Не прошло и часа, как показались их танки, с укрывавшимися за ними солдатами пехоты. Артиллеристы встретили противника огнем. Начавшийся бой продолжался до конца дня. Немцы несколько раз отходили назад, перегруппировавшись, вновь бросались в атаку, с каждым разом все ближе и ближе подходили к селению. За их двойной цепью в ложине появились и стали разворачиваться орудия, подходили автомашины с пехотой. Двумя колоннами противник стал обходить Вислое слева и справа.

– Пора! – подумал про себя М. Галин и отдал команду, – шрапнелью, взрыватель на картечь, огонь!

С новой силой заговорили орудия. С наблюдательного пункта было хорошо видно, как картечь, оставляя за собой мутную поволоку, буквально выкашивала ряды наступающих. Застрочили пулеметы, это водители тягачей пришли на помощь артиллеристам. Из-за крайних домов селения появились танки Щеглова и, не сбавляя скорость, ринулись на цепи наступающего противника. В ложине атаковали захваченную врасплох вражескую батарею. Расстреливали ее прислугу из пулеметов, давили гусеницами. Оставшиеся в живых гитлеровцы бежали, хватались за борта уходивших машин, срывались, падали в покрытый пылью бурьян. Разгром врага был полным.

Убедившись, что село Вислое взять невозможно, противник принял решение обойти его.

Вечером комбриг В. Г. Лебедев, выслушав доклад офицеров, отдал приказ:

– Срочно готовиться к маршу, бригада под угрозой окружения.

Всю ночь шли челябинцы почти по бездорожью. Танки группами отклонялись от маршрута то вправо, то влево, с их стороны слышались выстрелы, гремел шум боя, а колонна неумолимо двигалась вперед. Там, где батареи преграждали путь канавы или заболоченные участки, их закладывали ящиками со снарядами. Преодолевали трудный участок и опять грузили ящики. Перед рассветом вышли к траншеям, занятым нашей пехотой. Вначале какой-то солдат показывал проходы в минных полях. Потом впереди колонны появился «виллис» и повел бригаду за собой, преодолевая первую линию обороны, затем вторую и третью. Повсюду возле орудий, минометов хлопотали солдаты. На высотах просматривались вкопанные в землю танки.

«Костяк бригады вышел за Прохоровку, куда стали сосредотачиваться силы прикрытия и отбившиеся от общей колонны подразделения. Штаб бригады, противотанкисты и зенитчики расположились в рощице у небольшого села с двумя рядами аккуратных белых мазанок. На пригорке возвышалась церквушка с позолоченными куполами. А неподалеку от нее под ярко-зеленой крышей стояла одноэтажная школа. Кругом простирались необъятные, слегка всхолмленные зеленые поля с цветущими под голубым небом садами. Никто из нас даже подумать не мог, что через несколько дней эти среднерусские красоты превратятся в обугленные, изрытые снарядами степи с островами печей сгоревших селений».

«Гитлеровское командование рассчитывало совершить марш до Курска за два дня. На исходе был уже седьмой день, а немецкие войска преодолели лишь три десятка километров. К 10–11 июля, встретив упорное сопротивление советских войск по всему фронту, противник обратил внимание на наметившийся некоторый успех в районе Прохоровки и немедленно перенес сюда направление главного удара, используя наиболее подготовленные танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх» и другие, планируя «прорвать оборону на участке совхозов «Комсомолец», «Красный Октябрь», овладеть железнодорожной станцией Прохоровкой и в дальнейшем развивать наступление на Курск, минуя Обоянь». Прорвавшись в районе Яковлевки, противник наступал вдоль насыпи железной дороги к станции Прохоровка. Навстречу ему была брошена из резерва 5-я гвардейская танковая армия генерала П. А. Ротмистрова.

Две лавины бронированных машин встретились на прохоровском плацдарме. Немцы выдвинули вперед тяжелые танки («тигры» и «пантеры»). Но советские «тридцатьчетверки» так стремительно сблизилась с противником, что «тигры» успели сделать лишь по несколько выстрелов.

«Танковые бригады 18-го и 22-го танковых корпусов на полном ходу врезались в боевые порядки танков противника, как бы пронизывая боевые порядки врага». Одновременно обе стороны выделили часть танков для маневра с целью зайти друг другу во фланги и с тыла. На равнине, зажатой с одной стороны рекой Псел, а с другой железнодорожной насыпью, закипел бой.

«Тяжелые немецкие танки в ближнем бою потеряли свои преимущества. «Тридцатьчетверки» с короткой дистанции успешно расстреливали их... с обеих сторон действовало на этом направлении до 1500 танков (по другим данным 1200. – *Авт.*), поддержанных большим количеством авиации и артиллерии. Это грандиозное танковое сражение характеризовалось частым и резким изменением хода событий на различных направлениях, активностью, решительностью и большим разнообразием боевых действий. На одних участках велись встречные бои, на других – оборонительные действия, на третьих – наступление с одновременным отражением вражеских атак».

С наблюдательного пункта П.А. Ротмистрова хорошо просматривалось, как «вырвавшемуся вперед «тигру» удалось раздавить полковую пушку. Снаряд «Т-34» повредил ему гусеницу. Он остановился на полуобороте, подставил свой борт.

Последовал второй выстрел. В борту зачернела дыра, из «тигра» повалил черный дым. От третьего выстрела он вспыхнул».

Бой шел на земле и в воздухе. Над полем боя находилось столько самолетов, что зенитчики перестали вести огонь, опасаясь поразить своих летчиков. Порой бомбардировщики взрывались прямо в воздухе. Ключья дюралюминия, барражируя, падали на землю.

В это время 3-й танковый корпус противника потеснил части 69-й армии на север и создал угрозу левому флангу и тылу 5-й гвардейской армии. В связи с этим П.А. Ротмистров по радиации передал приказ генералу Труфанову начать наступление на Шляхово, Мелехово, Хохлово, Дальняя Игуменка. Сводный отряд Труфанова, с которым взаимодействовала 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола, с ходу развернулся и при поддержке

огня гаубично-артиллерийского полка вышел навстречу наступающему противнику. О накале боев на этом участке Прохоровского сражения рассказывает С. В. Казанцев:

«Нас было трое десантников на броне танка: я, Смирнов и Долганов. От грохота боя все мы полуоглохли, у нас помутнело сознание, а окутавший поле боя дым мешал определить, что делается вокруг. По танку барабанили и щелкали не то осколки, не то пули. Мы прятались от них за башней. Вдруг танк остановился. Два моих товарища спрыгнули на землю. Открылся люк на башне, из него выскочил командир танка Давыдов, успев крикнуть:

– Горим! Прыгай!

И, сраженный автоматной очередью, он свалился под гусеницы. Я заметил стрелявшего, метнул в его сторону гранату и спрыгнул на землю. Здесь уже шла рукопашная. Раненый механик-водитель пытался покинуть горящую и дымящую машину. Я вытащил его. И в это время на меня набросился фашист. Прикрываясь, я успел вытащить нож. Но немец опередил меня и нанес сильнейший удар в лоб, перед глазами забегали чертики. Но, изловчившись, я нанес ему ответный удар ножом. Он сразу же обмяк, схватился обеими руками за живот и упал на колени.

– Отходим! – услышал я голос своего комбата Руссола.

Схватив механика-водителя под мышки, поволок его в сторону. На наше счастье к нам на помощь подошли два танка из 2-го батальона.

После этого боя я вновь попал в санчасть, так как левая рука перестала слушаться. Врачи удалили из предплечья три маленьких осколка и 23 июля вернули меня в строй».

«В 18 часов 12 июля 53-й гвардейский танковый полк во взаимодействии с 96-й танковой бригадой 69-й армии атаковал гитлеровцев. Удар был встречен огнем танков, артиллерии и налетом авиации... С наступлением темноты подразделения 92-й гвардейской стрелковой дивизии вместе с 96-й танковой бригадой закрепили за собой Александровку. Так протекало и завершилось встречное танковое сражение под Прохоровкой».

Бывший офицер особого отдела 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола Иван Иванович Тюренков, после войны долго возглавлявший совет ветеранов этой бригады, оставил после себя письменные воспоминания, в которых достаточно полно восстановил хронологию участия бригады в Орловско-Курской битве.

«5 июля 1943 года в 3 часа утра, – писал он, – противник начал усиленную артподготовку на участке Беломестное. 200 самолетов противника бомбили передний край обороны на шоссе Обоянь–Белгород. Вскоре 20 танков и пехота противника под прикрытием артогня перешли в наступление и стали продвигаться на Разумное, но были остановлены, потеряв 10 танков. Великая битва на Курской дуге началась.

Танковые и армейские корпуса группы «Кемпф» ударили от Белгорода на Корочу. В 5 часов утра 12 танков противника предприняли атаку в районе роши Круглая (с. Беломестное), где стояла танковая рота Моисеева. Все атаки гитлеровцев были отбиты, уничтожено три немецких танка типа «тигр» и до ста гитлеровцев. Особо отличились здесь танкисты экипажа комсорга роты М. В. Смирнова, а механик-водитель И. П. Бутирин гусеницами раздавил два пулеметных расчета.

6 июля в 10 часов 331-й танковый батальон в составе одной роты (10 танков «Т-34») в районе роши, восточнее колхоза «Смело к труду», отразил атаку 70 фашистских танков, на поле боя остались три подбитых вражеских танка, остальные отступили. В этот день вторично была отражена атака противника и подбито еще два танка.

7 июля в 6 часов утра отбита атака, уничтожено три вражеских танка. В 16 часов под прикрытием танков противник в районе Обоянского шоссе пытался вновь атаковать 331-й танковый батальон, но был отбит и потерял два танка. В этом бою особенно отличился командир 1-й танковой роты 331-го танкового батальона старший лейтенант С.Ф. Тищенко и экипаж танка старшего лейтенанта Мухина.

8 июля происходили наиболее тяжелые бои. 120 танков и полк мотопехоты противника при поддержке авиации атаковали хутор Постников и село Дальняя Игуменка. Контратакой 228-го танкового батальона противник был остановлен, потеряв около роты солдат и офицеров. Почувствовав удар с тыла, 50 танков противника вновь пошли в атаку. Батальон отразил ее, сосредоточив по этому району огонь артиллерии и вызвав на помощь бомбардировочную авиацию. Отразив еще две атаки, батарея, 331-й танковый батальон и другие подразделения бригады заняли оборону западнее Ольховатки и преградили путь танкам противника на Сабынино.

В развернувшихся боях было уничтожено 12 танков и до двух рот пехоты, взорван склад боеприпасов. Наши потери – 6 танков.

9 июля в полдень противник вновь атаковал позиции 228-го танкового батальона. При поддержке авиации 30 немецких танков, сопровождаемых автоматчиками, вклинились в наши боевые порядки. В результате трехчасового боя подбито 12 танков и уничтожено до роты противника. Домышев уничтожил 7 танков и 50 гитлеровцев. Экипаж старшего лейтенанта Бобкова подбил три танка.

Клара Коваль эвакуировала с поля боя 30 бойцов и была награждена орденом Красной Звезды.

10 июля бригада заняла оборону западной окраины Киселево. Весь день противник вел сильный артиллерийский огонь, а вечером 50 его танков при поддержке пехоты перешли в наступление. После шестичасового боя 228-й танковый батальон, уничтожив 6 танков противника, отошел к населенному пункту Сабынино. В то же время до 60 немецких танков вышли в район командного пункта бригады, захватив деревни Казачье и Ржавец. В начавшемся бою взамен сгоревшим машинам противник бросал в бой все новые танки из резерва.

Наши танкисты, умело маневрируя, прикрываясь складками местности, расстреливали вражеские машины в упор.

Всю ночь над степью полыхало багровое зарево. 16-летняя радистка Оля Иванова (Колчанова), несмотря на бомбежки и артобстрел, исправно, бесперебойно держала связь и за это была удостоена медали «За боевые заслуги».

11 июля в 10 часов утра 300 самолетов противника бомбили Киселево–Сабынино, куда отошли танковые батальоны бригады. В этот день отличился младший сержант саперного взвода П.В. Бабкин – челябинский доброволец 1942 года. Он с группой бойцов под огнем противника восстановил мост в районе Сабынино и был удостоен ордена Красной Звезды.

12 июля бригада в составе 14 танков «Т-34» и трех танков «Т-70», мотострелкового батальона и противотанковой батареи занимала оборону у сел Александровка–Свиридово. В 14 часов 25 танков противника атаковали бригаду, но были отбиты. Через два часа уже 50 танков с мотопехотой повторили атаку, но тоже были отбиты. В результате двухчасового боя враг потерял 15 танков и до роты пехоты. Наши потери – один танк».

ГЕРОЙ ОСТАЕТСЯ ГЕРОЕМ

Сергей Федорович Тищенко, 1921 года рождения, чернобровый, крепкого телосложения, командир, родился в г. Омске, окончил Балашовское танковое училище. В 96-й танковой бригаде значился с момента ее образования. Отличился в боях под селением Щучье при осуществлении Острогожско-Россошанской операции. Во время Курской битвы в районе села Шляхово его рота вступила в бой с превосходящим по численности противником и, уничтожив четыре немецких танка, вынудила врага отступить. Узнав об этом, в расположение роты прибыл начальник политотдела бригады Кропотов, крепко обнял и расцеловал каждого танкиста. Через несколько дней в районе села Ржавец 331-й танковый батальон попал в окружение. Танки противника зажали его в стальные клещи, и казалось, что гибель батальона была предрешена. Но вновь отличилась рота С.Ф. Тищенко. Под покровом темноты она прорвала вражеское кольцо, вышла из окружения, развернулась и на соседнем участке нанесла удар по врагу с тыла. Воспользовавшись неразберихой, начавшейся в рядах противника, из окружения вышел весь батальон.

С тех пор в бригаде к С.Ф. Тищенко сложились особые отношения. Он стал всеобщим любимцем. Его считали мастером танковых атак и отчаянно храбрым командиром. В его документах по приему кандидатом в члены ВКП(б) отмечалось: «За период боев с 5 по 12 июля рота С.Ф. Тищенко уничтожила 6 тяжелых танков, 10 – средних, 8 БТР, 50 автомашин и до батальона пехоты. Лично сам С. Ф. Тищенко поразил 2 танка «Т-VI», 2 танка «Т-IV» и 3 БТР». На собрании коммунисты голосовали за С.Ф. Тищенко единогласно. Но получить кандидатскую карточку он не успел.

13 июля противник активных действий не проявлял. Но 14 июля утром вражеская оборона разразилась двухчасовой артподготовкой. А затем при поддержке авиации на позиции, занимаемые ротой С.Ф. Тищенко, немцы вновь пошли в атаку, стремясь во что бы то ни стало прорваться в тыл наших войск.

Из роши на покрытую легкой дымкой тумана равнину выкатились их танки. «Один, два... десять... штук сорок», – прикинул про себя С.Ф. Тищенко. Подозвал командиров своих четырех «тридцатьчетверок» и спокойно поставил задачу: «Занять позицию за сгоревшими машинами и, прикрываясь их остовами, по команде открыть огонь».

А лавина немецких танков, преодолев небольшую водную преграду, уже входила в зону огня. С.Ф. Тищенко уверенными, привычными движениями поднялся на танк. С улыбкой, вдохновляющей на битву своих бойцов, помахал им рукой, опустил люк и закрыл крышку, доложил по радиации комбату:

– 40 танков пытаются прорвать оборону у села Хмелевое. Вступаю с ними в бой.

От первых же залпов застыли на поле две немецкие тяжелые машины, потом «захромал» еще один «Т-IV». После короткого замешательства танки противника стали перестраиваться. «Пытаются нас обойти с флангов», – рассудил про себя С. Ф. Тищенко, ловя в перекрестие прицела вражескую машину с белым крестом на башне.

Около часа громыхал бой. На голубом безоблачном небосводе ярко светило солнце, но даже в такой ясный день далеко от села Хмелевое были видны вспышки разрывающихся снарядов и дым, расстилающийся по горизонту.

Немцы обошли роту Тищенко. Танкисты мужественно отбивались. Из густого облака дыма вырвался танк командира, стремясь занять позицию между двумя надвигающимися «тиграми». Более маневренная «тридцатьчетверка», проскочив опасный участок, развернулась и всадила снаряд в борт вражеского танка. Зазвенела гильза.

– Снаряд! – скомандовал охрипшим голосом Тищенко. Второй выстрел, и «тигр» задымил. Развернувшись на 180 градусов, Тищенко повел свой танк на второго «тигра» и с первого выстрела заставил его остановиться.

– Снаряд! – подал очередную команду Тищенко и в это время чем-то тяжелым он получил удар по голове. Перед глазами замелькали красные и синие круги... Его заместитель и командир танка Т-34 старший лейтенант А.А. Баранов продолжал сдерживать противника, расстреливая вражеские машины и пехоту. Но силы были слишком неравные. А.А. Баранов и башенный стрелок были поражены наповал. Танк загорелся. Механик-водитель Бутырин не оставил своих товарищей даже убитыми. Обгорая сам, он вытащил их тела из горящей «тридцатьчетверки».

Комбат Щеглов, получив донесение от С.Ф. Тищенко, бросил ему на помощь свои танки. По проселочной дороге они мчались к селу Хмелевое. И когда на максимальной скорости выскочили во

фланг противнику, их взору предстало множество горевших машин, горело и все пшеничное поле.

После боя товарищи нашли возле разбитого танка С.Ф. Тищенко. Он лежал вниз лицом, обняв руками землю, которую считал своей, за которую сражался и за которую отдал жизнь. Его, старшего лейтенанта А.А. Баранова и других танкистов похоронили здесь же, на окраине села.

В Челябинской средней школе №2, подведомственной ЮУЖД, есть хорошо организованный музей боевой славы, посвященный 96-й танковой бригаде имени Челябинского комсомола. На одном из его стендов сохранилась фотокарточка старшего лейтенанта С.Ф. Тищенко, а рядом помещена фотокопия представления его к званию Героя Советского Союза посмертно, подписанного комбатом Щегловым и скрепленного печатью воинской части.

В 70–80-е годы музей неоднократно посещал отец С.Ф. Тищенко, Федор Николаевич, в беседе с ним ветераны бригады рассказывали: «Нет, Сергею не было присвоено звание Героя Советского Союза, вышестоящее командование оценило подвиг С. Ф. Тищенко по-своему, наградив его орденом Отечественной войны I степени. Такое на фронте случалось нередко. И хотя Сергей по документам не значится героем, в действительности-то он герой и для нас останется навсегда таковым».

О том, как сражались в эти дни другие экипажи Челябинской бригады, можно судить из информации, дошедшей до нас из представления к званию Героя Советского Союза командира танка Т-34 лейтенанта Смирнова Михаила Васильевича: «11.07.1943 года, находясь в обороне в районе Киселево, уничтожил 2 автомашины и до взвода пехоты гитлеровцев. Будучи в танковом кольце противника в районе деревни Ржавец, тов. Смирнов, сея панику, расстроив боевые порядки танков противника и уничтожив один вражеский «Т-VI», вывел свою боевую машину без повреждений. 12.07.1943 года в районе Александровки отбил две атаки противника численностью 15 танков и до батальона пехоты. В этих боях тов. Смирнов поразил 2 танка «Т-VI», сжег две автомашины и рассеял до роты пехоты противника.

14.07.1943 года, отражая превосходящие силы противника в районе населенного пункта Ново-Хмелево, подбил 2 немецких танка «Т-VI», из которых один сгорел. Тов. Смирнов за период

боевых действий с 5 июля по 14 июля уничтожил 7 танков противника, из них 5 «Т-VI».

За проявленную стойкость и героизм достоин присвоения звания Героя Советского Союза.»

Рассмотрев это представление, командование наградило М. В. Смирнова орденом Красного Знамени.

В этом же бою, 14.07.1943 года, в моторную часть танка старшего техника-лейтенанта Алексея Лагунова попал вражеский снаряд. Танк остановился. Экипаж продолжал вести огонь с места. А затем А. Лагунов приказал экипажу вывести из строя вооружение, слить горючее, покинуть машину и отходить к своим. Сам же, оставшись один, продолжал вести огонь, прикрывая отход товарищей. От прямого попадания снаряда танк загорелся. Герой погиб и был посмертно награжден орденом Ленина.

ВПЕРЕД, НА БЕЛГОРОД

Одновременно с попыткой 14 июля прорваться у деревни Ново-Хмелево противник повел наступление на Свиридово, где держал оборону 228-й танковый батальон челябинской бригады. Но и здесь, потеряв 5 танков и до взвода пехоты, враг тоже, не добившись успеха, отступил. И до 19 июля на этом участке фронта он, кроме артналетов, активности не проявлял, чувствовалось, что наступательный порыв его иссяк. Бригада, воспользовавшись затишьем, приводила в порядок свою матчасть, ремонтировала танки, получала новое пополнение. А 19 июля в 19 часов 30 минут восемь танков «Т-34» 228-го танкового батальона, взаимодействуя с двумя пехотными полками 305-й стрелковой дивизии, атаковали противника и после двухчасового боя выбили его с высоты 241.

20 июля бригада совместно с 305-й стрелковой дивизией прорвала оборону противника в районе Александровки и развернула наступление в направлении Белгорода.

23 июля «челябинцы» вышли на рубежи, которые занимали до 5 июля 1943 года, и сосредоточились в указанных командованием пунктах: 228-й танковый батальон – в селе Поповка, 331-й танковый батальон, мотострелковый батальон и противотанковая батарея – близ совхоза «Искра», рота управления и командный пункт бригады разместились в Новой Деревне. Во всех подразделениях проходили партийные и комсомольские собрания, проводились

политзанятия. В челябинской бригаде, как и во всех частях Красной армии, политработе уделялось должное внимание. Политработники формировали единый духовный стержень, объединяющий воинские коллективы, разделенные на солдат и командиров, где одни должны командовать, а другие беспрекословно подчиняться. Комиссары, политруки, а впоследствии замполиты отвечали солдату на главный вопрос: «Если погибну, то за что?»

Здесь под Белгородом на занятиях изучался опыт недавних боев, различные инструкции командования. В одной из таких инструкций рассказывалось: «Вражеский танк «Т-VI» («тигр») является основным средством прорыва, тараном для других родов войск. На 45-миллиметровые орудия он идет смело. На 76-миллиметровые – осторожничают, сначала стремится обстрелять из пушки, а уж потом давит гусеницами. Из боя он выходит задом, прикрываясь лобовой броней. Для борьбы с ним успешно применяются кумулятивные бронебойные снаряды. Противотанковые 45-миллиметровые орудия, учитывая тихоходность «тигра», успевают менять огневые позиции и поражать таким снарядом уязвимые места «Т-VI» с дистанции 300 метров... Наиболее действенный огонь из 76-миллиметровых орудий начинается с 500 метров и ближе.

122 и 152-миллиметровые орудия при прямом попадании в башню на дистанции до 500 метров совершенно выводят танк из строя, ударом и разрывом снаряда срывая башню танка...».

Ночь с 24 на 25 июля прошла относительно спокойно. Утром с первыми лучами солнца поднимались после ночного отдыха бойцы. Кто-то из них спал под танками, кто-то в землянках, а рота мотострелков, натянув брезент между двумя штабелями бревен, устроила для себя неплохую «казарму». Было тихо. Лишь вдалеке раздавались одиночные выстрелы, но на них никто не обращал внимания. Неизвестно как уцелевший воробей прилетел и сел на колесо полевой кухни.

– Ребята, воробей! – закричал удивленный почтальон Петр Чемоданов.

Появление этой маленькой птички пробудило у бойцов воспоминания о мирной жизни, о своем далеком доме, о родных и близких. Многие посчитали, что наступил подходящий момент, чтоб написать на родину письмо. Никто не испытывал опасения, что может последовать атака врага, наоборот все ожидали команду для перехода в большое наступление.

В полдень был объявлен сбор бригады у штаба. Перед строем танкистов, мотострелков, артиллеристов прошел знаменный взвод с развевающимся по ветру красным знаменем части. Начальник политотдела Кропотов зачитал приказ Верховного главнокомандующего Красной армией об объявлении благодарности бойцам, командирам и политработникам 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола за проявленные мужество и отвагу. Это сообщение глубоко запало в душу каждого бойца, ведь благодарность объявил сам товарищ Сталин. И они дружно ответили троекратным «ура». Затем помощник начальника политотдела по комсомолу огласил решение ЦК ВЛКСМ вручить по итогам июльских боев вымпел 228-му танковому батальону челябинской бригады, уничтожившему за период боев на огненной дуге 60 танков, 27 орудий, 20 автомашин и более 90 пулеметов. А потом «челябинцы» прощались со своим первым комбригом В.Г. Лебедевым, отбывающим к новому месту службы, где он вскоре возглавил 54-ю гвардейскую танковую бригаду.

На смену В.Г. Лебедеву прибыл полковник А. М. Попов. В обновленном составе с новым командиром бригада начала готовиться к освобождению Белгорода.

В это время в штабах Воронежского и Степного фронтов усиленно прорабатывались детали Белгородско-Харьковской операции, получившей условное наименование «Румянцев». По замыслу советского командования Воронежский фронт должен был нанести удар на своем левом фланге, прорвать оборону врага и вести наступление в юго-западном направлении. Ударной группировке Степного фронта, состоящей из 53-й и 69-й армий, в которую входила 96-я танковая бригада, ставилась задача разгромить противника в районе Белгорода и наступать на Харьков с севера. Одновременно 57-я армия Юго-Западного фронта должна была нанести удар в обход Харькова с юга.

Перед контрнаступлением в войсках шла напряженная работа. Командиры и политработники готовили воинов к прорыву сильно укрепленной обороны врага. Партийные и комсомольские организации нацеливали бойцов и командиров на высокий наступательный порыв.

Белгородский укрепрайон и город Белгород немцы тщательно подготовили к обороне, имея приказ своего командования ни при каких обстоятельствах город не сдавать. Они соорудили вокруг

Белгорода две линии обороны. Внешний оборонительный рубеж располагался в 6 километрах от города и представлял собой батальонные узлы сопротивления, связанные между собой сетью траншей, ходов сообщения, систему противотанковых рвов, минных полей и проволочных заграждений.

Внутреннее кольцо обороны проходило по окраине города. Все каменные здания здесь были приспособлены к ведению огня. В окнах установлены пулеметы. Между зданиями располагались доты и дзоты, вкопанные в землю танки.

В центре города находился командный пункт, представлявший собой подземное сооружение, перекрытое шестью накатами из рельсов, залитых высокопрочным бетоном.

Взять эту крепость предстояло войскам Степного фронта, ударную группировку которого составляли 89-я гвардейская, 305-я стрелковые дивизии и 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола 69-й армии. 2 августа в частях и подразделениях прошли митинги, партийные и комсомольские собрания. Артиллеристы вели пристрелку, саперы проделывали проходы в минных полях и проволочных заграждениях. 3 августа в 7 часов 30 минут бригада в составе 25 танков «Т-34» и 17 танков «Т-70» атаковала противника в районе села Вислое и после получасового боя, обратив гитлеровцев в бегство, повела наступление на село Терновку. В это же время, после артподготовки, полки первого эшелона 89-й дивизии перешли в наступление западнее села Гостищево и, отбивая контратаки врага, вклинились в его оборону до трех километров. Весь день продолжались кровопролитные бои с применением авиации, танков и артиллерии. Но далее дивизии продвинуться не удалось.

В этот день 96-я бригада уничтожила 7 танков и 6 самоходных орудий. Потери бригады составили 6 машин. О накале тех боев можно судить по воспоминаниям С. В. Казанцева: «На «Т-34» кроме меня было еще два солдата. По мере приближения к вражеским траншеям все сильнее чувствовался запах гари, порохового дыма и все чаще лязгали по броне пули. Мы прятались за башней танка. И вдруг один из нашей тройки, по-видимому, обезумев от страха, спрыгнул на ходу с машины. Второй мой товарищ высунулся из-за башни – и готов, из шеи его хлынула кровь. Я остался один. Прижавшись к броне, держал автомат на изготовку. Когда танк перевалил через вражескую траншею, я отчетливо увидел совсем рядом, метрах в четырех, лицо врага, приподнявшегося из окопа. Ре-

мешок каски врезался ему в подбородок, по щекам текли струйки пота. С отрешенными глазами он наводил на меня дуло автомата. Я опередил его, дав длинную очередь из своего ППШ. Гитлеровец словно провалился в траншею, с бруствера посыпалась земля. Наверное, я убил его, так как больше он не показывался.

Вечером в расположении своего подразделения я увидел прибывшую для подкрепления странную воинскую часть. Бойцы ее на месте погон имели знаки различия, нарисованные прямо на гимнастерке химическим карандашом. И все они были по возрасту намного старше меня. Оказалось, что это штрафной батальон, в котором было много бывших офицеров. На вопрос «Как они сюда попали?» один из них, свертывая из клочка бумаги сигарку, ответил:

– Так вы же сами-то не можете взять Белгород, вот поэтому нас сюда и перебросили, – причем сказал таким тоном, что дело уже решено и завтра город будет взят.

Провинность штрафников мне показалась мелочной. Один с девчонкой поступил не так как надо. Другой «фронтовые сто граммов» употреблял чаще, чем положено. Каждому из них в случае взятия Белгорода было обещано прощение. И я догадался, что завтра они вместе с нами займут места на броне танков».

4 августа штурм Белгорода продолжился по всем направлениям. На подступах к городу путь танкистам преградил искусно выполненный гитлеровцами противотанковый ров. Все попытки саперов соорудить через него переезд пресекались шквальным огнем противника. И тогда комбриг приказал опустить на дно рва единственный в бригаде тяжелый танк «КВ», повернув его башню с пушкой на 180 градусов. В результате чего стальной великан словно подставил свою «могучую спину» более легким «тридцатьчетверкам» и помог им перебраться на противоположную сторону.

В бою под Терновкой экипаж танка лейтенанта Коваленко, механиком-водителем которого был комсомолец из Карабаша Гурий Бабушкин, раздавил вражескую батарею, вступил в единоборство с немецкими танками и уничтожил два из них. В это время танкодесантники ворвались во вражескую траншею, где завязалась рукопашная схватка. Когда был убит командир взвода, сержант Михаил Сович взял командование на себя, прорвался в тыл к немцам и уничтожил несколько десятков солдат и офицеров. В пылу боя танкодесантник Александр Умовистов не заметил, как оказался

один против четырех фашистов, но, проявив солдатскую находчивость, сумел перехитрить их – троих уничтожил, а четвертого взял в плен.

Танк парторга роты лейтенанта Проценко одержал верх в единоборстве с танком противника, подбил самоходную пушку и расправился с артиллерийской батареей. Здесь же под Терновкой санинструктор Клара Коваль, вытаскивая из-под огня раненых танкистов, получила тяжелое ранение и на танке была переправлена в санчасть. Из госпиталя она писала в Челябинск: «Дорогая мамочка, обидно мне, немного до Белгорода не дошла. Ведь видела уже домики этого старинного русского города... Не печальтесь, писать буду часто...». Но это письмо Клары оказалось последним. Она скончалась в госпитале от полученных ран, навсегда оставшись в памяти родных и товарищей молодой, красивой, с роскошными волосами и веселыми, задорными глазами.

На направлении к Меловой горе под прикрытием трех танков «Т-34» действовал пехотный полк 89-й стрелковой дивизии. Ему удалось продвинуться еще на два километра, но к 19 часам усилившийся огонь противника остановил его. Комдив приказал продолжать боевые действия ночью силами одного батальона, а на рассвете всем полкам и танкам завершить штурм.

5 августа танки 96-й танковой бригады ворвались в Белгород со стороны села Беломестное. В это же время гвардейцы стрелкового полка майора Прошутина ворвались на северо-восточную окраину города и нанесли удар по вокзалу.

Командующий армией, находившийся на наблюдательном пункте, отдал приказ посадить на броню танков батальон капитана Стома. Танкисты вместе с десантниками ударили по немцам со стороны шоссе. И враг не выдержал. Командир 267-го полка 89-й стрелковой дивизии гвардии майор Середа вспоминал о заключительных аккордах штурма: «Подбежали к двухэтажному уцелевшему дому, здесь валялись два разбитых и один уцелевший мотоциклы, несколько трупов старших гитлеровских офицеров, горела машина «Мерседес-бенц». Нас встретил капитан, доложил: «Товарищ полковник, здесь бункер. Обед готов!». Мы спустились в бункер, убранный коврами. В углу стоял рояль, посередине стол, накрытый для обеда. Зазвонил белый телефон. Трубку снял кто-то из офицеров и сказал: «Хэндэ хох!» (Руки вверх!). Больше телефон не звонил. Бой за Белгород постепенно перемещался на западную

окраину. К 17 часам противник был отброшен за реку Везелку, а к исходу дня над городом взвился красный флаг».

Подводя итоги боев за Белгород, командование 96-й танковой бригады среди особо отличившихся танкистов определило: капитана Кулькова, лейтенанта Коваленко, старшего лейтенанта Новикова, лейтенанта Сапожникова, лейтенанта Алешкина и других. «Лейтенант Алешкин, – сообщали комбриг Попов и начальник политотдела Кропотов секретарю Челябинского обкома комсомола Петрову, – ворвавшийся первым в Белгород, уничтожил два танка «тигр», две самоходные пушки, четыре противотанковых орудия, гусеницами раздавил восемь пулеметных точек, уничтожил до ста фашистов. За проявленное мужество Алешкин получил в подарок именные часы от маршала Г. К. Жукова. Из пехотинцев первым ворвался в Белгород командир отделения младший сержант А. Д. Сергеев, уничтоживший 43 гитлеровца...».

Вечером 5 августа, когда стихли бои, челябинцы, затаив дыхание, слушали радиопередачу из Москвы о первом за годы Великой Отечественной войны салюте в честь освобождения городов Белгорода и Орла, где на южном фланге огненной дуги действовала 96-я танковая бригада, а на северном фланге сражалась и отличилась другая, 244-я, челябинская бригада в составе Уральского добровольческого танкового корпуса. 6 августа в Белгороде состоялся митинг. На него собрались все оставшиеся в живых жители города. Творилось что-то невообразимое. Среди разрушенных кварталов люди пели, радовались до слез, благодарили своих освободителей. В центре города на стене сохранившегося здания кто-то крупными буквами написал: «Братский привет танкистам Челябинской комсомольской бригады!».

Белгородцы практически сразу же начали приводить в порядок свой город. Через несколько дней в помещении кинотеатра имени Челюскинцев состоялось городское комсомольское собрание, на котором присутствовал представитель 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола капитан Лисин. В своем выступлении он сказал: «В суровом 1942 году комсомольцы Челябинска и других городов Южного Урала построили танковую колонну «Челябинский комсомолец». Многие из них добровольно ушли на фронт, сели за рычаги управления созданных ими боевых машин. В феврале 1943 года танковую бригаду под командованием гвардии генерал-майора В. Г. Лебедева направили на бел-

городское направление. Пять месяцев бригада занимала оборону у Дальней Игуменки, под Мелеховым и Красным. А когда 5 июля 1943 года фашистская армия пошла в наступление, танкисты генерала Лебедева спокойно отбивали атаки, уничтожая «тигров» и «пантер».

Нам выпала честь драться за ваш город. Рано утром 5 августа танкисты бригады первыми ворвались в Белгород. Мы испытываем большую радость, что выкинули фашистов из города».

На этом собрании Михаил Лисин от имени танкистов вручил городской комсомольской организации красное знамя от бригады «Челябинский комсомолец». Принимая это знамя, комсомольцы Белгорода дали клятву отдать все силы на восстановление родного города.

На этом же собрании было принято обращение к челябинским танкистам, в котором юноши и девушки Белгорода «обещали упорно, не жалея сил, работать на восстановлении своего города и призывали танкистов еще сильнее и беспощаднее бить врага.

Обращение подписали Клава Любова, Надя Чедеранова, Тося Анзина, Лазарев и секретарь ГК ВЛКСМ Холондович».

17 августа 1943 года в Челябинск на имя секретаря обкома комсомола Петрова пришло из Белгорода письмо следующего содержания:

«Дорогие товарищи комсомольцы и несоюзная молодежь Челябинской области, создатели танковой колонны имени Челябинского комсомола! Примите искреннюю благодарность и пламенный привет от комсомольцев и молодежи освобожденного города Белгорода.

5 августа 1943 года в семью великого советского народа возвратились мы – белгородцы... Красная армия, частью которой является ваша танковая бригада имени Челябинского комсомола, освободила нас от немецкой оккупации, от рабства гитлеровской Германии. В день освобождения мы с особой теплотой приветствуем ваших земляков-танкистов и танкодесантников, поклявшихся беспощадно мстить гитлеровским извергам за разрушенные города, села, за слезы и страдания советских людей. Сердечное спасибо мужественным, отважным танкистам и вам, дорогие друзья, создателям танковой колонны и воспитавшим таких славных сынов Родины, танкистов-комсомольцев.

Сегодня у нас радостный день еще и потому, что танкисты-челябинцы вручают нам комсомольское боевое Красное знамя,

обильно политое кровью бойцов... Гитлеровские разбойники сожгли наш город, взорвали производственные здания... уничтожили памятники великому Ленину и монумент товарищу Сталину. Но мы будем работать не покладая рук...

Мы уверены, что наша дружба с вами будет крепкой, нерушимой и останется навечно в памяти комсомола.

Дорогие товарищи! Усилим помощь фронту, а этим самым усилим удар по врагу...

Слава Ленинско-Сталинскому комсомолу!

Слава челябинцам, воспитавшим отважных танкистов-добровольцев!

Да здравствует друг и учитель молодежи товарищ Сталин!

Смерть немецким оккупантам!

Секретарь Белгородского ГК ВЛКСМ Холондович».

С текстом этого письма были ознакомлены все первичные комсомольские организации танкостроительных предприятий. Поступило предложение подробно ответить белгородцам. Так завязалась с ними дружеская переписка.

А в это время челябинские танки утюжили просторы Украины. Сметая узлы сопротивления врага, они мчались на помощь Харькову. Вскоре от танкистов 96-й танковой бригады пришло в ОК ВЛКСМ очередное письмо:

«На танках, построенных вами, мы продолжаем свой путь на запад по степям Украины, – сообщали лейтенанты И. Смирнов, С. Алешкин и старший сержант А. Козубенко, – гордые победами доблестной Красной армии, мы рапортуем вам – строителям боевых машин о своих успехах...

Бывший слесарь вашего завода, ныне командир танка, младший сержант Петр Кондаков со своим орденским экипажем в одном из боев уничтожил сразу три танка и самоходную пушку врага... На смену павшим героям встают новые бойцы. Сквозь ураганный огонь врага мы идем вперед. Зная, сколько труда вы вкладываете в создание боевых машин, мы бережем их как зеницу ока. Фронтной привет вам, строители танков!».

ОСВОБОЖДЕНИЕ ХАРЬКОВА

Наступательный порыв советских войск день ото дня нарастал. Пока 69-я армия штурмовала Белгород, а 53-я армия Степ-

ного фронта обходила его с запада, пытаясь взять город в кольцо, «1-я и 5-я гвардейские танковые армии Воронежского фронта наступали на харьковском направлении, овладели 7–8 августа городами Богодухов, Золочев и поселком Казачья Лопань. В результате чего Белгородско-Харьковская группировка противника была рассечена на две части, одна из которых отступала на юго-запад, другая – на юг. К 8 августа разрыв между ними достиг 55 километров».

Враг понимал, что потеря Харькова поставит под угрозу всю его группировку, сосредоточенную в Донбассе, поэтому бросал в бой последние резервы, оказывал ожесточенное сопротивление.

«8 августа, преследуя противника, 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола выбила фашистов из старой и новой Нелмидовки, 9 августа освободила Малые и Большие Проходы. Взаимодействуя с 305-й стрелковой дивизией, «челябинцы» вели наступление на Русскую Лозовую – Северный пост, стремясь в течение дня овладеть населенными пунктами Лозовенька и Алексеевка».

Накануне освобождения Русской Лозовой командный пункт бригады расположился в маленькой, утопающей в садах, деревушке Малые Проходы, хорошо замаскировавшись в крайней, выкрашенной в белый цвет, под соломенной кровлей хате. Рядом протекал заросший камышом ручей. Из камыша раздавалось кваканье лягушек. На пригорке лениво вращались крылья ветряной мельницы. И отчетливо была слышна канонада и стук пулеметных очередей. Хозяйка дома, чтоб не мешать военным, переселилась на кухню, за русскую печь. Утром 11 августа она увидела в дверях своего дома стройного, подтянутого, улыбающегося офицера-танкиста.

– Ах, какой гарный хлопец и как он похож на моего Михаила, пропавшего без вести в начале войны, уж не брат ли это его, – подумала она.

Офицера сопровождал до выхода начальник политотдела Кропотов, прощаясь, пожал ему руку и напутствовал добрыми словами. Офицер легко перепрыгнул через ограду и бегом направился через пшеничное поле к роще, где стояли танки. Это был лейтенант С.И. Коваленко – опытный командир, воевавший еще с японцами на Хасане, награжденный за бои с белофиннами, отличившийся в боях под Белгородом. С 3 по 8 августа 1943 года его рота уничтожила 7 танков и 21 орудие противника. В боях за Терновку

С. И. Коваленко вырвался вперед и полтора часа удерживал село до подхода подкрепления, пополнив свой боевой счет еще двумя подбитыми танками. Обо всем этом хозяйке рассказали потом. Вечером она всматривалась в лица прибывающих на командный пункт танкистов, хотела увидеть С.И. Коваленко, но он не появлялся.

– А где офицер, который утром приходил к вам? – спросила она комбрига А. М. Попова.

– Какой офицер? А, Сережа, – нахмурился вдруг комбриг и тихо ответил, – его уже нет. Он сегодня погиб в бою за Русскую Лозовую.

На подступах к селу роту С. И. Коваленко противник встретил из засады сильным огнем своих танков. Командир отдал приказ роте обойти село для удара во фланг, а сам со своим экипажем принял на себя всю силу вражеского огня. Немного не успели товарищи. С флангов и тыла они расстреляли вражеские машины. Но танк командира уже горел. С. И. Коваленко погиб. Командование наградило его орденом Отечественной войны I степени посмертно.

В этот же день погиб начальник штаба бригады молодой капитан В. Мельников. А 12 августа бригада весь день вела бои за деревню Алексеевка, но сломить противника не удавалось. Ночью, подтянув резервы, 228-й и 331-й танковые батальоны при поддержке артиллерийской батареи и во взаимодействии с 89-й стрелковой дивизией вновь пошли в атаку, освободили Алексеевку и обратили врага в бегство.

Армейская газета «Вперед к победе» от 23 августа 1943 года в сообщениях о боях под Харьковом уделяла должное внимание челябинским танкистам. Поместив портрет лейтенанта С. Алешкина, газета писала: «В одной деревне немцы устроили танковую засаду. Первым ворвался в деревню на «тридцатьчетверке» экипаж офицера Сергея Алешкина. Увидев замаскированные вражеские машины, смелый командир не растерялся, с короткой дистанции сумел уничтожить два вражеских танка и своевременно предупредил своих товарищей о засаде. На боевом счету экипажа лейтенанта Алешкина шесть средних и один тяжелый танк противника, семь противотанковых пушек, два самоходных орудия и до роты пехоты. За героизм, проявленный в боях, лейтенант награжден орденом Красной Звезды...». А под портретом лейтенанта М. В. Смир-

нова значился текст: «Дерзко действует в боях с немецкими захватчиками командир-танкист Смирнов Михаил Васильевич. В решительных схватках с врагом за время наступательных боев он подбил четыре фашистских танка, один из них «тигр», за что награжден орденом Красного Знамени». В предыдущем номере эта газета писала о нем: «Командир танка лейтенант Смирнов получил приказ задержать и рассеять наступающего противника. Сквозь лесную чащу провел он свой танк навстречу врагу... Выйдя на опушку леса, Смирнов увидел до батальона вражеской пехоты, наступающей при поддержке танков. Всю силу огня сосредоточил Смирнов на танках противника и, уничтожив их, ринулся на пехоту. Множество вражеских трупов осталось лежать на земле...»

Начиная наступление 5 июля под Белгородом, германское командование рассчитывало, используя новую технику, сломить дух советского солдата. Но прошло чуть больше месяца, и полная растерянность, пораженческие настроения охватили армию оккупантов. В сохранившемся в архиве дневнике солдата вермахта, убитого под Харьковом, есть такая запись: «Мы уже отступили больше чем на 100 километров. Много транспортных средств нами оставлено. Все это достанется русским. Русский очень силен. Мы его не в состоянии победить. Унтер-офицеры, рядовые и офицеры говорят: «За что мы вообще воюем? Ведь это больше не имеет смысла. Войну Германия уже проиграла...». Я сказал офицеру, чтобы он остановил колонну и пропустил нашу автомашину. Офицер ответил, чтобы я заткнулся или он меня пристрелит. Я ему ответил, что пристрелю его скорее, чем он меня... Отступление продолжается. Харьков эвакуирован. Госпиталь и другие учреждения уже оставили город. Немецкие сестры Красного Креста были вынуждены уходить с чемоданами в руках. Мой товарищ убит. Мало времени для сна...»

Советские войска с боями, от села до села, от дома до дома очищали свою территорию от оккупантов, расплачиваясь за это дорогой ценой. «Мы были уже на окраине Харькова, – вспоминала челябинская доброволец Л.Е. Воронкова, – я работала на радиостанции, а вместе со мной в качестве второго радиста работала Валя Копылова. Мы располагались на склоне горы, немного ниже, чем рота бойцов мотострелкового батальона, где служил солдат Алеша, к которому Валя была равнодушна. Когда обстановка на станции разрешилась и наступило затишье, Валя со словами: «А вдруг ребята придут к нам на станцию и увидят меня такой неря-

хой», – сняла гимнастерку, чтобы пришить свежий подворотничок, а на себя надела шинель. И вдруг раздался вой и треск. Налетели немецкие самолеты. Я накрыла радиостанцию и мы с Вале́й легли на дно траншеи. Вокруг свистели осколки и дрожали стенки окопа. Меня засыпало землей. А когда самолеты улетели и стало тихо, я выбралась из-под земли. Услышала стон. Это Валя получила ранение в спину. Помогла перевязать ей раны. Кто-то из раненых бойцов позвал меня, ему я тоже оказала помощь. Приехала машина из санитарной части и на ней всех тяжелораненых отправили в госпиталь. В пути Валя скончалась.

21 августа мы вновь пошли в атаку. Ребята-мотострелки мстили за Вале́ю. В этот день они не брали пленных. Сопротивление фашистов было сломлено, а танки челябинской бригады вырвались на северные окраины Харькова и готовились наступать к центру города».

Но поступил новый приказ: 96-й танковой бригаде обойти Харьков с запада и перерезать возможные пути отступления противника. 22 августа 331-й танковый батальон вышел в район Золотино, закрыв отход Харьковской группировке на Полтаву. Другие части бригады овладели Филипповкой и вышли за рубеж реки Уда юго-западнее Харькова. Таким образом, все железные и шоссейные дороги на запад были перерезаны челябинской бригадой.

В это время другие части войск Степного фронта охватывали Харьков с запада и востока. Почувствовав угрозу полного окружения, противник начал отходить из города на юг, в направлении железнодорожной станции Мерефа. Вечером 22 августа начался решающий штурм. С западной стороны входили в город танки челябинской бригады. К 12 часам дня 23 августа Харьков был освобожден. Перед взором танкистов предстали немыслимые разрушения и завалы, а над развалинами развевающийся красный флаг.

Известный советский поэт Демьян Бедный посвятил этому событию волнующие строки:

Над Харьковом взвилось родное наше знамя,
и засверкала вновь советская звезда.
Он снова наш, он снова с нами,
освобожденный – навсегда!

В то время, когда московское радио передавало сообщение об освобождении Харькова, на его южной окраине челябинские добровольцы еще вели бои. При попытке бригады форсировать неши-

рокую, но глубокую с илистым дном речушку утонули, скрывшись под толстым слоем ила, сразу два танка из 331-го батальона. Срывалось выполнение боевого задания. Появился старший лейтенант Н.И. Ульянов в темном комбинезоне, в шлеме, сдвинутом на затылок, с пистолетом и полевой сумкой на поясе. Он осмотрел береговую линию реки и произнес ставшие почти магическими слова:

– Делай, как я!

Разогнав свою машину до предельной скорости на краю обрыва, он резко нажал на тормоза и тут же их отпустил. Танк вздрогнул и, словно подпрыгнув, перелетел через речку по воздуху. Вслед за своим командиром произвели аналогичные прыжки еще три танка. Не успевшие эвакуироваться гитлеровцы в панике разбегались.

Войска Воронежского и Степного фронтов полностью выполнили задание командования. И теперь нависали над всем южным крылом германского фронта. Здесь создалось выгодное положение для развертывания нового наступления с целью освобождения Левобережной Украины и Донбасса.

В освобожденном Харькове, в помещении театра имени Шевченко, состоялся городской митинг молодежи. Присутствовавшие на митинге корреспонденты «Комсомольской правды» Ю. Жуков и Л. Ющенко в своем репортаже сообщали: «К трибуне подходит старшина со знаками танкиста на погонах. Комсомольцы Харькова знают, что в освобождении их города участвовали танкисты и танкодесантники танковой колонны имени Челябинского комсомола, и поэтому встретили танкиста очень тепло. Старшина Александр Козубенко, награжденный орденом Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды, рапортует молодым харьковчанам, что посланцы челябинского комсомола, сражавшиеся на машинах, построенных на средства молодых уральцев, с честью и достоинством выполнили свой воинский долг под стенами Харькова. Один лишь экипаж танка Сергея Коваленко в жарком бою уничтожил два «тигра», два противотанковых орудия, три тяжелые батареи, восемь минометов, десять пулеметных точек, пять автомашин и до батальона пехоты. Сам Сергей Коваленко погиб смертью храбрых.

В боях за Харьков бесстрашно дрались и другие танкисты. Танк лейтенанта Сапожникова, к примеру, подбил два «тигра», четыре средних танка, четыре противотанковые пушки и уничтожил до 200 гитлеровцев.

Пройдут века, из поколения в поколение украинские кобзари будут петь песни о челябинских танкистах, павших смертью храбрых за освобождение Харькова.

В заключение общегородской митинг молодежи обратился с письмом к бойцам, офицерам и генералам, освободившим Харьков, а также к комсомольцам Челябинской области, чья танковая колонна отличилась в боях за их город...

Эти документы оглашались под долго не смолкающий гром аплодисментов.

В боях только за Белгород и Харьков комсомольская бригада уничтожила 30 танков, 39 орудий разного калибра, 4 самоходные пушки, 3 бронетранспортера, 24 пулемета, 11 минометов, 14 автомашин с военными грузами, истребила 1530 солдат и офицеров».

В эти дни в Челябинский облленкомол пришла из Харькова на правительственном бланке телеграмма. Секретарь ОК ВЛКСМ Петров зачитал ее на бюро обкома стоя:

«Комсомольцы и молодежь Харькова от всей души благодарят молодых патриотов Челябинской области, создавших первую комсомольскую танковую колонну имени Челябинского комсомола, прославившуюся в героической борьбе за освобождение нашего родного Харькова от гитлеровских захватчиков. Мы уверены, что молодые уральцы, танкисты-челябинцы, и в дальнейшем прославят себя в борьбе за окончательное освобождение советской земли от фашистских поработителей.

Желаем вам, дорогие друзья, новых производственных успехов во имя победы над врагом!

Президиум митинга комсомольцев и молодежи г. Харькова».

25 августа танки челябинской бригады форсировали реку Уду и 27 августа, взаимодействуя с пехотой 89-й стрелковой дивизии, атаковали противника в районе Григорьевки и Зайцево. К вечеру два танка завязали уличные бои в Минутке. Этот бой продолжался и на следующий день. Огнем своих пушек челябинцы уничтожили немецкий танк и артиллерийскую батарею. Противник бежал, бросив 14 исправных орудий и 5 пулеметов. Преследуемые бригадой гитлеровцы уходили на юго-западный берег реки Морефа.

30 августа по приказу командующего 69-й армией 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола была выведена из боя и направлена для осмотра, ремонта материальной части и доформирования в Харьков. Командный пункт бригады расположился в городе по улице Свердлова, 169.

Гостеприимные харьковчане окружили челябинцев вниманием и заботой. К тому времени уже вышли из подполья партийный и комсомольский обкомы и восстанавливались городские органы советской власти. Для воинов челябинской бригады прямо под открытым небом был организован большой концерт артистов эстрады. Танкисты и мотострелки получили возможность хорошо отдохнуть перед большим наступлением на запад.

Освобождением Харькова завершилась Курская битва – одно из величайших, не имеющих аналогов, сражений Второй мировой войны, в котором с обеих сторон участвовало 4 миллиона человек, 70 тысяч орудий и минометов, до 13 тысяч танков и самоходных орудий, до 12 тысяч боевых самолетов». Оно длилось 50 дней и закончилось таким поражением немецко-фашистских войск, после которого гитлеровская Германия не могла оправиться. Наиболее точную оценку этому сражению дал в своем приказе Верховный главнокомандующий И. В. Сталин:

«Если битва под Сталинградом предвещала закат немецко-фашистской армии, то битва под Курском поставила ее перед катастрофой». После битвы на Курской дуге стало очевидным, что уральская сталь сокрушила сталь Круппа, а инженерная мысль советских танкостроителей намного превосходит германскую.

В Челябинске на Комсомольской площади поставлен на высоком постаменте танк «ИС-3» образца 1945 года, глядя на него, даже несведущий в военном деле человек не может не заметить, что формы, конфигурация отдельных узлов этого танка явились прорывом боевых машин будущего, что свидетельствует о правильно выбранном советскими танкостроителями направлении в работе по совершенствованию своих танков.

Совсем другим путем шли создатели бронированных машин в Германии. «Их «Т-VI-в» «королевский тигр», выпущенный в 1943 году, весил 68 тонн. Вооружение его составляли 88-миллиметровая пушка и два пулемета. Лобовая броня имела толщину 180 мм, борт – 80 мм. Экипаж 5 человек. Скорость не превышала 35 км/час. И танку, и его конструктору не повезло. 12 августа 1944 года экипаж танка «Т-34-85», которым командовал младший лейтенант Оськин, впервые обнаружил новые немецкие танки: 14 огромных машин в колонне двигались мимо одиноко стоявшей в засаде «тридцатьчетверки», подставляя ей борта. Вместе с головным танком (всего их было подожжено три) погиб и его конструктор, пожелавший лично посмотреть работу своих танков в бою.

Другой немецкий танк «маус» (мышонок) появился в самом конце войны, участия в боевых действиях не принимал. Весил 160 тонн, толщина брони его достигала 180–240 миллиметров. Основное орудие имело калибр 128 мм, пристрелочное орудие имело калибр 75 мм. Наверное, немало нашлось бы мостов, которые не разрушились бы под тяжестью этой стальной махины. Скорость танка – 15 км/час, а габариты делали из него удобную мишень. Не надежная ходовая часть еще больше уменьшала шансы «мышонка» выжить, доведись ему принять участие в войне.

Гитлеровцы успели выпустить лишь три таких танка, ставших своеобразным символом тупика, в который в поисках выхода из безнадежного положения забрело германское танкостроение».

НАСТУПЛЕНИЕ НА ЗАПАД

5 сентября бригада, завершив ремонт боевых машин и вооружения, получила приказ готовиться к новому наступлению. В полдень, построившись в колонну побатальонно, соблюдая определенную дистанцию, челябинцы вышли за город на проселочную дорогу и, набрав скорость, двинулись на запад по уже знакомым местам, где совсем недавно гремели бои. Одной из последних в колонне двигалась санитарная машина Дины Сметанкиной. В бригаде ее все считали лихим шофером. Она неоднократно на виду у всех демонстрировала свою смелость, проносясь на большой скорости вдоль переднего края обороны буквально на глазах у немцев, и воодушевляла своим примером других водителей. Особым уважением у товарищей она стала пользоваться после случая, произошедшего в подразделении около полугода назад, когда шофер санитарной машины А. Кузьмин, закрепленный за вторым батальоном для перевозки раненых, настолько перетрусил, что остановился на полпути, разрегулировал сцепление автомашины и бросил ее как неисправную. А санинструктору Зине Тереховой, сопровождавшей его машину, подарил часы за молчание. Вернувшись в медсанчасть, Зина подошла к Дине Сметанкиной, показала часы и обо всем рассказала. Это уже был второй случай трусости Кузьмина, на этот раз он впутал в жуткую историю еще и санитарку. Дина знала, что полагается за такой проступок на фронте. Быстро села в кабину, нажала на стартер, уже на ходу прыгнул на подножку автомашины Дины Иван Андрианов. Вместе они поеха-

ли в указанном направлении. На дороге действительно стояла «санитарка», а возле нее, сжавшись в комочек, сидел Кузьмин, как обшипанный гусь, и дрожал. Иван, обозленный таким поступком шофера до крайности, набросился на Кузьмина с кулаками и колотил его от всей души, словно вбивая в него лекарство от страха. Но ни Иван, ни Дина командиру об этом случае не доложили.

В этот день до позднего вечера возили раненых с передовой две санитарные машины в связке. Впереди Дина Сметанкина, а на буксире ее машины «санитарка», за рулем которой сидел Кузьмин. Причем Дина старалась как можно ближе подъехать к передней линии обороны, приучая Кузьмина смелее смотреть смерти в глаза.

Через некоторое время Кузьмин признался Дине, что сам не знает, откуда тогда взялся у него дикий страх, и благодарил ее за товарищескую поддержку.

Сейчас же по дороге из Харькова у Дины было прекрасное настроение и она рассказывала сидевшей рядом с ней санинструктору с ефрейторскими погонами Ольге о том, что ухабистые фронтовые дороги хороши еще и потому, что не позволяют уснуть за рулем. А дремота – злой и опасный враг для водителя. Бывало, никакие таблетки не помогают, глотай их хоть целыми пачками, а все равно на сон тянет.

– Дин, а случались у тебя какие-нибудь необычные происшествия в пути? – спросила ее Оля.

– Сколько угодно. Как-то раз я везла из госпиталя полную машину легкораненых бойцов. Бойцы возвращались в бригаду веселые, радостные, шутили, пели песни и приставали с разными вопросами. За разговором я упустила дорогу и завязла под самые подножки. Бойцы все как один вышли из машины и стали толкать ее. Откуда-то появилась пара быков, бойцы умудрились запрячь их. Получилась прямо-таки картина для журнала «Крокодил». Машина с ярко-красными крестами на буксире у быков. А сзади... Бог мой! Полураздетые, перебинтованные, не совсем здоровые солдаты вытаскивают вполне исправную автомашину вместе с водителем, да еще покрикивают: «Битый небитого везет». До шоссе оставалось метров десять, когда нас догнали наши автобензовозы. Водители повыскакивали из своих машин. Поднялся невообразимый хохот. Все просто визжали, падали и катались по снегу от смеха. Нашелся какой-то «гусь» и стал фотографировать весь этот эскорт, а я умирала от стыда.

Или вот еще один случай. Из боевого оружия нам полагается карабин-винтовка с укороченным стволом. И кто его только придумал? Страшно неудобная штука. При стрельбе отдает назад, так стукнет, что руки не поднимешь, да еще оглушит, потом ходишь глухой и больной. В общем, не подходящий инструмент. Но куда его денешь? Положила я его под сидение, где хранится все хозяйство шофера. Однажды загрузила я в свою машину тяжелораненых, «черепников», как мы их называем, а они народ буйный, чаще похожи на сумасшедших, опасные при транспортировке. Я повезла их без сопровождающего. В дороге слышу, сзади щелкает кто-то затвором винтовки. Оглянулась и вижу, – один буйный достал этот проклятый карабин и целится в меня. Благо, карабин был не заряжен. Я выскочила из машины. Буйный – за мной. Я бегаю от него вокруг машины, кричу, плачу, а его как прорвало, и откуда сила взялась, размахивает карабином, как дубиной, орет: «Бей гадов!». Я уже из сил выбиваюсь, в валенках по глубокому снегу далеко не убежишь. Не знаю, чем бы это все кончилось, если бы не появился на мое счастье заместитель комбрига по политической части Илья Федорович Захаренко. Он вместе со своим шофером поймал буйного. Они уложили его на носилки и забинтовали вместе с носилками. В таком виде я и привезла его в госпиталь. Там мне тоже досталось. Так как нужно возить подобных раненых в конверте, а как ты его засунешь в этот конверт? Зато тут же, прямо на дороге, товарищ Захаренко отдал мне свой пистолет, карабин же, будь он неладен, велел сдать при возвращении в бригаду, а в придачу – сутки гауптвахты за нечищенный карабин. Думаю, что гауптвахтой Илья Федорович решил сознательно предоставить мне возможность отдохнуть сутки и выспаться как следует.

Вспоминая про этот эпизод, Дина задорно рассмеялась. За окном кабины проплывали сгоревшие строения какой-то деревушки, раздавленные нашими танками пушка и автомобиль, сгоревший БТР, железнодорожная линия, разрушенная немцами с помощью специального «плуга», прицепаемого к паровозу. При движении такой «плуг» выкорчевывал шпалы, ломая их. Здесь же поблизости была брошена эта адская машина, состоящая из «плуга» и сцепки из двух паровозов.

– А ты помнишь, Оля, – продолжала Дина Сметанкина, – был у нас доктор Шишов – странный человек. Вдруг ни с того, ни с сего начинает командовать: «Я вам приказываю, вам ясно? Я так хо-

чу, вам ясно?» – хотя ничего ясного не наблюдалось. А то выбежит во двор, кружится вокруг дерева, кривляется, пританцовывает и хохочет. Когда же садился в мою машину, хватался за пистолет, размахивая им у самого носа, орал: «Обгоняй, приказываю!». А впереди никого нет, обгонять-то некого. Однажды он чуть не замерз, еле отыскали его возле дороги в снегу.хлопот он всем доставлял немало. Сначала думали, что он самодур, потом стали жалеть, как больного, мол, умом тронулся. На самом же деле он оказался морфинистом. А по-моему, он просто трус, имитировал наркоманию, чтоб отослали его в тыл, подальше от передовой, где стреляют. И его, действительно, убрали от нас.

Впереди по ходу колонны показалась извилистая, голубая лента речки. На обочине дороги появился солдат с красным флажком и указал поворот в сторону какого-то сельского строения, виднеющегося среди деревьев.

– Наконец-то привал, – предположила Дина и круто повернула баранку в сторону уже установленной палатки санитарной части.

Смолкли танковые и автомобильные моторы. Развернулась полевая кухня. Где-то недалеко продолжалась война, а здесь установилось странное затишье. Присев в траве, можно было послушать знакомое с детства стрекотание кузнечиков, увидеть, как хлопчут муравьи, начавшие готовиться к зиме. Все это побуждало на мгновения забыть о войне, вспомнить, что есть еще и другая – мирная жизнь, для достижения которой нужно преодолеть еще много боев.

6 сентября весь день и ночь саперы бригады совместно с саперами 89-й стрелковой дивизии сооружали мост через речку. На другой день танки, переправившись на противоположный берег, ворвались в деревню Черемушную. И в непродолжительной схватке с противником овладели центром деревни. Но немцы, воспользовавшись тем, что танки действовали без поддержки пехоты, открыли минометный огонь и бросили в бой своих автоматчиков, которые из-за домов и строений забросали танки гранатами и сожгли шесть машин. Освободить деревню с ходу не удалось.

Четыре дня продолжались бои за Черемушную. И только 11 сентября врага удалось выбить из деревни. В этот день много пришлось потрудиться Д. Сметанкиной. Доставив в госпиталь последнюю группу раненых, она помогла снять их с машины. К ней подошел старшина Кузин и попросил поискать у жителей поселка

керосиновую лампу для освещения операционной. С двумя своими подругами Дина долго ходила по селу. У кого ни спросит, отвечают: «Нет лампы». Наконец зашли в дом какого-то старика, у него на простенке между окнами висела хорошая подходящая лампа. Девушки обрадовались. Но старик отдавать лампу не пожелал. Дина стала уговаривать его, спросила:

– У тебя есть дети?

– Да, два сына, оба на фронте. А мне уже 81 год, мне самому нужна лампа, – ответил он.

– Я шофер санитарной машины, уже третьи сутки вожу раненых. Знаешь ли ты, сколько их лежит сейчас под открытым небом на земле и ждет помощи врача? А врач сутками не выходит из операционной. Ему не хватает света. И сейчас, может быть, на операционном столе лежит твой сын и он умрет, если доктор не сможет помочь ему. Как ты думаешь, зачем я вожу сюда раненых? Чтобы они здесь умирали? Из-за твоей жадности, – уже не говорила, а кричала и плакала Дина.

И старик сдался. Снял со стены и вручил ей свою лампу.

«Мы передали лампу старшине, – вспоминала Д. Сметанкина (Киреева), – а у него уже была ко мне вторая просьба – привезти с поля картофель.

– Кухня нашей больницы рассчитана на 200 человек, а мы приняли полторы тысячи. Чем их кормить? – убеждал он меня.

– Хорошо, где эта картошка? Я ее привезу.

– Как где? На поле.

– И что же, мне ее нужно будет копать?

– Наверное, только чтобы не знал об этом начальник госпиталя. Если он узнает, то ни мне, ни тебе не сдобровать.

Ну раз надо, значит надо. Старшина выделил несколько человек из числа легкораненых, и мы поехали на картофельное поле. Картошка оказалась уже вырытой то ли от взрывов мин и снарядов, то ли ее выкопали бойцы. Нам оставалось только картофель собрать, заодно мы накопали свеклы. По прибытии на складе получили муку, соль, масло. Нашли ведра. Разожгли огонь. Легкораненые приготовили еду. Сами неплохо подкрепились и накормили тех, кто не мог передвигаться. Все было хорошо. Но начальник госпиталя об этом узнал. Что стало со старшиной, я не знаю. Меня же он арестовал на двое суток за мародерство.

– Не ходи на колхозные поля. Ты что, хочешь дизентерию распространить в госпитале? – сказал начальник и, забрав у меня ре-

мень, отправил отбывать наказание в дезкамеру, мы ее называли вшивобойкой. На улице ясно, жарко, а в камере прохладно, на полу свежая солома. Нет худа без добра, хоть немного отдохну, – подумала я и не заметила, как уснула. Проснувшись от прикосновения чего-то скользкого, неприятного. Думала, что это лягушка, а я их страшно боюсь. Пригляделась, вижу, на веревке болтается солдатский котелок, опущенный в отверстие, сделанное в крыше. На улице уже стемнело, на сердце тревога.

– Что это за котелок? – кричу я.

– Этот котелок с медом, его тебе ламповый дед прислал. Сынто его действительно оказался на операционном столе, – кричит мне кто-то с крыши.

Попробовала, правда, мед, да еще какой сладкий. А тут и старшина пришел освобождать меня из заточения. Я чмокнула его в щеку и побежала к своей машине. Через полчаса была в подразделении. О гауптвахте доложила комбригу, а о медке умолчала».

Понесся значительные потери в боях за деревню Черемушную, бригада два дня приводила технику в порядок. А 13 сентября, взаимодействуя с пехотой 89-й стрелковой дивизии, продолжила наступление на запад через населенные пункты Пеньково, Федоровка, Валки. В пути комбриг полковник А. М. Попов и начальник политотдела В. В. Кропотов послали очередной рапорт Челябинскому обкому комсомола. В рапорте говорилось: «Получив боевой приказ, мы дали клятву – там, где стоит 96-я танковая бригада, враг не пройдет... У стен Харькова мы потеряли боевых друзей-танкистов Коваленко, Мельникова, Шаньгина, Зиновьева...

И. В. Сталин объявил благодарность освободителям Харькова. По решению ЦК ВЛКСМ наша первая комсомольская бригада будет показана на всесоюзной выставке «Комсомол в Отечественной войне». Материалы выставки отобразят весь боевой путь комсомольской бригады. Бессмертные подвиги Богомолова, Бабкина, Погодина, Ковриги и других товарищей войдут в историю Отечественной войны советского народа как одна из славных ее страниц...

Впереди предстоят еще жестокие и решающие бои...

Мы призываем вас к самоотверженному труду... Будьте уверены, что ваши танки в умелых руках танкистов бригады имени Челябинского комсомола еще покажут чудеса в борьбе с ненавистным врагом.

Да здравствует 25-я годовщина Ленинско-Сталинского комсомола!

Да здравствует Рабоче-крестьянская Красная армия!

Да здравствует великий Сталин!»

В Полтаву бригада вошла, когда город был объят пожарами, а на его окраинах шли бои. Продолжая преследование противника, танкисты 331-го батальона Мажаева и артиллерийской батареи Галина в конце сентября вышли к Днепру. Стрелковые подразделения, не ожидая подхода подкрепления, приступили к форсированию реки в районе Переволочной. Танкисты огнем своих орудий обеспечивали высадку десанта. Группа смельчаков на противоположном берегу захватила плацдарм и теперь старалась удержать его.

Батарея Галина не успела развернуться на окраине прибрежного села, как раздался вой и свист падающих бомб. В воздухе появилась армада фашистских самолетов. Самолеты шли на переправу четверками. Отбомбившись, четверка уходила в сторону, а ее место занимала другая. Вода в Днепре буквально кипела от разрывов бомб и падающих осколков. Поступил приказ 331-му танковому батальону с ротой мотострелков и артиллерийской батареей приготовиться к переправе на правый берег Днепра, на плацдарм для усиления частей 49-го стрелкового корпуса.

Уже стемнело, с реки дул прохладный ветерок. На небесах среди просветов между облаками то появлялся, то исчезал двурогий месяц. С обеих сторон замолкли выстрелы. Лишь изредка взлетали вверх осветительные ракеты. Слегка шептали о чем-то набегающие на песчаную отмель волны потемневшего в ночи Днепра, придавая обстановке какую-то таинственность и неопределенность.

Погрузка на паромы завершилась быстро и организованно. Батарея переправлялась одновременно с легкими танками «Т-70». Паромы медленно отходили от берега. Течение сносило их вниз по реке. Одна за другой взлетели вверх три осветительные ракеты. Немцы заметили переправу и открыли артиллерийский огонь. Один из снарядов попал в носовую часть впереди идущего парома. В результате чего танк «Т-70» повалился набок и опрокинулся в реку. Напором воды из люка танка выбросило механика-водителя Захара Кузеева. Он успел схватиться за понтон, идущий следом, артиллеристы бросили ему орудийные лямки и вытащили на па-

ром. Еще два танка ушли под воду с разбитых идущих следом паромов. Остальные паромы, преодолев опасную зону, один за другим продвигались к берегу.

А в это время выше по течению, по мосту, наведенному саперами, и тоже под огнем противника, переправлялись «тридцатьчетверки» батальона. Всего удалось за ночь переправить восемь танков. Пехота на плацдарме встретила танкистов на ура. Комбат Мажаев приказал как можно глубже вкопать «Т-70» и орудия в землю и подготовиться к обороне. На подготовку к бою ушла вся ночь.

Утром, едва рассеялся туман, со стороны противника раздался гул моторов и появились первые немецкие танки. «Они вели себя не совсем обычно, – вспоминал И. И. Тюренков. – Сначала вперед вышли одиночные машины, сделали по два-три выстрела, уходя от нашего огня, скрылись за высотой. Через несколько минут оттуда показались башни, а затем и длинные стволы «пантер». В воздухе двумя подковами выстроились «юнкерсы». Открыла огонь немецкая артиллерия. Все потонуло в огненном грохоте и пыли. Два или три наших танка запылали черными факелами. И тогда, почти одновременно, из-за высоты пошли гитлеровские танки, а за ними бронетранспортеры с пехотой. Это была массированная атака, продуманная с немецкой аккуратностью и рассчитанная на то, чтобы одним ударом смять и опрокинуть в реку защитников плацдарма.

Наши танкисты и артиллеристы стойко отражали атаку врага, непрерывно вели огонь. Но защитников плацдарма становилось все меньше и меньше. Одно орудие с развороченным щитом понуро склонило ствол к земле. У орудий первого взвода за наводчиков действовали Галин и Кичев, оба почерневшие от дыма.

– Снаряды! Давай снаряды! – непрерывно кричал командир батареи.

Все больше немецких танков оставались неподвижными. Но основная их масса неудержимо двигалась вперед. Они уже прошли через окопы впереди действующей пехоты. Казалось, вопрос решен. Кое-кто дрогнул. И в это время за тягачами батареи послышался басовитый рокот «тридцатьчетверок». Это подошли переправившиеся через Днепр остальные танки батальона».

Несколько дней на плацдарме продолжались кровопролитные бои. Танкисты, артиллеристы и автоматчики принимали здесь на себя всю их тяжесть.

Основные силы бригады подходили к Днепру со стороны населенного пункта Кобеляки, уже зная, что батальон Мажаева в бою. «Мы переправлялись через Днепр тоже ночью, – вспоминал С.В. Казанцев. – На каждой самоходной барже располагались по два танка и по одной-две автомашины. В темноте днепровская вода казалось черной, как чернила. Небо над головой прощупывали лучи прожекторов. Сильной стрельбы не наблюдалось. Она началась рано утром, когда мы, высадившись на берег, сосредоточились на плацдарме. Теперь здесь уже были все подразделения бригады, а комбриг разместил свой командный пункт в районе села Мишурин Рог.»

10 октября под прикрытием артогня и непрерывных налетов авиации противник весь день атаковал защитников плацдарма, пытаясь сбросить их в реку. Но в итоге отступил, оставив на поле боя подбитых три танка и до роты пехоты убитыми. Вечером начальник политотдела со своими помощниками прошел по траншеям, благодарил солдат за стойкость, вселял в них уверенность в неизбежной победе. Особой похвалы заслужили в тот день отличившиеся в бою старший лейтенант Зайков, лейтенанты Давыдов, Игнатьев, Морозов, Филиппов, командир танка Коробов, механики-водители Копсергенов, Денежный, командир роты автоматчиков Кузнецов, наводчик орудия В. Букин и другие. Раненого командира танковой роты Иванникова пришлось переправить через Днепр на Большую землю.

Утром 11 октября бои возобновились. Противник пытался обойти защитников плацдарма с левого фланга и отрезать их от берега Днепра. Но он не учел, что за ночь танки сменили позиции, а на плацдарм переправилось подкрепление. Вначале враг имел успех. Он разбил преградившую ему путь пушку Галина, ее наводчик Дзюбенко погиб. Два немецких танка с пехотой устремились в прорыв. Им навстречу выдвинулась «тридцатьчетверка» лейтенанта Русина, ведя огонь на ходу. Вокруг танка и на его броне рвались снаряды, он получил пробоину, остановился, окутался дымом. Погиб лейтенант Русин. Но экипаж продолжал вести огонь. На помощь ему подошли танки из числа переправившихся через Днепр ночью. Они и решили исход боя. Враг, бросая убитых и раненых, начал быстро отходить. Танки бригады преследовали его, за ними поднялась пехота.

12 и 13 октября продолжались бои за расширение плацдарма, а на правый берег продолжали высаживаться все новые стрелко-

вые подразделения. 14 октября войска с плацдарма начали общее наступление. 96-я танковая бригада вновь пошла вперед, один за другим освободила населенные пункты: хутор Веселый, Вольные Хутора, Алферовку, Гуровку, Николаевку. Серьезный бой разгорелся за хутор Попова. Здесь противник пытался сдержать напор наступающих советских войск, сосредоточив в районе хутора значительное количество артиллерии и пехоты. Проведя тщательную разведку, комбриг А.М. Попов отдал приказ атаковать противника с одновременным обходом хутора с обоих флангов. Танк лейтенанта Михаила Лепиева атаковал село в центре. Несмотря на сильный огонь противника, раздавил несколько пулеметных точек, преодолел траншею врага и въехал на улицу села. Снаряд вражеской пушки угодил ему прямо в башню. В ушах командира что-то зазвенело и затрещало, во рту появился привкус окалины.

– По нам бьют из-за каменного дома! – кричал механик-водитель Леонид Черноок.

– Вижу! Снаряд! – подал команду Лепиев.

Танк, сломав ограду и деревянный сарай, обошел дом слева, стреляя на ходу, атаковал пушку, смял ее, таранил оказавшуюся рядом автомашину и, выскочив на площадь, остановился. Теперь, находясь в тылу вражеских траншей, он вел огонь из орудия и пулемета, расчищая путь пехоте.

В это время мотострелки с криком «Ура» бросились на противника. Первыми достигли вражеских окопов бойцы отделения Андрея Кожуховского. Замелькали в воздухе штыки, ножи и приклады. С подошедшей на помощь «тридцатьчетверки» прыгали танкодесантники и бросались в гущу рукопашного боя. Танк, развернув башню, палил из пушки вдоль траншеи. Среди гитлеровцев началась паника. Обнаружив танки у себя в тылу, они побежали, бросая технику и вооружение.

До конца октября челябинцы находились в непрерывных боях. В один из артналетов немецкий снаряд попал в блиндаж связистов и разбил радиостанцию. Комбриг приказал командиру взвода связи И.С. Кутлубаеву во что бы то ни стало восстановить радиосвязь. Старшина Юрий Исбаш пытался отремонтировать рацию, орудя вместо отвертки изящным кинжалом. Таких монгольских ножей в бригаде было много: все добровольцы первого набора получили их в подарок от златоустовских оружейников перед отправкой на фронт в мае 1942 года. Искандер Кутлубаев взял из рук

Юрия нож, потрогал его лезвие пальцем и, вопросительно посмотрев на Исбаша, спросил:

– Ты обратил внимание, как вчера на нашей волне работал немец? У него рация наверняка исправная.

– Да, заметил, так ты что, решил захватить ее? – догадался Юрий.

– А для чего же нам земляки вручили вот эти кинжалы? – многозначительно заметил Кутлубаев.

В полночь группа связистов во главе с И. Кутлубаевым и Ю. Исбашем перешла линию фронта и углубилась в тыл врага.

Комбат держал наготове два танка, ожидая условного сигнала от связистов. Ночь на удивление прошла спокойно. Под утро раздался окрик часового и ответ на него: «Челюскинцы!» – это был пароль И. С. Кутлубаева. Связисты возвращались без потерь, несли с собой радиостанцию и питание к ней. В этот же день трофейная радиостанция заработала на нового хозяина.

Через некоторое время немцы сделали попытку прорвать линию обороны на участке, занимаемом бригадой. Минут десять работала их артиллерия, а потом стало тихо, так тихо, что телефонистка Лида Воронкова, бывшая комсорг из Копейска, подумала, что она потеряла слух. Но слышались выстрелы, и она увидела цепь немецких солдат, быстро спускающихся под гору. «Скоро они будут здесь», – с тревогой подумала Лида, помогла выбраться из-под обрушившихся стенок окопа своим подругам Дусе Луканиной и Ане Семеновой, сняла трубку телефонного аппарата, а связи нет. Где-то обрыв провода. Передав трубку Е. Луканиной, она схватила провод и побежала вдоль него. Обрыв оказался недалеко от окопа, но, чтобы устранить его, не хватало метра два провода. Немцы же подошли совсем близко, уже слышны их голоса. На помощь Л. Воронковой подбежала А. Семенова. Лида зажала в руке один конец провода, Аня – другой, и девушки, крепко взявшись за руки, замкнули цепь. Е. Луканина успела передать о приближении немцев и получила приказ быстро отходить. Сложив аппарат, и на ходу наматывая провод на катушку, чтобы он не достался врагу, связистки побежали в сторону деревьев. Преодолев рощу, они увидели танки 228-го батальона. Танкисты, открыв люки, что-то кричали им, но что – понять было невозможно. Девушки махали вслед танкистам руками.

Выслушав доклад связисток, командир взвода И. С. Кутлубаев объявил Л.Е. Воронковой, Е.К. Луканиной и А.Н. Семеновой благодарность за находчивость и дал им два часа на отдых.

29 октября наступила передышка. Решением командования бригада передавалась в состав 57-й армии и выводилась на отдых и доформирование. Наконец-то бойцы получили возможность привести себя и технику в порядок, написать письма домой, а парторги и комсорги готовились к проведению очередных собраний в подразделениях, организовывали встречи танкистов и мотострелков с населением освобожденных районов.

7 ноября поступило в бригаду письмо от комсомольского актива Челябинской области, комбриг А. М. Попов зачитал его перед строем. Земляки поздравляли в письме воинов с 26-й годовщиной Великого Октября, писали, что гордятся их победами на фронте, желали новых успехов в ратных делах, сообщали о новостях Челябинска и о положении на трудовом фронте.

«Получение коллективных писем из Челябинска для бойцов и командиров всегда было маленьким праздником, – рассказывал бывший командир взвода танков «Т-70» старший лейтенант в отставке Петр Иванович Мокрак, ныне проживающий в Миассе. – Я, например, родился на Украине, в 96-ю танковую бригаду попал после пребывания в госпитале, когда шли бои под Белгородом. Бригада была небольшим, но значительным по огневой мощи мобильным подразделением. Ее часто перебрасывали в места скопления противника, поэтому, как показывали пленные, 96-ю танковую бригаду хорошо знали и в стане врага. Только называли ее фашисты не бригадой имени Челябинского комсомола, а бригадой сталинских головорезов.»

17 ноября 1943 года командование бригадой принял подполковник Валентин Алексеевич Кулибабенко. Челябинцы в это время находились на рубежах в районе хутора Солдатский и деревень Балка Каменоватая, Лелековка Кировоградской области. Здесь против них действовали части 76-й пехотной дивизии и танковой дивизии «Мертвая голова». Задача бригады заключалась в том, чтобы быть готовой к отражению возможных атак на правом фланге 57-й армии. В декабре здесь развернулись ожесточенные бои. «Вначале мы двинулись к деревне Мышеловка, – вспоминал С.В. Казанцев, – но немец, занимавший господствующие высоты 154,7 и 169, встретил нас пулеметным и минометным огнем, да та-

ким, что вывел из строя разведку и сильно потрепал минометную роту. Местность там была сильно изрезана оврагами. Мы, оставшиеся в живых, по этим оврагам отходили назад.

И в пылу боя потеряли своего комбата Руссола. Вернулись на исходные позиции, а его нет. Федя Рудаков – бесстрашный парень, не боявшийся ни бога, ни черта, – пополз обратно к «немцу» искать своего командира. Прополз усеянную трупами поляну, заглядывая в лица убитых, и вдруг в балке увидел, как мелькает среди кустарника белый воротник полушубка полузамерзшего, но живого комбата. Руссол, оказывается, заблудился среди многочисленных лабиринтов оврагов, наткнулся на немецкого связиста, проверявшего, по-видимому, линию связи. Немец схватился за автомат, висевший у него на шее вместе с катушкой, и запутался в ремнях катушки. Мгновения хватило на то, чтобы Руссол, выхватив кинжал, набросился на фашиста и без шума расправился с ним. Понимая, что немцы будут искать своего связиста, он побежал по оврагу, долго полз по глубокому снегу, пока не услышал знакомый окрик Рудакова. Вскоре Ф. Рудаков получил из рук В. А. Кулибабенко орден Славы 3-й степени за спасение командира».

После этого неудачного боя командование решило прежде всего сбить противника с высот. При взятии одной из них командир танка Алексей Филимоненко обратил внимание на то, что от многочисленных разрывов танковых снарядов на высоте образовалось какое-то сплошное бурое облако, которое ветер относил в сторону деревни. Филимоненко по припорошенному снегом кустарнику совершил маневр, прошел через облако и неожиданно для гитлеровцев ворвался на высоту. Далее все решила мощь «Т-34». Через два дня в резолюции на наградном листе А. Филимоненко командир гвардейской стрелковой дивизии генерал Яковлев написал: «Смело давил огневые точки противника и обеспечил захват важной высоты 154,7. Достоин награждения орденом Красного Знамени».

В декабрьских боях 1943 года отличились также: экипаж танка Александра Морозова, командир взвода Петр Дрозденко, минометчик Петр Машкин, мотострелки Д. Палий, В. Булгаков, П. Гусаров, П. Жуков, Харитонов, пулеметчик С. Казанцев и другие.

Бои продолжались с переменным успехом весь декабрь, но фронт на этом участке не продвигался. В период затишья между боями самым желанным человеком в подразделениях бесспорно

считался почтальон Чемофан. Счастливики, получившие письма из дома, делились новостями с товарищами, а товарищи охотно советовали им, что и как надо писать домой с фронта, просили передавать приветы родным и близким. Предметом особого обсуждения становились письма, полученные от комсомольских организаций и коллективов Челябинска, в которых труженики тыла сообщали о своих успехах в социалистическом соревновании, о количестве выточенных деталей, о количестве собранных узлов, о сэкономленном горючем и электроэнергии и желали фронтовикам новых побед и скорейшего возвращения на родину. В ответ на патриотические порывы тружеников тыла бойцы и командиры тоже брали на себя социалистические обязательства. 13 декабря 1943 года в ОК ВЛКСМ пришло с фронта очередное сообщение из бригады, оно заканчивалось так: «Мы берем на себя обязательства: 1. Довести личный счет каждого комсомольца-стрелка до 80 уничтоженных фашистов. 2. Довести личный счет каждого башенного стрелка до 150 уничтоженных фрицев, каждого командира машины – до 5 уничтоженных танков противника.

Дорогие товарищи! Работайте настойчиво и упорно давайте фронту больше боевых машин. Да здравствует наш могучий советский тыл, ставший в условиях войны еще более сплоченным! Да здравствует наша Коммунистическая партия и великий вождь всех народов И. В. Сталин!

От имени комсомольцев танковой бригады имени Челябинского комсомола старший лейтенант Смирнов, старшина Кузьминский, старший сержант Писарев, красноармеец Мадейченко».

1943 год завершался убедительными победами советского народа на фронте и в тылу. 31 декабря состоялся митинг в 96-й танковой бригаде. В.А. Кулибабенко и В.В. Кропотков поздравили своих танкистов, артиллеристов, мотострелков и разведчиков с новым, 1944, годом, пожелали им успехов в предстоящих боях. А потом показали свое мастерство артисты художественной самодеятельности. К вечеру установилась тихая безветренная погода и пошел густой пушистый снег. Крупные снежинки медленно, как на парашюте, опускались на землю, создавая вокруг сплошную белую пелену. Из блиндажа связистов доносились знакомые, согревающие душу позывные московской радиостанции. «Ши-ро-ка стра-на мо-я род-на-я», – словно падали музыкальные капли в слегка потрескивающем эфире.

Несмотря на то что на фронте уловить удобный момент и отоспаться в тепле являлось большим желанием утомленных войной бойцов, в новогоднюю ночь многие не спали. Комсорг мотострелкового батальона раздобыл где-то еловых веток и раздал их по землянкам и блиндажам. Почтальон Чемоданов не стал дожидаться утра и разносил адресатам письма с родины. Зашел в землянку к верхнеуральцу В. Ненчину, к карабашцам П. Бабкину и Г. Бабушкину, а их на месте нет. «Они несут службу в наряде», – пояснил ему сержант И. Зайцев – доброволец из Аргаяшского района. И тогда Чемоданов развешивает письма на имитирующей елку сосновой ветке и уходит со словами: «Пусть письма будут им новогодним подарком».

На линии фронта установилась абсолютная тишина. Немцы тоже готовились к встрече Нового года. Но на передовой тишина обманчивая, поэтому в праздничный наряд в новогоднюю ночь, следуя правилу, установленному еще первым комиссаром бригады И. Ф. Захаренко, заступили лучшие из лучших комсомольцев. Стрелка часов приближалась к 12 часам ночи, как вдруг раздался оглушительный грохот орудий. Пехота повыскакивала из своих убежищ. Что это? Наступление? Оказалось, что командир танкового батальона Кульков решил отметить наступление Нового года одновременными залпами из всех танковых пушек по обороне врага. Он, наверное, палил бы долго, но вмешался комбриг, приказавший экономить снаряды. Немцы, вероятно, тоже испытывали трудности с обеспечением боеприпасами, так как аналогичного ответа с их стороны не последовало.

В начале января 1944 года 96-я танковая бригада находилась в резерве 57-й армии. Танкисты проводили ремонт боевой техники и проверяли ее надежность. А в это время созданный сразу после Нового года подвижной отряд во главе с капитаном Г. Руссолом в составе двух танков «Т-70», роты мотострелков и взвода разведки при взаимодействии с частями стрелковой дивизии периодически совершал дерзкие ночные вылазки за линию фронта в районе села Верблюжки. Крушил тыловые сооружения, нарушал связь, атаковал и контратаковал противника. За смелые рейды в тыл врага и проявленное героичество все бойцы отряда были награждены правительственными наградами, а их командир Г. Руссол удостоен ордена Красного Знамени.

14 января бойцы подвижного отряда возвратились в свои подразделения. В этот же день из бригады выехала делегация с рапор-

том в Челябинский ОК ВЛКСМ. В письме, которое танкисты повезли с фронта, говорилось о боях, проходивших за Днепром, о героизме, проявленном комсомольцами Гусаровым, Гуровым, Кукурузой, Булгаковым и другими бойцами и командирами. Своим тыловым друзьям фронтовики писали: «Бойцы и командиры любят и гордятся своей бригадой... Никогда не померкнет слава сражений за Харьков, Белгород, за расширение плацдарма на правом берегу Днепра, за которые бригада получила благодарность Верховного главнокомандующего маршала Советского Союза товарища Сталина. Мы идем с боями вперед на запад... Нас вдохновляет и поддерживает сознание того, что советский тыл, трудящиеся Челябинской области, создавшие нашу бригаду, днем и ночью куют грозное оружие. Клянемся, что врученное вами оружие и дальше будет использовано на полную мощность. Будет день, он уже недалек, и мы вернемся к вам с победой».

15 января подъем в подразделениях бригады прозвучал на час раньше. По тревоге экипажи занимали свои места, запускали двигатели, проверяли готовность вооружения. По команде комбрига танки двинулись вперед, освобождая от врага один за другим населенные пункты, и, не останавливаясь в них, продолжали марш в направлении Анновка–Шпаков–Чичилово–Спасово. Комбриг со своим штабом переместился на окраину села Верблюжки, тылы бригады сосредоточились в Спасово, танковые батальоны заняли рубежи западнее села Верблюжки».

8 марта, когда снег уже растаял, а дороги превратились в непроходимое месиво грязи, четыре танка «Т-34» нанесли удар по вражеским позициям в районе Мог–Высокая. Танки лейтенанта Денисова и лейтенанта Вишнепольского, вырвавшись вперед, достигли траншей врага, давили огневые точки и расстреливали пехоту из орудий и пулеметов. Увлечшись боем, экипаж Денисова не заметил, как из окопов поднялся гитлеровец, швырнул гранату и скрылся за бруствером. К окопу устремился танк Вишнепольского, накрыл его и, сделав несколько оборотов на месте, раздавил убежище фашиста. Денисов же из поврежденного танка продолжал ловить в перекрестье своего прицела разбегающиеся группы гитлеровцев и разил их осколочными снарядами. Только после того, как закончился весь боекомплект и были израсходованы последние патроны, экипаж покинул поврежденную машину.

Весь март бригада находилась в непрерывном наступлении, освобождая советские населенные пункты, причем так стреми-

тельно, что бойцы не успевали запоминать названия освобожденных сел и деревень. «10 марта бригада овладела селом Мог и завязала бой у Братолюбовки. 12 марта овладела важным опорным пунктом гитлеровцев селом Широкое. Здесь в рукопашном бою отличился сержант Пугачев и рядовые Федоренко и Муратов, они уничтожили более полутора десятков фашистов. 14 марта мотострелковый батальон челябинцев ворвался в населенный пункт Кочубеевка и освободил его. В этом бою отличились сержанты Белов, Булгаков и рядовые Котенков, Бурнаков, Климентьев. Они метким огнем заставили замолчать три пулеметные точки, истребили более двадцати гитлеровцев. 17 марта были взяты Николо-Бабанк, Манжалей и Красный Яр».

19 марта тылы бригады сосредоточились в селе Бобринец Кировоградской области, а отдельные ее подразделения уже подходили к Южному Бугу, среди них два танка «Т-70», взаимодействовавшие с пехотой, командир одного из них П. И. Мокрак вспоминал: «Нас было четверо друзей-танкистов: В. Чепилин, В. Худяков, Н. Филатов и я. Все мы воевали на легких танках «Т-70», помогали друг другу, обменивались опытом. За Днепровским плацдармом В. Чепилин пересел со своим экипажем на «Т-34». «Вот теперь я повоюю по-настоящему, – не без гордости говорил он. – «Т-34» – это не семидесятка». Но при занятии очередного населенного пункта ему преградил путь немецкий танк «тигр».

– Бронебойный! – подал команду Чепилин.

Заряжающий схватился за рукоятку клин-затвора, силился открыть его, но не смог. Затвор заклинило. Секунды уже не бежали, а летели, как пули.

– Бронебойный! Бронебойный! – кричал Чепилин.

Механик-водитель, увидев, как хобот «тигра» остановился, нацелившись на их танк, открыл люк, выпрыгнул на землю, упал, распластавшись, вдоль гусеницы, и в это время раздался выстрел. В. Чепилин, заряжающий и пулеметчик погибли.

Через девять дней, расположившись в избе очередной освобожденной деревни, мы раздобыли шнапс и решили помянуть Володю Чепилина по старинному русскому обычаю. В. Худяков, пригубив чарку, вышел во двор дома и увидел, как поблизости в гору тянет немецкий автомобиль пушку. В. Худяков быстро занял место в танке и успел выстрелить несколько раз по немцам. Осколочных снарядов у него не оказалось, он посылал гитлеровцам

бронейбойные. Немцы увидели, что снаряды-то не разрываются, развернули свою пушку и... В. Худякова тоже не стало. Броня-то у «семидесятки» была всего 35 миллиметров.

К Южному Бугу в районе Первомайска мы подошли вдвоем с Н. Филатовым. Тылы бригады тогда отстали километров на двести. Комбат позвал нас к себе и спросил, указывая рукой в сторону реки:

– Видите впереди село?

– Да, видим.

– Так вот, его нужно взять! Пехота пойдет с вами.

Метрах в ста от села желтой лентой тянулись окопы противника. Мы достигли их и пошли вдоль траншеи, простреливая ее из пушек и пулеметов. Немцы бросились врассыпную. Через прицел своей пушки я видел, как, собравшись в три группы, они отходили в сторону села. Впереди, правее по ходу, стояло обгоревшее дерево с подозрительно пристроившейся к нему копной сена, дал по копне на всякий случай несколько выстрелов осколочными. А там оказалась замаскированная пушка, поджидавшая удобного момента, чтобы ударить нам в борта. Но об этом я узнал после боя от пехотинцев, которые с одобрением говорили нам: «Ох вы и дали, пушку разбили вдребезги, трупов там тьма валяется».

Преодолев вражескую траншею, преследуя противника, мы приближались к селу.

– Танкист, разреши сесть на танк, – обратился ко мне командир взвода пехоты.

– Садитесь, только смотрите, чтоб ноги под гусеницу не попали.

Солдат насело человек десять, и мы привезли их в деревню. В деревне же – ни души. Догорали колхозные сараи и коровники. Дома стояли пустыми. Жители покинули их еще перед боем, а немцы бежали через мост на противоположную сторону Южного Буга, взорвав за собой переправу.

Переночевав в деревенской избе, рано утром я встал, вышел на крыльцо дома. На востоке из-за полусгоревшего амбара поднималось солнце. На крутом обрывистом берегу реки одинокое дерево упорно сопротивлялось напору холодного ветра, пытавшегося прижать его к земле. На реке местами сохранялся еще лед. Но уже чувствовалось дыхание весны. Немцы частенько постреливали с противоположного берега. Весь день прошел в ожидании очеред-

ного приказа. И только вечером, когда стемнело, ко мне прибыл посыльный от командира стрелкового полка и доложил о том, что командир ждет танкистов в своем штабе.

– Мы начинаем переправу через Южный Буг, – сообщил нам комполка. – Ваша задача – встать на берегу и гасить орудийным огнем пулеметные гнезда противника.

– Товарищ полковник, у нас нет осколочных снарядов.

– А какие у вас пушки?

– 45-миллиметровые.

– Выдать им по ящику снарядов из нашего комплекта, – дал распоряжение комполка своему заместителю.

Выйдя из штаба, я обратил внимание на то, как бойцы пехоты готовились к высадке на плацдарм. Какой-то рыжеволосый совсем юный солдат старательно перематывал свои обмотки. Другой солдат примерял на себя снаряжение, с помощью которого ему предстояло доставить груз на противоположный берег. Какой-то пожилой, с пшеничными усами, в помятой шинели ефрейтор бегал и искал почтальона. Он написал письмо на родину и теперь не знал, куда его деть.

Мы установили свои два танка на левом берегу и внимательно наблюдали, как понтоны с пехотой шли к противоположному берегу и исчезали в темноте. Благополучно переправившись, пехотинцы приготовились к бою. Утром немцы, подтянув резервы, пошли в атаку. Весь день на плацдарме шел жестокий бой. Мы расстреляли все свои снаряды, да и что мы могли сделать своими двумя «сорокапятками»?..

На плацдарме заканчивались боеприпасы. Бойцы оказались в безвыходном положении: сзади – стремительное течение реки, впереди – враг. Защитники плацдарма держались до последнего и все погибли». А в это время в нескольких десятках километров от Первомайска готовились к переправе основные силы. «22 марта 1944 года, – вспоминал С. В. Казанцев, – нас, 27 десантников, без поддержки и прикрытия бросили на западный берег Южного Буга.

Когда мы двигались по подтаявшему весеннему льду, немцы заметили нас и открыли огонь из минометов. Мины разрушили лед, и шесть человек из нашей группы утонули просто так, молча. Добравшись до высокого песчаного берега, мы захватили плацдарм, окопались и приготовились к бою. Но немцы-то оказались не дураками, они не пошли в атаку, а накрыли плацдарм сплошным минометным огнем, в результате чего стенки наших окопов

осыпались, и весь плацдарм превратился в «кашу». Когда огонь противника закончился, живых на плацдарме оставалось пять человек. Впереди меня, метрах в 25-ти, в песчаной лунке лежал с перебитыми ногами Сережа Старичков. Чтобы остановить кровотечение, он вместо жгута использовал свои обмотки, перетянул ими ноги выше колен и, преодолевая адские боли, уже с провалами в сознании, кричит мне:

– Славка, приготовь пулемет, сейчас подойдут немцы. И как только я встану на колени, бей по ним. И в первую очередь – по мне.

– Да ты что, Серега, держись, – ответил я ему».

В этом месте старый солдат прервал свой рассказ, смахнул набежавшую слезу, справился с волнением и продолжал:

«Их подошло человек восемь. Довольные. Окружили Сергея. Гогочут, рассматривают его, думая, что он один в живых остался. А Сергей приподнялся на колени и кричит: «Славка, огонь!». И я ударил из пулемета, пытаюсь отрезать гитлеровцев от Старичкова. Стрелял до последнего патрона. А потом, медленно замерзая, в обледеневшей одежде, сквозь слабеющий шум в ушах, я отчетливо услышал: «Мать, бога мать», – кто-то крепко ругался по-русски. Оказывается, на противоположном берегу уже выстроились в ряд 12 орудий и вели огонь по врагу.

Прошло немного времени, и я увидел перед собой склонившего ко мне старшего лейтенанта-артиллериста, того самого, чей властный голос только что слышал.

– Спасибо, браток, – сказал он мне и тут же распорядился: – Дать ему спирта!

– Я не пью.

– Пей, твою мать, ты знаешь, кто с тобой говорит?

– Да знаю, знаю.

После чего нас, оставшихся в живых, переправили в село, в жарко натопленную баню, из которой мы вышли, как вновь родившиеся.

Сергей же Старичков погиб. Вполне возможно – от моей пули, поэтому воспоминания об этом бое мучают меня всю жизнь».

В это время подразделения 96-й танковой бригады, переправившись на правый берег, вели бои за расширение плацдарма совместно со стрелковыми дивизиями 57-й армии. Они выбили противника с рубежей Южного Буга и преследовали его, освобождая населенные пункты Одесской области.

В этих боях вновь отличился верхнеуралец Василий Ненчин. Он одним из первых ворвался во вражескую траншею, дал вдоль нее автоматную очередь, бросил гранату в следующее колено траншеи и, ведя огонь, продвигался вперед. Немцы, отстреливаясь, отходили. Одна из пуль обожгла Василию бедро. Получили ранения и его товарищи К. Иванов и пермяк П. Катаев, но ни один из них не вышел из боя. Помогая друг другу, они вели прицельный огонь из только что принадлежавшего противнику окопа, оказывая существенную помощь своим наступающим товарищам.

Вторая рота мотострелкового батальона короткими перебежками быстро приближалась к селу, на самой его окраине из окна хаты противник встретил бойцов пулеметным огнем. Мотострелки залегли. На раздумывание времени не оставалось. Михаил Бурнаков взял противогазную сумку, положил в нее несколько гранат и пополз по кювету в сторону работающего пулемета. За ним наблюдали товарищи, следили за каждым его движением и надеялись на него. Вот Бурнаков уже у цели. Ему осталось незамеченным перебраться на противоположную сторону дороги, которая проходила вдоль примыкающего к хате огорода.

Удастся ли ему это сделать? Время идет. Бурнаков не подает никаких признаков жизни. Неужели убит? Но вдруг стремительно, как акробат, в два прыжка, он преодолевает опасный участок и скрывается в огороде между прошлогодними грядками. Проходят еще мгновения, и в окно, где установлен пулемет, летят одна за другой две гранаты. Отчетливо слышны два хлопка. Из окна повалил дым. Мотострелки поднялись во весь рост и раздалось дружное «Ура».

«Я побежал к входной двери хаты, чтоб убедиться в уничтожении пулемета, – вспоминал М. Бурнаков, – и вдруг прямо на меня выскакивает фашист.

– Хальт! Хенде хох! (Стой! Руки вверх!), – крикнул я.

Немец поднял руки. Но раздалась автоматная очередь, острая боль пронзила плечо.

– Откуда стреляют? – пытался определить я, едва удерживая в руках автомат. И в это время из-за угла показались наши ребята.»

За уничтожение огневой точки противника и проявленные при этом героизм и воинскую смекалку Бурнакову был вручен орден Красного Знамени.

«В боях за расширение плацдарма на правом берегу Южного Буга и в боях в Приднестровье, – говорилось в приказе коман-

дующего 57-й армией генерала Н. А. Гагена, – бойцы и командиры 96-й танковой бригады продемонстрировали высокое мастерство и мощь челябинских танков.» Уничтожая узлы сопротивления противника, они прокладывали путь пехоте.

18 апреля личный состав бригады отметил вторую годовщину со дня своего формирования. В этот день состоялось построение побатальонно, вынос знамени части, краткий митинг с выступлениями партийных и комсомольских активистов, комбрига В. А. Кулибабенко и начальника политотдела В. В. Кропотова. А затем представитель политотдела армии вручил боевые награды пятидесяти двум солдатам и офицерам, отличившимся в боях за освобождение городов и сел Правобережной Украины. Первым получил орден Отечественной войны 2-й степени комбат 228-го танкового батальона Н.И. Кульков, а последним – медаль «За боевые заслуги» заряжающий И.У. Тарасов, уроженец села Пузачи, того самого села, за которое год назад бригада вела кровопролитные бои и прошла испытание на прочность.

После митинга состоялся физкультурный праздник и выступление армейского ансамбля. Почтальон порадовал бойцов письмами с родины. Бойцы получили кратковременный отдых перед новыми боями.

ЯССКО-КИШИНЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В конце апреля бригада двумя эшелонами вышла к берегам Днестра. Батарея М. Галина заняла позиции в районе Бендер, вблизи спрятавшегося в садах небольшого селения. Из-за реки доносился шум строительных работ, ржание лошадей, покрикивание на незнакомом языке. Немцы укрепляли заднестровский рубеж, одновременно обстреливали левый берег, пытаясь помешать сосредоточению на нем советских войск. В воздухе то и дело появлялись немецкие самолеты. Их встречали советские истребители, и завязывались воздушные бои. В ночное время бомбардировщики летали так низко, что, казалось, они задевают верхушки деревьев. Ночную мглу прорезали лучи прожекторов. Над Днестром почти все время висели осветительные бомбы и взлетали осветительные ракеты. А по лесным тропам и просекам, по сооруженным саперами на скорую руку деревянным мостам прибывали все новые и новые части пехоты, танков, артиллерии. Стало тесно на берегах

Днестра. Техники скопилось столько, что командиры часто спорили между собой за места размещения танков, автомобилей и орудий.

В такой обстановке встретили бойцы первомайский праздник. На этот раз он был предельно кратким. Состоялся митинг. Хозяйственные службы приготовили чуть получше обед, повара порадовали солдат пончиками, и вновь началась подготовка к форсированию Днестра. Разведчики изучали оборону противника, наносили на карты расположение огневых точек, намечали пути проходов в минных полях.

В эти дни М. Галин вставал рано, делал зарядку, обливался холодной водой и весь день проводил на наблюдательном пункте. Прильнув к окуляру стереотрубы, он, как охотник, выискивающий добычу, всматривался в очертания высот, зеленый массив леса, покрытые сизой дымкой утреннего тумана поля, садовые участки, среди которых то и дело вспыхивали бордовым цветом черепичные крыши домов. Проехал легковой автомобиль и скрылся за деревьями. Вскоре туда же промчался мотоциклист. И там же блеснул солнечным зайчиком какой-то оптический прибор. «Наверняка в этом месте у них располагается штаб», – подумал М. Галин и приказал командиру огневого взвода нанести на карту координаты этого подозрительно оживленного местечка.

20 мая, в полночь, первая рота 331-го танкового батальона начала переправу на правый берег Днестра в районе Красной Горки, а к рассвету танкисты уже заняли позиции на плацдарме в местечке Пять Курганов. Вскоре к ним переправились остальные подразделения бригады. Здесь, на плацдарме, в боевой обстановке 228-му и 331-му танковым батальонам представители штаба 57-й армии вручили Красные знамена.

Весь июнь и начало июля бригада проводила усиленную подготовку к наступлению. Танкисты, артиллеристы и мотострелки на учебных занятиях оттачивали свое мастерство.

Политработники рассказывали бойцам об освободительной миссии Красной армии, о предстоящих боях за пределами СССР. С этой же повесткой дня проводились партийные и комсомольские собрания.

«22 июля 1944 года в соответствии с директивой Генштаба Красной армии 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола переводилась на новый штат. Численность личного состава

ее теперь достигала 1346 человек. Танки «Т-34» – 65 единиц, были сведены в три батальона. Первым танковым батальоном командовал капитан Алексей Иванович Скворцов, вторым – майор Александр Фролович Мажаев и третьим – майор Александр Петрович Храмов». Пополнились молодыми солдатами мотострелковый батальон капитана Русола и другие подразделения бригады. В обновленном составе бригада приняла участие в новом крупномасштабном наступлении. Это наступление вошло в историю Великой Отечественной войны под наименованием «Яско-Кишиневская операция», она готовилась долго, тщательно и скрытно, с множеством ложных передвижений войск, имевших цель запутать, дезориентировать противника. «5 августа комбриг получил приказ скрытно переправить бригаду на левый берег Днестра для последующей переброски ее на Кицканский плацдарм южнее Бендер, причем так, чтоб немцы не догадывались, что танки из района Пяти Курганов уже ушли. Для выполнения этого приказа танкисты на выхлопные трубы своих машин надели специальные, сплетенные из травы маты, позволявшие сократить слышимость шума работающих двигателей до десяти метров, что позволило танкам незамеченными переправиться на левый берег».

14 августа под проливным дождем бригада вновь форсировала Днестр и, сосредоточившись на правом берегу в районе Кицканы, приступила к усиленному проведению инженерной разведки, поиску путей проходов через минные поля. До начала Яско-Кишиневской операции оставалось меньше недели. По замыслу командования она должна была начаться одновременным наступлением 2-го Украинского фронта из района северо-западнее г. Яссы в направлении на юго-восток, вдоль реки Прут, и войск 3-го Украинского фронта из района южнее Тирасполя с целью окружения и уничтожения немецко-румынской группировки в районе Кишинева. В ударную группу войск южнее Тирасполя входили 46, 37 и 57-я армии, в составе последней числилось семь стрелковых дивизий, 1202-й самоходный артиллерийский полк и 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола.

20 августа 1944 года, едва забрезжил рассвет, задрожала под ногами земля от грохота орудий, расставленных вдоль линии фронта. На каждый километр участка прорыва приходилось 240–243 орудия и миномета 76-миллиметрового калибра и более. Одновременно с воздуха наносила удары авиация. Весь правый берег

Днестра заволокло дымом и пылью. Замолчала артиллерия противника. Один час и сорок минут продолжалась артподготовка. А затем войска 2-го и 3-го Украинских фронтов пошли в наступление, прорвали оборону противника, и 23–24 августа их передовые части встретились в местечке Хуши-Леово. 18 из 25 дивизий противника оказались в котле. 25–26 августа кольцо окружения постепенно сжималось. К 4 сентября окруженная вражеская группировка была разгромлена и перестала существовать.

96-я танковая бригада после прорыва вражеской обороны южнее Бендер в районе Суворовских высот получила приказ о наступлении по направлению Киркаешты–Каушаны–Бачкалия и далее на Эмменталь и Резен. За первый день боев бригада прошла по дорогам Молдавии, преследуя противника, 25 километров. Героем дня стал заряжающий танка «Т-34» 331-го танкового батальона сержант Леонид Калинин. Когда его танк уничтожил две пушки, две автомашины, раздавил десяток пулеметных гнезд, Л. Калинин увидел в разрушенном окопе работающую радиостанцию.

– Товарищ командир, жалко давить рацию, разрешите я ее заберу, пригодится в нашем хозяйстве.

– Только быстро! – дал согласие командир.

Калинkin Л. покинул машину, спрыгнул в окоп, а там под бровкой притаился гитлеровец – офицер связи, он выстрелил в танкиста, но промахнулся. Калинин успел вскинуть автомат и... на спусковой крючок не нажал. Увидев застывший страх и страдание в глазах фашиста, кивком головы подал ему знак бросить оружие. Немец разжал пальцы, пистолет упал к его ногам.

– Хенде хох! – скомандовал Калинин.

За взятого таким образом в плен офицера Л. Калинкина наградили орденом Славы 3-й степени.

При освобождении Молдавии погиб начальник политотдела бригады подполковник В. В. Кропотов. Во время наступления он координировал действия 3-го танкового батальона, перемещаясь в немецком автомобиле, выкрашенном почему-то в синий цвет. Крупнокалиберный снаряд угодил прямо в капот этой машины. Погибли все, кто находился в ней: шофер, радист, В. В. Кропотов и три офицера.

Смерть комиссара еще больше сплотила бойцов, мобилизовала их на новые подвиги. Освобождая населенные пункты Молдавской Республики, танкисты-челябинцы 23 августа подошли к

хорошо укрепленному поселку Заим и атаковали его. Танк, ведомый аргаяшцем сержантом Иваном Зайцевым, вырвался вперед, на окраине села попал под огонь вражеской пушки. Развернулся на 90 градусов, меткими выстрелами уничтожил ее, вернулся на дорогу, вновь попал под удар вражеской батареи, атаковал ее, раздавил одно орудие, таранил второе, разгромил колонну из 4 автомашин, скопившихся в проулке. Выскочил на центральную улицу села и, вдруг качнувшись стволом к земле, прокатился еще метров двадцать, остановился. Подбили. Экипаж машину не покинул и продолжал отстреливаться. Вокруг потерявшего ход танка рвались снаряды. Посланные на помощь комбатом Скворцовым два танка не успели. Машина Зайцева загорелась. Экипаж погиб.

На подступах к следующему селу 3-й танковый батальон оказался в окружении пехотных частей противника, поддерживаемых самоходной артиллерией. На помощь ему подоспели 1-й и 2-й танковые батальоны. Они уничтожили все самоходные орудия и рассеяли пехоту врага. В этом бою в числе особо отличившихся комбриг В. А. Кулибабенко назвал экипаж танка «Т-34» младшего лейтенанта М. М. Будилова и командира отделения 1-й роты мотострелкового батальона сержанта А. Устинова.

В течение дня 23 августа бригада уничтожила 15 одиночных орудий разного калибра, 5 самоходных артиллерийских установок, подавила 4 батареи, уничтожила и взяла в плен более 600 солдат и офицеров противника. Потери бригады составили три подбитых танка «Т-34».

Развивая наступление, челябинцы вечером 23 августа приблизились к селению Эмменталь. День заканчивался. Остывала накалившаяся от знойного солнца броня. Усталые танкисты валились с ног. Глаза сами закрывались, так сильно хотелось спать. Комбриг В.А. Кулибабенко решил дать танкистам четыре часа ночного отдыха. Но после полуночи дозорные доложили, что из села вышла колонна немцев. Командир танка А. Погребной первым открыл огонь по движущимся целям. Через считанные минуты весь 228-й танковый батальон уже находился в бою. Немцы трижды бросались в атаку, пытаясь под покровом темноты прорваться на юго-запад. Завязался ночной бой, в котором сгорели 12 вражеских танков, 35 автомашин и повозок. Был разгромлен штаб 384-й немецкой пехотной дивизии, захвачены две штабные автомашины с документами, а среди убитых гитлеровцев оказались два генерала.

Хорошо показали себя в этом бою механики-водители Александр Стариков и Гурий Бабушкин. Но подлинными героями стали разведчики сержанта Б.П. Гредюшко. Они обошли двухорудийную батарею противника с тыла. Выждали удобный момент. Самый рослый из них рядовой Романов бросил под первое орудие противотанковую гранату. Раздался взрыв, и тут же разведчики выскочили из укрытия с криком:

– Хенде хох!

Первое орудие оказалось повреждено взрывом гранаты. Со второго орудия Леушкин снял замок. Все происходило быстро, слаженно, как и задумывалось. В особый отдел бригады привели 12 пленных немецких артиллеристов.

Отступающие части противника пытались закрепиться на окраинах относительно большого селения Резен. Участник боев за это село командир 3-й роты 3-го танкового батальона Тухватшин Насих Хасанович вспоминал: «Комбат А.П. Храмов принял решение атаковать противника в Резене с ходу. При этом первой танковой роте лейтенанта Калюпенского и второй – старшего лейтенанта Волошина он приказал ударить по врагу фронтально, в лоб. А нашей 3-й роте поставил задачу незаметно пройти по низине 10–12 километров и атаковать противника с фланга, почти с тыла. Что мы и сделали. Моя рота вышла на намеченный для атаки рубеж, и, развернувшись в боевую линию, мы пошли в атаку. Исход боя, длившегося около двух часов, решило то, что танки моей роты появились для противника внезапно, с тыла. И гитлеровцы, охваченные паникой, разбежались. Причем бегство их было таким стремительным, что они оставили четыре 88-миллиметровых орудия заряженными. Произвести выстрел им уже не хватило времени.

Воодушевленный успехом 3-й танковый батальон, оторвавшись от пехоты, вошел в Резен раньше установленного времени. Минут через пятнадцать прилетели наши штурмовики и, приняв нас за противника, начали обстреливать с воздуха. Мы своевременно выставили условный знак «свой». Увидев его, самолеты сделали круг над селом и, помахав крыльями, что означало «поняли», улетели, но потери от их налета у нас были. Подробности этого боя я не помню. Дневники не вел, ничего не записывал. А если говорить откровенно, то и не думал, что останусь живым. Но я остался жив. Таковы парадоксы войны».

В бою под Резеном отличился танк лейтенанта Аликова, в экипаже которого уверенно действовал старшина Валиула Хайрулин

родом из Кунашака. Этот танк за три дня боев уничтожил две противотанковые пушки, три автомашины и значительное количество живой силы противника. Не менее успешно действовали экипажи младшего лейтенанта Михаила Будилова, уничтожившего два противотанковых орудия, старшего лейтенанта Н.Х. Тухватшина, лейтенанта Г.А. Макарова, младших лейтенантов Н. В. Мальцева и М.Б. Володарского, ими уничтожены два танка и два самоходных орудия.

Продолжая наступательные действия, танки 96-й бригады, увлекая за собой пехоту, 26 августа взяли село Каракуй. 27 августа танки старших лейтенантов Н.И. Ульянова и Я. А. Бортникова ворвались в село Карагач. 30 августа вся бригада вышла на берега Дуная.

Советская Молдавия вновь приобрела свободу и независимость. Под влиянием успешных действий советских войск в Яско-Кишиневской операции прогрессивные силы Румынии во главе с коммунистами свергли в своей стране фашистский режим, образовали новое правительство, которое объявило о выходе Румынии из гитлеровского блока, а 24 августа объявило войну Германии. Усилилась национально-освободительная борьба в Болгарии и других Балканских странах.

ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ

Продолжая изгонять фашистских захватчиков с территории СССР, 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола 31 августа 1944 года форсировала Дунай в районе Измаила и высадилась на румынском берегу близ города Тулча. Румынские пограничники, наблюдавшие за десантированием советских войск, оставались на своей заставе, установив на видном месте винтовки в пирамиду. Поблизости находились их четыре стареньких танка, на которые никто не обращал внимания. Когда подразделения челябинцев выстроились на берегу Дуная, к комбригу В.А. Кулибабенко подошел румынский офицер и бросил ему под ноги плащ.

– Что это означает? – спросил его Кулибабенко.

– Это означает, что мы признаем СССР победителем и не будем поднимать против вас оружие, так как понимаем, что воевать с вами – это безумие.

В.А. Кулибабенко пожал офицеру руку. Прозвучала команда: «Направо! Шагом марш!». И колонна двинулась к железнодорожной станции мимо садов и виноградников. Бойцы испытывали большое желание сорвать гроздь винограда, яблоко или грушу, висевшие совсем рядом. Но никто этого не сделал, так как В. А. Кулибабенко строго предупредил: «Не ронять честь красноармейца!» – и для верности пригрозил кулаком. Румыны – хозяева садов, – с любопытством и опаской посматривали на советских солдат, наверное, думая, будут грабить или нет. Но убедившись, что русские пришли с мирными намерениями, сами понесли бойцам гостинцы – фрукты и ягоды, приветствовали воинов, бросали им на танки цветы.

На первый железнодорожный путь подошел состав, бригада погрузилась в вагоны, паровоз, окутавшись паром, подал пронзительный гудок, и эшелон двинулся в сторону румыно-болгарской границы. По прибытии танки разгрузились близ села Зарим. Туда же прибыли части бригады, следовавшие колесным транспортом, и сосредоточились в лесу на берегу небольшого озера, в тихой воде которого отражались голубое небо и темные, заросшие лесом берега. Здесь проводилась усиленная политработа среди личного состава. Изучалась памятка военного совета 3-го Украинского фронта воинам Красной армии. «Ты настиг врага здесь, обязан... навсегда освободить болгарский народ от немецко-фашистских орд, – говорилось в памятке. – Ни на одну минуту не забывай о своей благородной миссии воина-освободителя, и пусть сознание этого определяет каждый твой шаг, каждый поступок и каждое слово... Мы не собираемся навязывать болгарам свои законы и порядки. Мы предоставляем самим болгарам решать вопрос о своем внутреннем устройстве. Всегда помни об этом, товарищ, ни в чем не роняй достоинство гражданина нашей великой и могучей Родины!».

Ожидая приказ Ставки Верховного главнокомандования о дальнейших действиях, бригада готовилась к переходу болгарской границы. Проводилась разведка приграничных районов. «Мы, разведчики, углубились на территорию Болгарии до километра, – рассказывал Б. П. Гредюшко, – видим, бежит нам навстречу болгарин с карабином и машет рукой. А нам показалось, что он кулак показывает. Разоружили его и привели в особый отдел. Через несколько минут вызывает меня И. И. Тюренков и говорит:

– Отдай ему карабин, это наш братушка!»

7 сентября пришел приказ 96-й танковой бригаде о выступлении на территорию Болгарии в авангарде 34-го стрелкового корпуса. Роте мотострелков комбриг приказал обследовать места перехода в сопредельное государство. Построившись в колонну по одному, бойцы двинулись вдоль границы. И вскоре вышли к небольшому двухэтажному зданию, принадлежавшему болгарской погранзаставе. Решили захватить его. А когда приблизились к зданию, увидели в его дворике развевающийся по ветру Красный флаг СССР и столы, накрытые для обеда. Из здания вышел болгарский полковник и говорит:

– Проходите, братушки! Мы вас уже заждались.

Мотострелки стояли в недоумении и долго не могли понять, куда они попали.

«В ночь на 8 сентября батальоны бригады построились в походную колонну и утром двинулись через границу по направлению к городу Шумену. В головном отряде шел второй танковый батальон Мажаева. С главными силами двигался первый батальон капитана Скворцова. Батальон автоматчиков был рассредоточен по ротам колонны, а его командир Руссол с ротой автоматчиков, противотанковая батарея, рота минометчиков и штабное отделение двигались за третьим батальоном».

Пройдя первые десять километров, бойцы бригады увидели группу людей с красным флагом. Впереди них стоял старичок в костюме болгарского крестьянина и держал положенный на вышитое причудливым узором полотенце каравай с хлебом-солью. А за ним стояли, взявшись за руки, учительница и учащиеся сельской школы. Колонна танков остановилась. Танкисты ждали, что скажет командир.

– Вот так я готов воевать хоть всю жизнь, – услышали они восторженные слова Мажаева.

Все бойцы были поражены той теплотой и любовью, с какими встречало их население Болгарии. Встречающих на дороге вышло столько, что было затруднено движение. И по этой причине значительная часть бригады далеко отстала. А передовым частям предстояло в указанный срок взять с боем небольшой, с узкими улочками, с крышами, крытыми черепицей, город Шумла (Шумен), на окраине которого окопались гитлеровцы. Посоветовавшись, командиры решили слить имеющийся бензин в две автомашины

гвардейских минометов «РС», полностью заправить горючим и укомплектовать боеприпасами два танка, посадить на их броню мотострелков и начать штурм города. Катюши своими залпами подавили артиллерийскую батарею, танки, взломав оборону противника, обратили его в бегство. Когда подошли основные силы бригады, автоматчики уже вели бой на железнодорожной станции, где немцы еще оказывали отчаянное сопротивление.

За успешное осуществление операции по освобождению города Шумлы 96-я танковая бригада имени Челябинского комсомола стала именоваться Шумлинской. В Шумле танкисты-челябинцы были желанными гостями. Штаб бригады размещался в доме № 8 по улице, носящей имя героя освобождения Болгарии в 1878 году от турецкого ига генерала М. Д. Скобелева. 9 сентября на центральной площади состоялся грандиозный митинг болгаро-советской дружбы. Чествование освободителей продолжалось несколько дней. 14 сентября бригада по железной дороге, а колесный транспорт своим ходом выехали в Софию. И вновь «на всем пути до Софии жители болгарских сел и городов встречали челябинцев восторженными приветствиями и живыми цветами. На перронах железнодорожных станций под аншлагом «Добре дошли, братушки» накрывали белыми скатертями столы, заставляли их фруктами, разной снедью и домоджанами с вином. Радость встречающих была искренней и безграничной. По всему чувствовалось, что в памяти болгарского народа не иссякло чувство братской привязанности и благодарности к воинам России, которые еще в XVIII веке принесли ему освобождение от продолжавшегося 300 лет ига турецких янычар. Теперь же тучи над их родиной развеяны навсегда», — записал тогда в свой блокнот И. И. Тюренков.

Во время стоянки поезда в Плевене произошел случай из ряда курьезных. «Лишь только эшелон остановился у перрона, бойцы увидели группу бегущих болгар и спрашивающих:

– Где ваш командир? Где командир?

– Вон в том вагоне, — показали им.

Болгары побежали туда, подняли на руки командира и, торжествуя, понесли его к трибуне, где уже собралось много людей. Вышли из вагонов танкисты и тоже присоединились к митингующим. Состоялась необычайной теплоты волнующая встреча русских и болгар. 29-ти отличившимся танкистам местные власти г. Плевена вручили на память в качестве подарка наручные часы».

Проявления дружеских чувств граждан Болгарии к советским воинам продолжались и в пригородах Софии, и в самой Софии, где размещались подразделения бригады.

В октябре 1944 года должность начальника политотдела бригады принял Иван Иванович Фоменко. 23 ноября приказом командующего фронтом в бригаде формируется группа офицеров-танкистов во главе с инженер-капитаном С. И. Суренковым, которой вменили в обязанность оказание помощи танкистам Болгарской народной армии в изучении и освоении советских танков «Т-34». Для болгарских друзей специально разработали программу теоретического и практического обучения, рассчитанную на 3–4 месяца.

18 ноября 1944 года комбриг В.А. Кулибабенко, поблагодарив солдат и командиров своей бригады за добросовестную службу, отбыл в Москву для учебы в Академии бронетанковых войск. На его место заступил подполковник Шкадов Иван Николаевич, под его командованием челябинцы продолжили службу за рубежами своей страны.

Радость первых встреч народов-братьев вскоре была омрачена начавшейся после свержения фашистского режима в Болгарии борьбой за власть. Опустели улицы красавицы - Софии. Одиноким прохожим улыбались советским солдатам, приветствовали их, но оглядывались с опаской: не наблюдает ли кто-то за ними. На площадях стали появляться толпы беснующих монархистов и фашиствующих демократов. Танкам бригады часто приходилось выходить на площади столицы, чтобы продемонстрировать свое присутствие. «Когда на болгаро-югославской границе развернулись сильные бои, – вспоминал Б.П. Гредюшко, – нашу бригаду подняли по тревоге и бросили на помощь сражающимся войскам. Но на полпути из Софии пришла шифровка с приказом срочного возвращения в места первоначальной дислокации. Оказывается, в Софию вошел болгарский корпус. На решение народного правительства о рассредоточении частей корпуса по другим воинским соединениям профашистски настроенный командир ответил отказом и блокировал центральные правительственные учреждения. Возвратившаяся 96-я танковая бригада совместно с танковым полком обложила все части болгарского корпуса. Так мы стояли довольно долго. Делали вид, что занимаемся боевой подготовкой, а сами внимательно наблюдали за подразделениями корпуса. Такое противостояние продолжалось до тех пор, пока командир корпуса не дал согласие на расформирование своего соединения.»

Война в Европе заканчивалась, а бригада по-прежнему оставалась в Болгарии. Много лет спустя, ветераны-танкисты объясняли этот факт тем, что союзники имели намерения воспрепятствовать освободительной миссии Красной армии на Балканах, используя для этой цели возможности турецкой армии, 20 дивизий которой были сосредоточены на болгаро-турецкой границе. Но события в этом регионе стали развиваться по другому сценарию. После победного завершения войны в июле 1945 года 96-я Шумлинская танковая бригада имени Челябинского комсомола была переформирована в 96-й армейский Шумлинский тяжелый танковый полк имени Челябинского комсомола. На его вооружение поступили новые тяжелые танки «ИС».

При поддержке Советского Союза народная власть в Болгарии быстро укреплялась. Коллективистские марксистско-ленинские идеи в стране торжествовали. Возрастала мощь Болгарской народной армии. Надобность пребывания в Болгарии Советских вооруженных сил отпала. В 1946 году 96-й армейский Шумлинский тяжелый танковый полк имени Челябинского комсомола был расформирован и прекратил свое существование. Челябинские добровольцы возвратились на родину, сменили солдатские гимнастерки на штатские пиджаки и включились в строительство мирной жизни.

ЭПИЛОГ

В 1959 году Челябинск посетил первый командир 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола генерал-майор в отставке В.Г. Лебедев. Он побывал в местах формирования танковой колонны, встречался с бывшими добровольцами, с рабочими тракторного завода, с журналистами газеты «Комсомолец», беседовал в горкоме и обкоме партии и был удивлен тому, что в краеведческом музее и в обкоме комсомола не сохранились никакие сведения о первых добровольцах-танкистах. Поэтому, встретившись со своими бывшими солдатами, он поставил перед ними задачу: «Собрать точные сведения о судьбе каждого из оставшихся в живых наших товарищей и определить места захоронения погибших». Для этой цели в 1961 году была организована военно-историческая экспедиция по местам боев 96-й танковой бригады. Кроме В. Г. Лебедева, в экспедиции приняли участие И. И. Тюренков,

Ф. М. Фомин, Е. Колчанов, бывшие артиллеристы М. Галин, А. Комков и другие.

В 1963 году в челябинской школе № 2, где формировалась бригада, произошла первая встреча ветеранов-танкистов с молодежью. С того момента подобные встречи стали регулярными. В 1965 году в ознаменование 20-летия победы над фашистской Германией во дворе школы № 2 состоялось торжественное построение двух поколений – современных школьников и ветеранов-танкистов бригады. Под звуки марша «Вперед, челябинцы-танкисты!» бывший политрук и первый знаменосец бригады А. Кожевников из города Сатки пронес перед строем боевое знамя 96-й танковой бригады, присланное Центральным музеем Советской армии из Москвы специально для проведения торжественной встречи. На знамя, прошедшее через пожарища войны, теперь равнялись и седые ветераны, и молодые патриоты. «Это были незабываемые минуты. У ветеранов на глазах блестели слезы. Застыли по стойке «смирно» в строю юные ленинцы, комсомольцы, такой встречи им не приходилось видеть. Тогда же у входа в здание школы была установлена мемориальная доска в память о 96-й танковой бригаде имени Челябинского комсомола». И впервые прозвучали скорбные слова: «Из 1200 добровольцев нас осталось 200».

Между учащимися 2-й школы и бывшими добровольцами установились деловые дружеские отношения. Ветераны принимали участие в организации внеклассной работы, присутствовали на школьных комсомольских собраниях, делились с ребятами своими воспоминаниями. Рассказывать же фронтовикам было о чем. Ведь недруги СССР фактически сразу после окончания Великой Отечественной войны приступили к фальсифицированию ее итогов, а в период так называемой перестройки у них нашлись последователи и в России. Под предлогом поиска «правды о войне» они всячески пытались принизить значение и роль советского народа в разгроме фашизма. Одним из главных объектов своих нападок фальсификаторы избрали главу СССР И.В. Сталина. Перемешивая правду с кривдой, они бросали тень на него, а следовательно, и на всех солдат, которые с именем Сталина поднимались в атаку и отдавали свои жизни за Родину.

До последних дней своих ветераны 96-й танковой бригады разоблачали клеветников и утверждали историческую истину. В 1998 году они поддержали решение директора челябинской школы № 2, авторитетного педагога, историка и патриота, С. В. Алаб-

жина о создании в школе галереи полководцев, чья деятельность была связана с Уралом, и дружно участвовали в установке скульптурных портретов генералов А.Г. Родина, И.Н. Шкадова, маршалов В. К. Блюхера, Г. К. Жукова и генералиссимуса И. В. Сталина. Узнав об этом, «пятая колонна» неистовствовала. Но ветеранов-танкистов поддержали фронтовики других родов войск. На открытие галереи полководцев приехал член Государственной думы Герой Советского Союза генерал армии В.И. Варенников, пришли руководители областного и городского комитетов ветеранов войны А.К. Огороков и Е.Н. Козлов, а также многочисленные гости. В школе появилась еще одна яркая экспозиция, отображающая славную историю России.

Галерея полководцев дополнила экспонаты уже существующего в школе музея боевой славы, возглавлявшего заслуженным учителем РСФСР И.С. Вереникиной. На стендах музея можно проследить весь боевой путь бригады. В центре экспозиции находится свой собственный, школьный, Вечный огонь памяти со шкатулками с землей, привезенной из-под Белгорода, с братских могил челябинских добровольцев.

В 1983 году по результатам всесоюзного смотра-конкурса, проводимого газетой «Пионерская правда», музей школы № 2 занял второе место в СССР. Музей трижды награждался вымпелами Советского комитета ветеранов войны, а в 1987 году награжден знаменем Димитровского союза молодежи болгарского города Шумена.

В настоящее время, музей возглавляет ветеран танковых войск И.В. Ковшов, здесь в торжественные праздничные дни и дни памяти, как и прежде, возле Вечного огня музея проводятся уроки верности и мужества. Здесь школьники соприкасаются с историей войны, с подвигами своих дедов и прадедов, задумываются о смысле жизни, о долге гражданина-патриота перед своим Отечеством.

Содержание

Предисловие	5
Рождение бригады	6
Дорога на фронт	13
Августовские бои 1942 года	15
Новое пополнение	20
Острогожско-Россошанская операция	28
Воронежско-Касторненская операция	40
На харьковском направлении	53
Битва на Орловско-Курской дуге	56
Герой остается Героем	70
Вперед, на Белгород	73
Освобождение Харькова	81
Наступление на запад	89
Яско-Кишиневская операция	110
Освобождение Болгарии	116
Эпилог	121
Содержание	124

Л.А. Попов

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

(Вспоминают ветераны г. Челябинска)

Серия 18. Сыны Отечества.